ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

КОНАН

В ЦИТАДЕЛИ МРАКА

Джон Маддокс Робертс

Один лишь Конан решился бросить вызов Ариману, то есть самому злу.

АЗБУКА
fantasy

Annotation

Даже слуги злобного Сэта не решались нарушить тишину святилища Аримана, где хранились несметные сокровища. Они понимали, что даже их мрачный покровитель будет бессилен против верховного бога зла. Никто не смел даже думать о том, чтобы похитить эти сокровища, пока в Шапуре не появился Конан киммериец.

О дерзком ограблении, о схватке с бандой охотников за людьми, о пробуждении спящего божества повествует эта книга.

- Конан в цитадели мрака
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Глава тринадцатая
  - Глава четырнадцатая
  - Глава пятнадцатая

Конан в цитадели мрака

Кендрику Мадогу Мигатту, его родителям Кеннету и Марлен и брату Захарии с любовью от деда

Глава первая

Ощущения были знакомы: адская головная боль, невыносимая жажда, мучительный зуд от колющей спину гнилой соломы, всепроникающий смрад. По крайней мере, как бы ни были неприятны все эти ощущения, способность их испытывать означала, что он жив. Не впервой было киммерийцу очнуться в темнице. Впрочем, есть такие темницы, где оказаться живым — это не преимущество.

Напрягая мышцы лица, он пытался поднять опухшие веки и, когда удалось разлепить глаза, испытал некоторое облегчение. Он знал, что в этой провинции есть судья, любимым наказанием которого было приказать зашить опущенные веки преступника. Мутный взор узника различал каменные стены, каменный потолок и косые лучи утреннего солнца, проникающие из-под самого потолка, сквозь мелко зарешеченное крошечное окошко. Он страстно пожелал припасть к этому оконцу и вдохнуть толику свежего воздуха.

Это желание заставило его попытаться сесть, медленно и осторожно. Когда он наконец с трудом оторвал от пола приклеившийся засохшей кровью затылок, клок соломы остался висеть на его черной гриве. Он услышал звон металла, сопровождающий движения, и опустил глаза на свои израненные ладони и мускулистые руки. На его мощные запястья фехтовальщика были наложены оковы; грязное, бурое железо скреплено новенькими, блестящими заклепками. Подобные кандалы опутывали и ноги. Мимолетное касание подсказало ему, что еще одно кольцо охватило его жилистую шею. От всех колец цепи протянулись к крюкам, глубоко вделанным в камень пола и стен.

Нет сомнения, что на кого-то он произвел впечатление человека опасного. Смысл в этом имелся, ибо он, Конан из Киммерии, был самым опасным человеком из всех, известных ему самому. Он ухитрился встать, но обнаружил, что нет ни единого шанса дотянуться до окошка: он мог ступить не более шага в любом направлении. Когда он размял затекшие члены и кровь свободно разлилась по жилам, он окончательно пришел в себя и постарался вспомнить, как очутился в подобной ситуации.

Из глубины сознания всплыло женское лицо. Минна? Нет, Мината. Для него уже стало привычкой ночами пробираться в город ради нее. Он прискакал с южных холмов, закутанный в плащ пустынника. По всему этому королевству за его голову была назначена награда. Он уже несколько месяцев назад собирался убраться отсюда и поскакать на юг, в Иранистан, но остался из-за женщины. Даже сейчас, оказавшегося в критическом положении, измученного болью, его попрежнему возбуждали воспоминания о ее огромных глазах, волосах цвета воронова крыла, сочном, гибком теле.

За малую мзду стражники пропустили его через пешеходные ворота, как было принято в этой земле, когда путник желал войти в город после захода солнца. Он держал путь сквозь запутанный лабиринт трущоб Квартала Чужеземцев, потом взобрался по расшатанной лестнице и слегка постучал в дверь Минаты-заморийки. Она была жрицей пользующегося дурной славой храма Иштар. Но его не заботило, как она коротает дни, пока оставляет для него ночи.

Дверь отворилась, и перед ним в сумраке горящих свечей предстала женщина, прекрасная, как всегда; тело ее было едва прикрыто накидкой из вендийского газа. Но губы ее не шевельнулись в приветствии. Когда она отступила в комнату, он увидел, как ее глаза расширились, полные ужаса.

— Конан, я…

И здесь обрывались его воспоминания о той ночи. Кто бы ни ударил его сзади, у него была крепкая рука и совершенное знание своего ремесла, ибо Конан моментально лишился сознания.

Итак, Минata продала его. Ему следует рассчитаться с ней, если он когда-нибудь вырвется из этих цепей и этих стен. Он проклинал себя за глупость. Он прекрасно знал, что не следует доверять женщине, особеннотам, где речь идет о награде. И все же, зная это, он часто так поступал, потом обычно раскаиваясь.

— Тюремщик! — крикнул он — лишь хрип вырвался из пересохшей глотки.

Он загремел цепями, проверив заодно их крепость; его мускулы вздулись отточенным рельефом, силясь разорвать ограничивающие кольца. Те были старые и ржавые, но прочные. Самому их не сбросить.

В узком проходе послышалось шарканье, и человек подошел к зарешеченной двери.

— Что тебе нужно, варвар?

Это была жирная, неуклюжая туша с поседевшими волосами и ртом, полным коричневых зубов.

— Воды, — проревел Конан.

— Зачем?

— Затем, что я хочу пить, дурачина!

— А мне-то что? Ты скоро подохнешь, так что на тебя только воду тратить.

— Он повернулся и поплелся прочь, бряцая ключами, массивным кольцом прикрепленными к поясу.

Мыслям Конана не хватало логики, но он был в бешенстве, и ярость его удваивалась оттого, что он абсолютно ничего не мог сделать, даже сдвинуться с места. Тут внимание его привлек голос, прозвучавший поблизости:

— Успокойся, парень. Скоро этот негодяй принесет тебе и еду, и питье. Пока что ты не умрешь. Вице-король сбережет тебя для особого случая.

Голос доносился из-за стены справа от Конана. Скосив глаза, он едва смог различить лицо, взирающее на него через небольшое квадратное отверстие в стене.

— Кто ты? — промычал Конан.

— Осман-шангариец, нахожусь здесь вследствие позорной судебной ошибки. — Кривая ухмылка придавала словам иронический оттенок.

Неожиданно для себя Конан ухмыльнулся в ответ:

— Поспорю, что ты даже больше меня заслуживаешь этого места.

— Судья думал так же, — вздохнул Осман. — И все потому, что драгоценности его жены каким-то образом оказались в моей суме, когда меня схватили.

— А почему тебя схватили? — осведомился Конан, желая как-то развлечься.

— Несколько типов обвинили меня в том, будто я использовал шулерскую кость в дружеской игре! — Его расширенные глаза были сама оскорбленная невинность. — В качестве компенсации я предложил им мой кинжал, но они оказались столь неуклюжи, что умудрились наткнуться на лезвие и пораниться. Несчастный случай как результат чистого недоразумения.

— А как же ты объяснил наличие драгоценностей?

— Что может быть проще? Ясное дело, злой колдун пожелал навредить мне и подсунул их посредством своей черной магии.

— И лучше ты ничего не мог придумать? — спросил киммериец. — Ты заслуживаешь повешения хотя бы за столь жалкую ложь.

— Я пожалел судей, — сказал Осман. — Они снова и снова выслушивают одни и те же оправдания. Доставив этому некоторое развлечение, я надеялся как-то умерить его ярость, тем более учитывая подозрения, будто я получил доступ к имуществу его женушки неким способом, бросающим тень на ее добродетели.

— Хватит об этом, — перебил Конан, в последнем рывке пытаясь порвать цепи. — Что это ты там говорил — дескать, меня сберегут для особого случая?

— А, это! Знай, что Торгут-хан, вице-король, готовит великое празднество, дабы отметить освящение нового храма Аримана. Наряду с обычными забавами и пиршеством состоится массовая казнь заключенных, дабы освободить тюрьмы и вступить в новый год чистыми как стеклышко. Уже несколько месяцев он накапливает висельников и выписал лучшего палача из Аграпура. Тебе же уготована главная роль.

— Понятно. И когда же состоится это выдающееся событие?

— Через две недели. Как видишь, тюремщик просто обязан вскоре напоить тебя. Он не посмеет причинить вред коронному номеру Торгут-хана.

Покои были неровно освещены свечами в канделябрах, украшенных змеями и гирляндами цветов, искусно выделанными из бронзы. Два человека сидели здесь, разделенные небольшим столиком. Посреди стола находился кувшин с вином, а перед сидящими стояли чаши чеканного серебра.

— Мне не нравится этот план, — произнес тот, что выглядел старшим. Это был осанистый, тяжеловесный мужчина, разодетый в тончайшие шелка. — Он чересчур сложный. И слишком многое оставляет случаю.

— Он ничего не оставляет случаю, — возразил другой. На нем была кираса гравированной стали, а голова увенчана остроконечным шлемом. Кольчужная сетка, искуснейше сработанная из серебряной стали, обрамляла жестокое, хищное лицо. Черные усы свисали по обе стороны рта, являвшего собой лишь тугую прямую полоску. — Я знаю людей и знаю золото, и мне известно, на что готовы первые, дабы добыть второе. Оставь мне мою работу, и мы захватим очень многих.

— Неизбежны волнения, — задумчиво пробормотал Торгут-хан, — и кровопролитие.

— Дрянной крови, — фыркнул его собеседник.

— Случись непредвиденное, это омрачит мое празднество. Я желаю невероятного, исключительного великолепия, дабы событие это запомнилось навсегда.

— Так и будет, — нетерпеливо воскликнул затянутый в броню воин. Чтобы успокоиться, он хлебнул вина. Рука его ласкала рукоять длинной кривой сабли. Зазубренный, пожелтевший от времени эфес указывал на то, что долгие годы оружие не лежало без дела. — Подумай об этом, — продолжил он. — Лишь мимолетное волнение, не более чем забавная пауза в церемониях, и ты сможешь всех их уложить на плаху, что как раз сооружена перед новым храмом, и предать смерти столь искусно, как способен этот палач, коего ты заполучил такой дорогой ценой.

Заблестели глаза Торгут-хана:

— Это было бы подходящим венцом торжествам.

— Вот видишь! И едва ли нужно убеждать тебя, как будет доволен его величество столь ловкой расправой с разбоем и бандитизмом.

Торгут-хан кивал сперва задумчиво, затем все более решительно. Ладонью он сильно хлопнул по столу:

— Быть по сему. Даю тебе право исполнить задуманное.

Мужчина поднялся из-за стола и отсалютовал, подняв сжатый кулак к забранной сталью груди:

— Незамедлительно, превосходнейший.

— И еще, Загобал… — произнес вице-король, когда его приспешник уже направлялся к выходу.

Мужчина обернулся, рука застыла на ручке двери:

— Превосходнейший?

— Не провали дело, иначе поплатишься собственной головой. — Угрюмый взгляд вице-короля был сонным, но угрожающим, будто у жирного, ленивого дракона, все еще полного сил и ядовитого дыхания.

Загобал склонил голову:

— Да, превосходнейший.

Он вышел из комнаты и закрыл за собой дверь. И лишь тогда позволил проступить на лице чувствам. Стража, мимо которой он проходил, уставилась перед собой неподвижными взглядами, стремясь избежать внимания своего командира. Опасный даже в самом лучшем расположении духа, в нынешнем настроении он мог быть беспощаден. Винный перегар изо рта, пятнышко ржавчины на острие копья, даже в самый неподходящий момент шнуровка на башмаке могли послужить для него достаточным поводом, дабы обнажить этот страшный клинок с костяной рукоятью и снести голову несчастного с плеч столь быстро, что, прежде чем успеешь понять, как рука легла на эфес, командир уже вытирает обагренное кровью лезвие.

Загобал был разъярен тем, что человек, которому он так верно и успешно служил, обошелся с ним настолько пренебрежительно. И так всегда. Как бы то ни было, вице-король останется королевским родичем и влиятельным вельможей, занявшим свой могущественный и доходный пост благодаря родственным связям. Загобал же, великолепный солдат, напротив, никогда не поднимется выше капитана провинциального гарнизона. И все потому, что он всего лишь второй сын ничтожного землевладельца и заслужил свой чин сноровкой, отвагой и тяжелой солдатской жизнью.

«Хватит, клянусь Сетом! Хватит! — думал он, шагая к своему жилищу. — Хватит служить этому жирному надушенному царедворцу, что золотом и лестью купил свое положение!»

Завидев приближающегося капитана, два человека, сидевшие на лавке у входа в его жилище, встали и поклонились.

— Идите за мной, — бросил он тоном, не допускающим возражений.

Он вошел в квартиру, и они последовали за ним. Здесь он снял шлем и осторожно водрузил его на болванку, стоявшую поверх сундука с оружием. Черные волосы плотно окаймляли череп. Он повернулся, дабы бросить свирепый взгляд на своих спутников. Те имели самое неприметное обличье, были одеты как обычные горожане, но владели необходимым ему мастерством.

— Вот что надлежит делать, — сказал он.

На третий день заключения киммерийцу показалось, что его охватывает безумие. В

темнице были и другие узники, но он мог видеть и слышать лишь сидевшего в соседней камере Османа. Что ж, в конце концов, этот парень оказался забавным собеседником с неисчерпаемым запасом историй и похабных сплетен, в основном касающихся сановников Турана. А также их жен, о которых он, похоже, знает куда больше, чем следовало человеку, дорожащему своей шеей.

— Хватит, — сказал Конан после особенно мерзкой истории, повествующей о том, как прежний вице-король наказал свою неверную жену. — Нам нужно придумать, как смыться отсюда, иначе придется украсить собой освящение храма, а это мне как-то не по нутру.

— Ты твердишь об этом вот уже три дня, — заметил Осман, — а твои цепи держат тебя все так же прочно.

— Я все надеялся, что такой светильник разума, как ты, выдаст какую-нибудь идею.

— Как насчет твоей шайки разбойников? — спросил Осман. — Не могли бы они прийти и освободить нас?

— Эти! — Конан издал отрывистый смешок. — Единственное, что удержит их здесь, это возможность полюбоваться, как меня прикончат на плахе.

— А я-то думал, бродячие разбойники — банда братьев, — сказал Осман с насмешливой укоризной.

— Ага, в точности как городские карманники и наемные убийцы, — парировал Конан. — Они ценили меня за силу и мастерство в налетах. Как только ты пропадаешь из виду, поверь, подобный народ не станет долго лить слезы.

— Какая жалость, — произнес Осман.

Конан сел на пол и постарался выискать хоть какую-нибудь хитрость, позволившую бы сбежать отсюда. Но всякая идея разбивалась о его полную беспомощность. Оковы слишком крепкие, чтобы разорвать их, а цепи слишком коротки, чтобы позволить ему даже приблизиться к стенам, окну или двери темницы. Сторож никогда не подойдет на расстояние, позволяющее схватить его. Он надежно защищен от простой неосторожности.

От этих дум его отвлекли голоса, доносящиеся снаружи. Он знал, что расположенное на уровне земли окошко камеры выходит на небольшую мощеную площадь. С утра через отверстие проникало солнце, но к середине дня окно попадало в тень, и рядом стояли люди, спасающиеся от полуденного зноя. Конан мог различить очертания пары ног, обутых в солдатские башмаки.

— Никакого вина! — слышался мужской голос. — Что же это за праздник, если мы даже выпить не можем?

— Не раньше чем на третий день, когда сокровища будут в безопасности, клянусь Сетом! — произнес другой голос. — Только тогда нам, солдатам, позволено будет ослабить бдительность и разойтись. Ослушание — верная смерть.

— Если Загобал грозит смертью, клянусь Азурой, за ним уж не заржавеет! Но что это за сокровища? Я ничего такого не слышал.

— Придержи голос, — отвечал второй. — Вчера я стоял на часах у сокровищницы и слышал, как об этом беседовали тамошние служители. Сборы и пошлины со всей провинции, говорили они, надлежит сложить в подземелье нового храма. В другое время все внимание сосредоточили бы на дорогах, но среди всех этих повозок, направляющихся на празднество, те, что с казной, никто не отличит. И пока самая последняя монета не попадет в подземелье и Торгут-хан не наложит туда королевскую печать, нам не светит ни капли вина!

Вскоре солдаты ушли и оставили Конана наедине с его думами.

— Эй, слышал это, киммериец? — прошипел Осман.

— Слышал, да много ли мне сейчас от этого толку?

В голосе Османа послышалось вкрадчивое лукавство:

— Подобный куш способен соблазнить твою шайку, не так ли?

— Конечно. И что с того? Они ничего не смогут сделать против целого гарнизона, который, несомненно, сейчас настороже.

— Но ты ведь искусный налетчик, — проговорил Осман так же вкрадчиво. — Наверняка ты сможешь найти способ похитить казну.

— Пустая болтовня, — сказал Конан. — Моя шайка на холмах. Я же — здесь, и, видимо, останусь тут до самого празднества, и у меня есть чем забить голову помимо сокровищ.

— Допустим, я смогу вытащить тебя отсюда? — спросил Осман.

— У тебя есть план? — прошипел Конан.

— Возможно, возможно. Разумеется, от тебя потребуются определенные гарантии.

— Гарантии? — повторил разъяренный Конан. — Поближе к делу, приятель!

— Для меня то, что я говорю, имеет вполне определенный смысл. Я хочу получить часть сокровищ.

— Не переоцениваешь ли ты свои возможности? — осведомился киммериец. — Ты такой же узник.

— Не надолго. Если я помогу тебе сбежать, пойдешь ли ты за казной и отвалишь ли мне двойную долю?

Конан решил поддакнуть приятелю:

— Ага. Двойная доля твоя, если ты сможешь вытащить меня отсюда. А теперь, как ты намереваешься сделать это?

— Есть способ. Я, в отличие от тебя, не закован. Для меня не составит большого труда одолеть болвана тюремщика и завладеть ключами. Но чтобы выбраться отсюда, придется подняться по лестнице прямо в караульное помещение. И эта перспектива вызывает у меня некоторое замешательство.

— И как же ты думаешь справиться?

— Ты непревзойденный боец. Если я освобожу тебя, сможешь ты пробить нам дорогу через караулку?

— Смогу. Остается маленькая проблема с этим вот, — сказал киммериец, позвякивая цепями.

— Это главное препятствие. Наверху, перед караульным помещением, стоит наковальня, используемая, чтобы налагать оковы на подобных тебе опаснейших узников. Если мне удастся спустить ее сюда вместе с молотком и зубилом, сможешь ли ты размозжить свою железную бижутерию?

— Клянусь Кромом! — вскричал Конан, ощутив легкий ветерок надежды. — Если у тебя получится спустить сюда ту наковальню, молот и зубило, я отделаюсь от этого железа быстрее, чем успеет раздеться заморийская шлюха! — Затем добавил, уже недоверчиво: — Хоть я и не могу разглядеть тебя как следует, однако ты не кажешься силачом. Успеешь ли ты спустить наковальню, пока кто-нибудь не хватится тюремщика?

— Что ж, — криво усмехнулся Осман, — мы выясним это, не так ли?

Той ночью Осман принялся стонать. Примерно через час тюремщик спустился проведать своих подопечных.

— Что с тобой? — заорал он, шаркая по сырому полу.

— Тысяча демонов ворвалась в мое брюхо! — закричал Осман. — Ты принес мне отравленную жратву! Тащи сюда лекаря, иначе я сдохну и тебе, негодяй, придется занять мое место на плахе! — И он зашелся в очередном протяжном стоне.

— Не так ужасно, чтобы поднимать такой вой, — проворчал тюремщик.

Он подошел к темнице Конана и поднял свой факел. Конан, уверившись, что его оковы видны от двери, прикинулся спящим. Убедившись, что от киммерийца угрозы ждать не приходится, тюремщик вернулся к камере Османа. Послышалось бряцанье ключа в замке, шарканье, негромкое ворчанье, затем звук удара, резкий вскрик и еще один удар.

— Я свободен, Конан! — сказал Осман.

— Нет еще. Ты по-прежнему здесь, внизу, вместе со мной. Тащи мне это железо, и я освобожу тебя.

Осман подошел к двери, перебирая связку ключей, пока не отыскал нужный. Дверь распахнулась.

— Теперь я схожу за наковальней, — сказал он.

— Меньше болтовни и больше дела, — посоветовал Конан. — Поторапливайся!

Мошенник кинулся прочь, и Конан услышал топот ног, перескакивающих через ступеньки. Донесся скрип и скрежет, затем тяжелый вздох. Казалось, будут вечно длиться эти вздохи и этот скрежет, сопровождаемые звяканьем тяжелого металла о камень. Киммериец весь изошелся нетерпением, пока мошенник, шатающийся под тяжестью наковальни, снова не появился в дверном проеме. Он едва не рухнул у ног Конана. Мощные руки Конана приняли тяжелый груз.

— Быстро, приятель, молоток и зубило!

— Думаешь, — с трудом перевел дух Осман, — эта наковальня — такой пустячковый груз, что остальное я мог захватить свободной рукой?

Конан рывком поставил его на ноги:

— Беги, пока я не свернул тебе шею!

Со стоном и хрипом Осман заковылял, пошатываясь. Через пару минут он вернулся: в одной руке кузнечный молот с короткой рукоятью, в другой — зазубренное зубило.

— Надеюсь, ты знаешь, как ими пользоваться?

— Мой отец был кузнецом, — отозвался Конан, выхватывая у мошенника инструменты. — С молотом я познакомился раньше, чем с мечом.

Встав на колено, он поставил одну ногу на наковальню и направил зубило к соединению цепи с ножным кольцом. Одним мощным молниеносным ударом он разрубил закаленное железо. Звук пролетел по узилищу, подобно раскатистому звону огромного колокола.

— Там, наверху, услышат, — истерично прошипел Осман. — Быстрей!

— Что, похоже, я попросту трачу время? — осведомился Конан.

Он повторил процедуру с кольцом на второй лодыжке. Согнувшись насколько возможно, он рассек цепь, что вела к шее; несколько звеньев осталось висеть на кольце. Затем он положил левое запястье на наковальню и приставил зубило.

— Держи зубило, — приказал он.

Осман осторожно взял инструмент:

— Ты ведь не промахнешься и не двинешь мне по…

Конан не обеспокоился разуверениями, а лишь нанес сокрушительный удар по верхушке зубила и перерубил цепь. С проклятиями Осман выронил зубило и затряс поврежденной

кистью. Теперь Конан перехватил зубило левой рукой.

— Давай! — приказал он.

Осман нерешительно подобрал зубило.

— Способен ли ты бить левой? Уверен, ты можешь промахнуться. — Тут он услышал доносящиеся сверху шум и голоса. — Да поможет мне Митра, — выдохнул Осман, направляя зубило и крепко зажмуриваясь.

Дикий взмах молота — и последняя цепь отлетела в сторону.

Конан выпрямился и рассмеялся:

— Свободен!

— Свободен? — возмущенно повторил Осман. — Мы в темнице, и стража приближается!

Одной рукой Конан взял молот, а другой — зубило.

— Тогда нам лучше собираться! Он ринулся в дверь своей камеры. Осман сразу за ним.

Поднимаясь по лестнице, они встретили пару спешащих вниз изумленных стражников. Первый занес меч над головой Конана, но киммериец отбил лезвие зубилом и в следующее мгновение размозжил противнику голову — молот сокрушил прочный металлический шлем, будто тот был из пергамента. Конан подхватил готового рухнуть стражника и швырнул его под ноги второму. Стражник расставил ноги, дабы сохранить равновесие, и тут киммериец протаранил зубилом его грудину — стержень пронзил сердце, и тупая кромка зарылась глубоко в позвоночнике.

Конан подхватил меч поверженного врага, затем перескочил через оба тела и ринулся дальше, в караульную комнату. Там трое оставшихся стражников кинулись к своим доспехам и выхватили оружие. Один поднял было крик, но меч киммерийца устремился к его глотке и прервал вопль на полуслове. Другой попытался выбежать из караулки, но Конан швырнул массивный молот, размозживший затылок стражника, будто яичную скорлупу.

Последний стражник, прикрываясь щитом, замахнулся секирой. Первый удар Конана разнес щит и руку, его державшую. Второй расколол череп. И в комнате сразу воцарилась тишина.

— Пять человек! — с благоговением воскликнул Осман. — Пять человек уничтожено в один миг!

— От тебя чертовски мало проку, — сказал Конан, отбирая себе лучшее оружие из того, что имелось в комнате. Ничего из одежды и шлемов не подошло гиганту, а потому он довольствовался своей набедренной повязкой и с головы до ног обвешался оружием.

— Но ты действовал слишком хорошо! — возразил Осман. — Что еще от меня требуется?

— Прежде всего лошадь. Отправляйся, быстро отыщи нам двух скакунов и веди их сюда.

— Я один?

— Ага, один. Посмотри на меня! — Почти обнаженное гигантское тело варвара все было в синяках и царапинах, его волосы спутались, да и вся его внешность отнюдь не улучшилась от пребывания в темнице. — Я не отойду и на пять шагов от дверей, как кто-нибудь из горожан поднимет тревогу. Вряд ли кто-то примет эти железные браслеты за украшения. Иди и укради нам лошадей, да давай поторапливайся!

Маленький человек кинулся за дверь, и Конан какое-то время с тревогой ожидал звона снаряжения стражников, бегущих отомстить за убитых товарищей. Затем он услыхал приближающийся стук копыт двух скачущих галопом лошадей. Превосходно

натренированный слух подсказал ему, что одна была под седоком, другая — нет. Мгновения спустя Осман уже останавливался у двери, сидя верхом на великолепном боевом скакуне и ведя на узде другого. Оба были под кавалерийскими седлами.

— Скорей взбирайся! — крикнул Осман. — Там, у трактира, остались два солдата, они очень на меня рассержены и направляются сюда.

Впрочем, в понуканиях не было необходимости. Прежде чем третье слово вылетело из глотки Османа, киммериец уже был в седле и пятками колотил по конским бокам. С гиканьем Осман устремился за ним.

Загобал указал на четверку солдат:

— Вы четверо охраняете это место. Остальные тащат хоронить тела. Я доложу Торгут-хану.

— Мы не кинемся в погоню? — удивился первый стражник.

— Нет, они слишком опередили нас, а мы слишком разбросаны из-за этих праздничных приготовлений. Несомненно, вскоре мы их увидим.

Люди принялись выполнять его указания, весьма озадаченные тем, что так легко приходящий в ярость капитан Загобал на этот раз отнесся к происшествию столь философски. Впрочем, все ограничилось недоуменными пожатиями плеч: они были солдаты и выполняли приказы, не задавая лишних вопросов.

Что же до Загобала, то он направился докладывать Торгут-хану о том, что коронный номер вице-короля скрылся, предварительно устроив стражникам кровавую баню. Твердая полоска его рта изогнулась в почти удовлетворенной улыбке, будто все происходило в соответствии с замыслом.

— Посмотрите на этого, командир, — сказал стражник. Еще одно тело выволокли из темницы, и все в изумлении уставились на него.

— Во имя Митры! — воскликнул другой стражник. — Неужели зубило торчит у него из груди? Вколочено в самую кость. Сетом клянусь! — Он поставил ногу у трупа, ухватился за выступающий стержень и с силой потянул на себя. Но не освободил орудие. — Сет его побери! — восхищенно пробормотал стражник.

— Железяка застряла в позвоночнике! Что за рука смогла нанести такой удар?

— Конана, дурачина, — произнес первый собеседник. — Разбойничий главарь, люди говорят, силы невероятной.

Загобал осмотрел тело и убедился, что все именно так.

— Пять стражников наповал? — осведомился он.

— Ага, и еще тюремщик, — подтвердил первый стражник. — У этого сломана шея.

Глава вторая

— Теперь недалеко, — сказал Конан.

— Надеюсь, ты прав, — пробормотал Осман, поморщившись от боли в заднице. Беззаботная жизнь городского вора никак не подготовила его к тяжелому существованию в седле.

Их окружала сухая, бесплодная равнина, не слишком отличающаяся от пустыни, что расстилалась южнее. Разве что взамен песчаных барханов здесь преобладали громадные валуны, растительность же ограничивалась низкорослым кустарником. Тропы, блуждающие меж валунов и утесов, образовывали подобие лабиринта, и нигде не открывалась перспектива дальше чем за несколько десятков шагов. Это было идеальное прибежище для разбойников.

Беглым взглядом Конан окинул нависающий скалистый утес.

— Негодяи совсем без меня распустились, — сказал он. — На верхушке вон той скалы должен был быть часовой. Человек может лежать там на пузе, как ящерица, и мимо него мышь не проскочит.

Еще несколько минут они скакали, вступив в ущелье, образованное нависающими утесами, так что чистое голубое небо над головами казалось узкой лентой. Внезапно тропа оборвалась, и всадники очутились в небольшом каньоне, в центре которого бил ключ. Ручей бежал в пруд, а куда уходила вода оттуда, видно не было. В воздухе явственно ощущался запах дыма. Пара десятков мужчин, сидевших вокруг костра, вскочила на ноги при виде незваных гостей.

Компания была самая разношерстная: туранцы, иранистанцы, представители полудюжины степных племен, что обитали в пустынях к югу от Кофа и Турана. Это было сборище негодяев, повсюду объявленных вне закона: мрачные, покрытые шрамами, многие заклеймены палачом. Не один из них поплатился за воровство укороченной рукой. Они неуверенно поглядывали на вновь прибывших, все, кроме двоих, что по-прежнему сидели на корточках у огня. Эти двое взирали с неприкрытой злобой и неприязнью.

— Эй, негодяи! — воскликнул киммериец. — Скверный прием вы оказываете своему старому товарищу, вырвавшемуся из лап смерти! — Он спешился и с важным видом прошествовал к огню. — Знаю, знаю. Вы так очумели от радости, что не знаете, как выразить ее словами. — Он оглядел их всех, но каждый отводил глаза, стараясь не встречаться с этим львиным взором.

Ноздри Конана расширились, он с шумом втянул в себя воздух:

— Клянусь Сетом, чую, готовится обед! Как долго у меня не было нормальной человеческой еды!

Он подошел к огню, и прочие отпрянули, дабы освободить ему место. Над углями жарилась парочка упитанных молодых газелей, вокруг струился божественный аромат. Два омерзительных типа взирали на Конана поверх подрумянившихся туш. Конан ухмыльнулся им, вытащил кинжал и отрезал щедрый ломоть дымящегося мяса.

— Аргун, как приятно снова увидеть твою кислую рожу. И рядом, как обычно, твой прихлебатель Касим. — Сильными белыми зубами киммериец оторвал кусок мяса, прожевал и проглотил. — Я уж почти начинаю думать, что вы не рады видеть меня живым.

Один из мужчин встал. Его раздвоенная бородка концами топорщилась вперед и была

окрашена яркокрасным.

— Дела не те, что были, Конан. Тебя сцапали, как последнего дурака, такой не может оставаться нашим атаманом. — Он махнул в сторону человека, который, не сводя глаз с Конана, медленно вставал рядом со своим товарищем. — Аргун теперь наш главарь. Он стоит двоих таких, как ты, северный дикарь!

— Именно, — произнес второй, большая и сильная скотина, облаченная в испачканную кровью кожу; его лицо все было испещрено шрамами. — Если ты собираешься остаться с нами, то будешь обычным членом шайки. Теперь я главный. — Он свирепо выпятил челюсть, рука его лежала на рукояти короткого кривого меча.

— Так ли это? — произнес Конан убийственно спокойным тоном. — Я наслаждался гостеприимством вице-короля, не больше. Это ничего не меняет.

— Если ты так думаешь, — проговорил Аргун, — ты — покойник.

Он принялся вытаскивать меч, но раньше, чем лезвие покинуло ножны, киммериец молниеносно, как тигр, перепрыгнул через костер и вонзил кинжал в пах негодяя. Неумолимо закручивая искривленное острие, он вспарывал живот, пока лезвие не уткнулось в позвоночник. Лишь единожды вскрикнув, Аргун, теряя внутренности, повалился прямо в костер.

Касим, ошеломленный столь внезапной и дикой яростью, пустился бежать, но не успел сделать и нескольких шагов, как киммериец прыгнул на него, мощными руками обвил шею противника и рванул в противоположные стороны. Последовал треск — и неожиданно раздвоенная красная бородка Касима уже топорщилась над его спиной. Глаза его выпучились с застывшим в них недоумением, и последний взгляд в мир смертных явил ему лицо Конана, ухмыляющееся над его собственным. Конан поднял упавшее тело и швырнул его в воду. Затем он подошел к обгоревшему трупу Аргуна и выдернул кинжал из развороченного позвоночника, вытер лезвие о грязные кожаные одежды, запачкав их еще больше. Он снова отрезал себе кусок мяса и принялся за еду.

— Все удовлетворены? — прорычал он, набив себе полный рот нежной плотью газели.

— Как хорошо снова видеть тебя! — закричал одноглазый туранец по имени Убо.

— Воистину! Мы все надеялись, что ты вернешься к нам, Конан, — произнес другой, а остальные принялись соглашаться, что именно так оно и было. Один из обитателей пустынь залез в пруд и выволок тело несчастного Касима.

— Позор на твою голову, Конан, — проворчал он. — Великое святотатство — осквернить проточную воду. — И он стал выжимать полы своего коричнево-черного полосатого халата.

— Ручаюсь, что эта падаль не сделала воду слаще, Ауда, — сказал Конан. — Но они взбесили меня, и я потерял самообладание. Ребята, это мой друг Осман. Его заслуга, что я вылез из темницы, а потому он теперь с нами.

Разбойники радушно приветствовали Османа, но разглядывали его оценивающе. Он подошел к Конану:

— После того как однажды я видел тебя в деле, я понимал, что произойдет. Но меня удивило, как они посмели бросить тебе вызов, зная, что ты за человек.

— Хм! — презрительно фыркнул Конан, обгладывая ребрышко. Он огляделся и, понизив голос, сказал: — Эти псы? У них разум животных. Приходится ежедневно объяснять им, кто есть кто. Довольно скоро они забудут тех двоих, и опять кто-нибудь возомнит себя главным. И тогда все повторится сначала. Как видишь, только так можно поступать с ними, быстро и

решительно, прежде чем неповиновение выплеснется из берегов.

— Понимаю, — кивнул Осман. Он отрезают кусок газели и вцепился в него, наслаждаясь щедрым дымным ароматом. — Что теперь?

— Мы составим план, — сказал Конан, — а ты будешь нам помогать.

— Разумеется, — заверил его Осман. — Я желаю лишь помогать тебе, что уже и делаю. Я буду твоей правой рукой. — И он подобострастно ухмыльнулся. Киммериец взглянул на него поверх почти обглоданной бедренной кости.

— У меня уже есть правая рука, — напомнил он Осману.

Загобал остался доволен своими приготовлениями. Его люди натасканы превосходно, а те, кого он послал с поручением, скоро должны были вернуться. Он прошел в новый храм Аримана через ворота для процессий, вырезанные в виде головы гигантского демона с разинутой пастью, являвшей собой вход. Железные шипы тяжелой подъемной решетки были сработаны в виде ряда клыков верхней челюсти демона.

Только законченный внутренний облик дворца уже производил гнетущее впечатление. Свет проникал лишь через небольшие круглые окошки, расположенные прямо под потолком. Лучи, струящиеся сквозь багровые стекла, падали вниз кровавыми пеленами. От входа к алтарю вели два ряда колонн, подпирающих крышу. Колоннам была придана форма обнаженных, закованных в цепи женщин, подавленных тяжестью, навалившейся им на плечи; прекрасные, страдальческие лица были искажены болью.

Загобал следовал меж ними, пока не достиг алтаря. Тот был исполнен в виде огромного клубка извивающихся змей, высеченных с удивительным мастерством в стиле куда как более раннем, нежели женщины-колонны. Действительно, выделка была столь древней, что не нашлось бы в городе человека настолько ученого, чтобы он знал происхождение этого шедевра. И сколь бы ни был закален Загобал, вид зловещего алтаря заставил содрогнуться сурового воина.

На протяжении веков место нового храма было завалено грудой камней. И хотя она загромождала городскую площадь, никто не старался очистить и застроить это пространство. В городе существовала смутная, древняя легенда, будто всякий, кто попытается сделать это, жестоко поплатится за свою самонадеянность.

Но два года назад, одновременно с воцарением Торгут-хана в качестве вице-короля, в городе появился странный жрец. Имя его было Трагтан, и однажды он предстал при вице-королевском дворе, требуя аудиенции. Трагтан представился братом древнего Ордена Аримана, прибывшим, дабы восстановить заброшенный храм Ордена.

Торгут-хан сперва остался равнодушным к этому предложению, но Трагтан заверил, что братство готово принять на себя все расходы. Торгут-хан заявил, что в таком случае у него нет возражений, но следует уделить внимание некоторым практическим и юридическим вопросам, решение коих вполне можно облегчить, если жрец внесет вклад в дело обновления местной сокровищницы, которую новый вице-король приказал перестроить.

Загобалу было известно, что при очередной личной встрече Трагтан предложил Торгут-хану устроить сокровищницу в глубокой крипте под новым храмом — ведь храм явится несокрушимой твердыней для любого, кто пожелает завладеть казной. Торгут-хан сразу же понял все выгоды этого предложения. Теперь он мог прикарманить королевские деньги, выделенные на строительство сокровищницы, вместе с тем, что уже выманил на такое же мнимое проектирование. Загобал видел письма, в которых Торгут-хан убеждал короля, будто

эти деньги пожертвованы на строительство храма, который сам по себе обеспечит полную безопасность сокровищам короны, с тратами куда меньшими, чем предполагалось.

Размышляя обо всем этом, Загобал изучал вызывающий отвращение алтарь. Его обнаружили, убрав вековой хлам. Увидев алтарь, рабочие в ужасе покинули страшное место и наотрез отказывались вернуться, несмотря на все угрозы со стороны жреца и вице-короля. В конце концов, для того чтобы завершить работы по расчистке алтаря, пришлось использовать узников, а затем обернуть его плотной материей, чтобы рабочие не могли даже мельком увидеть его, следуя по своим делам.

Как и обещал Трагтан, под полом разрушенного храма оказалась большая крипта, не подверженная влиянию времени. Новый храм рос с невиданной скоростью, ибо жрец, казалось, обладал неисчерпаемыми средствами, нанимая лучших ремесленников и художников, несмотря на то что некоторые из них с отвращением взирали на планы и рисунки, которыми снабжал их Трагтан. Не один и не двое, выпив лишку в одной из многочисленных городских таверн, признавались, что пергамент с этими планами был выделан из человеческой кожи. Однако щедрые воздаяния Трагтана всегда успокаивали чувствительность мастеров.

Загобал медленно обходил омерзительный алтарь. Невероятно, но казалось, там сходятся лучи, падающие из всех окошек. Как же может свет, проникающий сквозь отверстия, расположенные в разных стенах, ложиться подобным образом? Или жрец поместил на крыше зеркала, преломляющие лучи? Загобал предпочитал верить в подобное, простое и земное, объяснение. Одна из змеиных голов в огромном клубке пылала в этом багровом свете особенно зловеще, будто была сделана из иного вещества. В отличие от других, в чертах ее слилось и змеиное, и человеческое. Загобал протянул руку, чтобы коснуться ее.

— Не тронь алтарь Аримана!

Загобал взвился и наполовину обнажил клинок. Затем в сердцах вернул его в ножны. Он гордился своим тонким слухом, но жрец появился за ним без единого звука.

— Я лишь восхищаюсь твоим алтарем, жрец, — не слишком любезно сказал он.

— Прости мою резкость. Это одна из самых древних и священных реликвий нашего культа. И лишь рука посвященного может касаться ее.

Жрец был высок, его фигура терялась в складках ржаво-красной мантии, глубокий капюшон скрывал черты скелетообразного лица, обнаруживая лишь глаза, мерцающие таинственным блеском.

— Я хочу еще раз взглянуть на крипту, — сказал Загобал. — День близится.

— Очень хорошо. Если ты последуешь за мной…

Направляясь к короткой лестнице, что спускалась с возвышения, на котором зловеще расположился алтарь, жрец извлек ключ из складок своего одеяния. Лестница вела к двойным тяжелым бронзовым дверям, богато украшенным сценами мифологии Аримана, бога Тьмы, и его бесконечной борьбы с богом Света Ормаздом. Пока Трагтан отпирал и широко распахивал двери, Загобал взял свечу, горевшую тут же, в настенном канделябре.

Сразу за дверями начиналась другая лестница, высеченная в цельном камне, как и весь немыслимой древности проход. Грубые следы инструментов мастеров прошлых столетий и сейчас были видны на потолке и стенах. Загобалу было известно, что это чрезвычайно твердый камень, знал он и то, что зеленоватые пятна на шероховатой поверхности означали, что инструменты были сделаны из мягкой меди. Строители должны были располагать нечеловеческим запасом времени, ибо для того, чтобы вырубить этот проход и лежащую

ниже крипту, несомненно, потребовались века. Здесь и люди с железными орудиями потратили бы десятилетия.

Долгий спуск заканчивался обширным, гулким помещением, вырубленным в том же камне. Зал был столь велик, что мрак поглощал сияние единственной свечки. Загобал прошел к стене и принялся мерить ее шагами, поворачивая направо каждый раз, когда одна стена упиралась в другую. Здесь стены были обработаны тщательней, чем в коридоре, и покрыты резным лабиринтом геометрических узоров, от которого у воина зарябило в глазах, и он отвернулся, почувствовав тошноту.

Загобал осознал, что он так и не вернулся к исходной точке, хотя и повернул направо даже более четырех раз. Этого не может быть. Он решил, что, вероятно, его сбили с толку запутанные узоры на стенах и он просто не заметил место, откуда начал свой путь. Хотя проще было вовсе не думать об этом, как и о странном свете в храме. Каково бы ни было объяснение, крипта казалась достаточно большой.

— Что ж, все в порядке, — произнес он. — Проход и лестница кажутся единственным выходом отсюда.

— Единственным, что способен использовать простой смертный, — туманно уточнил Трагтан.

— Пока это удержит казну внутри, а людей снаружи, — резко оборвал Загобал. — Пойдем-ка отсюда. Этот мрак угнетает меня.

Пока они взбирались по лестнице, Загобал избегал глядеть на грубо обработанные стены. Все вокруг было окутано древним проклятием, даже вновь построенное сооружение.

— Ожидаются ли… какие-то беспорядки на грядущем празднестве? — спросил жрец.

— Что ты имеешь в виду? — сказал Загобал.

— Только то, что мое братство предложило использовать крипту Аримана в качестве сокровищницы вице-короля. Если ее предназначат для какой-то нечестивой цели… — Он сделал многозначительную паузу. — …может произойти несчастье.

— Как же возможно такому случиться? — раздраженно спросил Загобал. — Разве твой бог не суть зла и тьмы? Разве он не процветает на кознях человеческих и не ликует от кровопролитий?

— Действительно, так и есть. Но его жрецы удовольствия от неожиданностей не получают.

— Если тебе так претят неожиданности, Трагтан, следовало найти бога поласковее. Счастливого дня, жрец.

Они вышли из крипты, и Загобал размашистым шагом направился меж кариатид к полосе белого света, льющегося через дверной проем.

— Увидимся на празднестве, — угрюмо бросил Трагтан.

Выйдя из храма, Загобал почувствовал сильное облегчение и проклял тот день, когда Торгут-хан дал согласие восстановить это чудовище. Хотя это может послужить и его собственным замыслам. Яркий солнечный свет омывал площадь, счищая с нее все это древнее безжалостное зло, что исходило от храма. Загобал полной грудью вдохнул свежий воздух и беглым взглядом окинул бурлящую толпу. К обычному скоплению уличных разносчиков и путешественников добавились временные лавки торговцев, привлеченных грядущим празднеством, а также фигляры, развлекающие зевак, шулеры и шлюхи, пристающие ко всем подряд. В этом захолустном уголке Турана смешалась дюжина языков выходцев из Гиркании, Вендии, Иранистана, а также безымянных княжеств и королевств

ближайших пустынь. Этот шахпурский город стоял на пути множества караванов, огибающих с юга Вилайет, спускающихся с перевалов большой южной гряды, пересекающих пустыню со стороны Кофа, Пунта и Зембабве.

Тут Загобал углядел некую разновидность зла, которую он предпочитал, ибо она никак не касалась богов, жрецов и магии, — зло, исходящее от людей. Через арку Счастливого Случая, стоявшую на месте пересечения самарской дороги и площади, двигалась колонна всадников. Они не производили никакого беспорядка, их кони шли спокойным, прогулочным шагом, но все вокруг уступали им дорогу. Загобал понял, что это именно те, которых он ожидал. Пригладив свои длинные усы пальцем, украшенным золотым кольцом, он стал спускаться по ступеням храма навстречу всадникам.

Загобал являлся одной из самых известных личностей города, и притом — внушающей страх всем остальным. Хотя он шел без охраны, люди расступались перед ним, будто рыбацкие челноки перед военным кораблем. Всадник, скачущий во главе колонны, заметил его и поднял руку, приказывая спутникам остановиться. Загобал разглядел за вожаком порядка двух десятков верховых, компания смотрелась внушительно.

Начальник стражи остановился у первой лошади и целую минуту не произносил ни звука. Всадник выглядел огромным животным с потрепанным голубоглазым лицом. Из-под железного шлема на широченные плечи спадали сероватые, светлые космы. На нем не было ни туники, ни рубахи, а лишь безрукавка, открывающая мощный, пугающий торс. Его предплечья были затянуты кожаными ремнями, обшитыми железом. Кисти рук были защищены железными пластинами с шипами, однако сами пальцы были оголены. На широком поясе толстой кожи, украшенном бронзовыми гвоздями, висели большой нож в меховых ножнах и кривой широкий меч.

— Ты ли будешь Загобал? — произнес мужчина.

— Я ли, — подтвердил Загобал, продолжая снизу разглядывать вожака.

— Я — Беритус-аквилонец. Ты посылал за мной. — Его голос был подобен раскатам грома и почти безо всякого выражения.

— Именно так. Твои люди могут разместить лошадей в гвардейских конюшнях. Один из моих стражников проведет их. Затем опять приведет их сюда. Что же до тебя, мы отправимся ко мне.

Беритус спешился и вручил узду кофиту, что был даже больше его самого. Лицо кофита заросло черной бородой, оставляющей на виду лишь крошечные глазки, густые волосы свисали почти до самых бровей. Он что-то проворчал остальным, и все они расслабились в ожидании.

Загобал проследовал в свою штаб-квартиру, расположенную в воинском крыле вице-королевского дворца. Он отдал распоряжение стражнику отвести людей Беритуса в конюшни и найти им жилье в королевских казармах, другого солдата он послал за едой для себя и своего гостя. Оба немедленно и беспрекословно кинулись исполнять приказы.

Войдя в дом, Загобал стянул свой железный шлем и уселся за стол, жестом указав Беритусу стул напротив себя. Аквилонец занял свое место, и Загобал наполнил вином кубки чеканного серебра. Пока гость пил, Загобал быстрым оценивающим взглядом изучал мужчину. Тот выглядел завзятым рубакой. Обычно это занятие не привлекало людей смышленых, но этот заслужил репутацию в делах определенного рода. Его сапоги, отделанные мехом, и накидка оленьей кожи приторочены к широкому поясу, и ничто не скрывало многочисленных шрамов, которыми гость явно гордился.

— Военный губернатор Султанапура написал мне, что ты сослужил ему добрую службу, — начал Загобал.

— Именно так. — Беритус откинулся на спинку стула и засунул за ремень большие пальцы. — На холмах к северу оттуда появилась банда свихнувшихся мятежников. Нам понадобилось три месяца, чтобы засечь все их укрытия и выяснить, какие крестьяне прячут и помогают им. Обнаружив бунтовщиков, мы позаботились о том, чтобы согнать их с холмов в низины. Сначала мы пустили красного петуха всем крестьянам, что помогали им, затем разорили укрытия и запасы провианта. Когда они собрались, чтобы разбить нас, мы завлекли их вниз, туда, где их могли переловить люди губернатора. Большинство мятежников губернатор вздернул.

— Похоже, ты знаешь толк в своем ремесле, — одобрительно заметил Загобал.

— Я знаю толк во многих ремеслах. Я был гладиатором, но король запретил все бои. Я предпринял рейд за рабами в Аргос и Шем. Затем я направил свою шайку на поиски беглых рабов. Это оказалось выгодней, так как хозяева платили куда больше за возвращение обученных рабов, нежели за свежепойманных варваров.

Сейчас мы служим местным губернаторам и судьям, выслеживая тех бандитов и мятежников, что не по зубам регулярным войскам.

— Это именно то, что мне нужно. А вот и наша закуска. — Загобал сохранял молчание, пока оба они расправлялись с едой. Когда аквилонец обглодал последнюю кость, воин продолжил: — Последнее время мне докучает банда разбойников. Они уже давно наводняют окрестные холмы, главным образом грабя караваны, но некоторое время назад они стали нападать на города, опустошая кубышки богатых торговцев, покушаясь даже на королевские деньги и ценности. Не случайные налеты, обращаю внимание, а умелые, хорошо спланированные нападения.

— Новое руководство? — спросил Беритус.

— В самую точку. Доводилось тебе слышать о человеке, именуемом Конан из Киммерии?

Звероподобная рожа Беритуса выразила изумление:

— Да уж, имя известное. Молва гремит по городам и весям, но я никак не ожидал услышать о нем здесь, так далеко на востоке. Какая нелегкая занесла его в эти края?

— Кто знает, что управляет стопами подобного типа? Как бы то ни было, он прибыл сюда и начал портить мне кровь. Однажды мне удалось заманить его в капкан, и я бы вздернул его немедля, но мой хозяин, вице-король Торгут-хан, пожелал сделать казнь гвоздем своего грядущего празднества, а потому скотину заперли в темнице. Он сбежал, по пути уничтожив пятерых моих людей.

Беритус присвистнул:

— Да уж, вы на свой страх и риск заточили его в тюрьму. Я знавал многих таких, их следует убивать при первой возможности.

— Я сам знаю это прекрасно. Как бы то ни было, я желаю захватить всех их разом. Мои люди отвечают самым высоким требованиям, и, если бы речь шла об обыкновенных разбойниках, мне не потребовалась бы помощь. Но этот киммериец — совсем другое дело. Именно из-за него я позвал вас. Если все пойдет по плану, ты сможешь разделаться с работой в считанные минуты. Дело опасное, но недолгое, без месяцев преследований по холмам.

— Судя по моему опыту, события часто разворачиваются вопреки планам, — сказал Беритус.

— В таком случае, — зловеще промолвил Загобал, — дело станет долгим и трудным, и, возможно, ты проклянешь тот день и час, когда принял это предложение.

В маленьком дворике близ жилья Загобала люди Беритуса выстроились на смотр. Тем не менее выглядели они совершенно не похожими на нормальных солдат, собравшихся для подобной цели. Они были грубы и разноязыки, различных рас и не было у них ничего общего, кроме звериной жестокости и беспощадности. Линию замыкал массивный кофит, к нему прежде всего подвел Загобала Беритус.

— Это Урдос из Кофа. Он мой заместитель. Мало говорит, но дела его достаточно красноречивы.

Звероподобное существо отсалютовало тяжеленным топором, который выглядел в его огромной лапе легким, как ивовый прутик.

Следующий головорез обладал подобной черной бородой и шевелюрой, но ростом был пониже, хотя почти такой же в плечах. Он держал в руке толстый изогнутый лук.

— Барка, шемит, — представил его Беритус. — Отличный лучник.

Рядом с Баркой стоял худой темно-коричневый человек с мелкими чертами лица, его волосы были скрыты засаленной чалмой. Единственным его видимым оружием было тонкое копье.

— Амбула из Пунта. Он способен найти след, оставленный тенью на голой скале.

Амбула улыбнулся, обнаружив ряд желтых, сточенных зубов.

— Бахдур, гирканиец, — произнес Беритус, остановившись рядом с коренастым желтым человеком, за поясом у которого были лук и колчан со стрелами. Облачен он был в панцирь из лакированного бамбука, прошнурованного раскрашенной кожей. — Еще один превосходный стрелок, а по следу он идет почти как Амбула.

Так они прошли весь строй, и каждый следующий человек был в своем роде примечателен. В каждом безошибочно можно было признать законченного негодяя, но все казались идеально подходящими для возложенной на них задачи. Они были убийцами и охотниками за людьми, а Загобал понимал, что для подобных целей не нанимают нежных школяров. Эти же были жестоки, беспощадны и вполне подготовлены.

— Очень хорошо, — сказал Загобал. — Следующие несколько дней они не должны быть на виду. Даже в Шахпуре подобная толпа может вызвать толки, а я не сомневаюсь, что у наших бандитов в городе есть шпионы.

— Сегодня вечером мы ускачем так же открыто, как прискакали сюда, — сказал Беритус. — Поздней ночью поставь на ворота доверенных стражников и прикажи пропустить нас. Мы вернемся незамеченными.

— Превосходно, — одобрил Загобал.

— Моим людям не понравится сидеть взаперти в казармах, — сказал Беритус.

— Они долго скакали сюда, предвкушая хорошую попойку.

— Они будут вдоволь обеспечены и едой, и вином, — отозвался Загобал. — Я даже раздобуду им несколько женщин. Захвати мне Конана и его шайку, и я отплачу им такой попойкой, какой они в жизни не видели.

Той ночью еще одна необычная группа людей собралась в древней части Шахпура. Жрец Трагтан стоял в длинном нефе нового храма, его руки терялись в широких рукавах мантии. Он был абсолютно неподвижен, он ждал. Таинственный красный свет по-прежнему тек кровавыми потоками сквозь застекленные окна, хотя лунный серп швырял с небес лишь

тусклые лучи. Жрец не шелохнулся, когда в дверном проеме возникла фигура в таком же облачении.

Вновь прибывший бесшумно прошествовал в зарево красного света, затем откинул свой капюшон, обнаружив изможденное лицо и лишенный волос череп, обтянутый необычно крапчатой кожей. Он медленно поворачивал голову, обозревая внушительный интерьер.

— Блестяще, — чуть присвистывая, сказал пришелец. — Все так, как было в стародавние времена!

— Приветствую, мессир Шоск, — произнес Трагтан. — Пока не вполне так, как было в великие дни, но будет так. Откуда ты прибыл?

— Из кхитайских земель, кои столь неизменны, что сберегли храмы Аримана, все, что осталось от прошлых веков.

В то мгновение, когда затихло слабое эхо этих слов, появились еще две фигуры. Откинутые капюшоны их грубых кирпичных ряс открывали лица, чертами под стать Шоску. В красноватом свете физиономия одного из них окрасилась каким-то нелепым багрянцем. Другой казался бледнее, но, похоже, он страдал некой обезобразившей его болезнью: лицо его было испещрено мелкими бугорками.

— Привет вам, братья, — в унисон произнесли Трагтан и Шоск.

— Брат Никас, — сказал Трагтан, — много воды утекло с той поры, как мы в последний раз лицезрели тебя. Откуда ты прибыл?

— С острова в Западном море, осколка погибшей Атлантиды, — сообщил багрянолицый. В обычном свете его кожа была бы слегка синеватой. — Оттуда я проделал путь к ближайшему берегу, тому, что жители, примитивные, как и в былые времена, именуют Пустошами Пиктов.

— А ты, брат Умос? — осведомился Трагтан.

— Из Бельверуса, что в Немедии, — ответил человек с шишковатой кожей. — От тамошнего храма Аримана не осталось и груды камней. На месте святыни возвышается огромная крепость. — Он усмехнулся, издав зловещее шипенье. — Башня, что нынче попирает алтарь, известна как Башня Утерянной Надежды, ибо с тех самых пор, как была выстроена крепость, при каждой осаде никто из защитников этой башни не оставался в живых.

Трагтан обратил взор ко входу:

— Кто еще присоединится к нам этой ночью?

— Больше не будет никого, — произнес Никас.

— Никого? — Трагтан повернулся к багроволицему. — Что же с братьями Кхинатом, и Спором, и великим Мудрейшим Джасупом, и мессиром Редком, и еще парой десятков?

— Ушли, — промолвил Никас. — Их храмы и святилища лежат там, что ныне является Стигией, и в тех землях, кои попали под управление Стигии: в Кофе и Шеме, Куше, Дарфаре и прочих. Исконная вражда между Ариманом и Сетом заставила стигийцев выискать даже руины наших храмов, стереть их в пыль и наложить на них и всех их приверженцев самое гибельное из проклятий.

— Сет! — прошипели в ответ все остальные.

— Это ревнивый бог, — продолжил Никас. — Жрецы-властители Стигии, служа ему, обрели могущество, и они не терпят даже намека на соперничество.

— Тогда будем действовать вчетвером, — произнес Трагтан. Он поднял руку, и подъемная решетка ворот скользнула вниз, будто захлопывающаяся гигантская челюсть. —

Пусть так, это не первый раз, когда служение нашему грозному богу возрождается столь малым числом подвижников или даже меньшим.

— Во многих землях есть храмы Аримана, — сказали Никас, — но в этих нашего Повелителя чтут в приниженной форме, относясь к нему просто как к придатку культа Ормазда.

— Ормазд! — прошипели остальные.

— Истинно, светлый бог в великой чести во многих странах, и, коли так, он должен иметь соперника, дабы получить возможность ритуально сокрушать его в бессмысленных обрядах общественного стада. Наш великий и ужасный Ариман умален до балаганного паяца!

— Мы должны исправить это, — сказал Трагтан. — Здесь, в этом захолустном шахпурском городишке, что когда-то был могущественным Элькаром Морским, стоящим у безбрежного тогда моря Вилайет, здесь мы возродим величайший культ нашего Повелителя. Лишь здесь сохранилось неповрежденным основание одного из его истинных храмов. И лишь здесь сквозь череду веков невредимым прошел его алтарь.

— Много раз восстанавливали этот храм, — нараспев затянул Шоск. — Всегда, когда пробуждается наш Повелитель, уцелевшие братья собираются здесь, дабы вновь возвестить его миру.

— До Элькара, — подхватил Умос, — это был Зхагг Черной Пустыни, в те времена, когда Атлантида являла собой цепь дымящихся вулканов, склоны которых еще не были покрыты зеленью. И даже до того это было место, именуемое так, что никто в нынешнем нашем обличье произнести не сможет. Всегда здесь оставался центр поклонения нашему повелителю Ариману.

— Пора, — сказал Трагтан. — Многое предстоит совершить. Этой ночью Луна входит в дом Льва, и мы должны начать.

Жрецы прошли неф и остановились, окружив алтарь Аримана. Как только Луна вошла в дом Льва, они начали свою песню. Низкие голоса рождали нечеловеческие звуки. Прежде чем взошло солнце, алтарь засверкал неземным блеском.

Глава третья

Конан, Осман и кочевник Ауда, распластавшись на земле, наблюдали за королевской дорогой, ведущей в Шахпур. Движение в этот день было весьма оживленным: масса пешеходов, громыхающие крестьянские телеги, паланкины богатых мужчин и женщин, возлежащие на плечах дюжих рабов, яркие кибитки странствующих лицедеев, караваны рабов, скованных шея к шее и ведомых на невольничий рынок облаченными в кожу и сталь надсмотрщиками со зверскими рожами. Впрочем, на все это люди, расположившиеся на вершине холма, обращали мало внимания. Но им не пришлось долго ждать того, что выискивали их жадные взоры.

— Эй! — взволнованно крикнул Ауда. — Вон еще один!

— Тише, тише, — зашипел Осман.

Еще до восхода солнца эта троица расположилась на песке в зарослях кустарника, мышиного цвета попона скрывала их, так что они полностью сливались с землей. Разве что сверхпроницательный глаз мог различить их с дороги, и то лишь привлеченный звуком или движением. Бандитская троица не обращала внимания на палящее солнце, так же как и на жалящие укусы насекомых. Пленение для них означало смерть.

— Прислушайся ко скрипу вон тех колес, — прошептал Осман. — Я такое уже слышал.

Конан ничего не ответил, но его голубые глаза сверкнули в указанном направлении. Четырехколесный фургон кренился на поворотах, скрежет его осей можно было уподобить лишь звону и лязгу сопровождающего эскорта тяжеловооруженных всадников. Фургон был невелик, но медленное его движение и звук колес выдавали огромную тяжесть, так же как эскорт выдавал большую ценность содержимого.

— Уже третий с восхода солнца! — проговорил Ауда, с трудом сдерживая возбуждение. — Клянусь Митрой, что за искушение! Взяв только несколько наших, мы сможем спуститься туда, прикончить этих никчемных наемников и слинять вместе с казной.

— Мне не нужна ничтожная часть этой казны, — сказал Конан. — Я хочу все.

Их хищные глаза следили, как охраняемый фургон неторопливо катит по дороге, пока в конце концов он не скрылся за распахнутыми городскими воротами. Зубчатые стены Шахпура были украшены разноцветными тканями и цветами. На высоких, изящных башнях колыхались длинные яркие знамена, извещавшие о великом празднестве. Золоченые купола, венчавшие башни, ослепительно сверкали на солнце.

— Как же мы возьмем все? — спросил Ауда. — Если один фургон нагружен сверх меры, то сколько же вместит множество?

— Он прав, — хмуро проговорил Осман. — Лучше взять самые легкие и наиболее ценные вещи, с которыми можно быстро улизнуть.

— Я хочу все! — упрямо повторил Конан. Он желал не только богатства. Он жаждал мести. Захватить королевские доходы с целого округа, и Торгут-хан полностью уничтожен и обесчещен. — Пойдем, мы увидели достаточно.

Подобно рептилиям, они поползли назад, пока не оказались за гребнем холма. Затем они встали и спустились в небольшую лощину, где были привязаны их лошади. Эта малая гряда холмов к югу от города была абсолютно необжита из-за отсутствия здесь ручьев и источников. Даже пастухи лишь несколько недель после недолгого сезона дождей пасли здесь свои стада. Таким образом, местность эта являлась естественной дорогой к городу для

тех, кто не желал обнаружить себя.

Бандиты разбили лагерь всего в четырех милях от города. Подобное соседство было вовсе не безопасным, но час нападения близился, и следовало быть рядом с жертвой. Кроме того, скопление стражников внутри городских стен несколько уменьшало опасность. Последние дни подвижных дозоров не было совсем.

Новым убежищем явился старый караван-сарай, покинутый обитателями сто или даже более лет тому назад, когда иссякли естественные источники в пустынях между Тураном и Пунтом и караванщикам пришлось отказаться от веками накатанного пути. Караван-сарай попрежнему окружали низкие стены, но в гостинице не было крыши, если не считать навеса из веток и пальмовых листьев, сооруженного случайными обитателями этого места. Здесь был хороший колодец с веревкой и кожаной бадьей.

Трое мужчин въехали за ограду, спешились и расседлали коней. Остальные разбойники сидели в старой гостинице, где хотя бы можно было укрыться от ветра.

— Двигайте сюда, ленивые негодяи, — сказал Конан, переступив порог. — Будем составлять план.

Узнав о тяжелогруженых повозках, следующих в город, мерзавцы по-волчьи заухмылялись. Крайняя досада появилась на лицах, когда встал вопрос об огромном весе казны.

— Мы не пираты, — заявил одноглазый Убо. — Мы не можем погрузить эти сокровища на корабль и отплыть восвояси.

— Можно было бы просто захватить в городе фургоны, — сказал другой, — но тогда придется гнать их по дороге, и кавалерия без труда расправится с нами.

— Будь у нас много-много верблюдов, — разглагольствовал Ауда, — мы могли бы скрыться в пустыне, что недоступна коннице.

Конан обдумал это.

— Потребуется масса времени, чтобы нагрузить такое количество животных, и половина отряда вынуждена будет заниматься ими и не сможет сражаться. А на этот раз нам понадобится каждый клинок.

— Не можем же мы перенести его по воздуху, — сказал Осман.

Последовало долгое молчание. Затем:

— Что ж, существует Волволикус.

— Уймись, Осман, — одернул Убо.

— Что еще за Волволикус? — осведомился Конан.

— Не тот, с кем бы ты захотел иметь дело, — заверил его Убо.

— Позволь мне судить самому. Говори, Осман.

Коротышка прочистил себе глотку.

— Ну, это человек, который живет в пустыне, не далее чем в половине дня верхом отсюда. Он, говорят, способен творить множество невиданных вещей.

— Я не желаю иметь никаких дел с чародеями! — яростно вскричал Убо.

— Постой, приятель, — оборвал его Конан. — Осман, почему ты упомянул этого мага?

— Нет, правда, я слышал, будто он знает толк в искусстве двигать огромные тяжести: гигантские камни и горы земли. Почему бы ему не продать нам заклинанье, способное перенести всю эту груду золота хотя бы туда, где мы сможем, не опасаясь погони, спокойно поделить добычу?

— Мне тоже не нравятся эти колдуны, — сказал Конан, развязывая бурдюк с вином и

поднося его к губам.

— Никто не требует любить этого кудесника, — заметил Осман, — чтобы иметь с ним дело. Ауда, ты сможешь провести нас к нему?

— Что ж, дорога нетрудная.

— Не связывайтесь с ним, — настаивал Убо.

— Отчего же? — спросил Осман.

Туранец выглядел испуганным, будто сами его слова таили в себе угрозу:

— Он водится с демонами.

— На то он и колдун, — фыркнул Осман. — Мы не собираемся продавать ему свои души, а хотим лишь купить у него некие пустячные услуги. Колдуны здравствуют, держа своих демонов на коротком поводке. Возможно, ему удастся свистнуть для нас нескольких демонов с мощными спинами или крыльями, способных перетащить наши сокровища в безопасное место. Что скажешь, Конан?

Киммериец бросил на него недовольный взгляд:

— Мне это не нравится. — Поразмышляв, он добавил: — Но другого пути я не вижу. Придется пойти и отыскать этого Волволикуса.

Осман хлопнул в ладоши и довольно потер руками:

— Тогда — к делу. Кто идет?

— Минутку, — сказал Чемик, пузатый коринфиец. — Раз так, то куда нужно доставить сокровища?

— Вполне сгодится наше старое убежище близ пустыни, — сказал Конан. — Там три прекрасных пути для бегства, в избытке воды, и там нас не сыскать, если не знаешь тропы. Там мы сможем собрать кучу верблюдов, поделить добычу, а потом каждый заберет свою долю куда пожелает. Лучше всего снарядить несколько маленьких караванов и разойтись по сторонам.

— Разбить банду? — удивился Убо.

— Почему нет? — вскричал Осман. — Мы что, семья и должны вечно быть вместе? Наоборот, мы — свора грабителей, ищущих легкой добычи! С таким уловом каждый из нас сможет найти место, где его не вздернут, и зажить будто богатый господин, или спустить все на девок, игру и выпивку, если ему так хочется!

— Ладно, — согласился Чемик. — Земляки ничего не знают о моих здешних делах. Я могу отправиться домой и стать богатым коневодом.

— Я был однажды в нечестивом заморийском Шадизаре, — сказал Убо, — и мне понравилось это место. Можно стать там банкиром, остепениться. И тогда останешься разбойником, а судьи будут целовать тебе за это руку.

Присутствующие разразились хохотом, представив себе остепенившегося одноглазого туранца. Каждый делился своими мечтами о быстром и легком богатстве.

— А что ты, Конан? — поинтересовался Осман.

— Мне страсть как охота увидеть Иранистан, — сказал киммериец. — Наверное, отправлюсь в ту сторону.

— И что будешь делать со своей долей? — наседал Осман.

Конан пожал плечами:

— Жить вволю, пить вволю, бродить по земле. С кучей золота я смогу набрать и оплатить свою собственную шайку наемников.

Убо смотрел на него как на помешанного:

— Ты собираешься платить своим головорезам?

— Так уж заведено, — сказал Конан. — Наемники требуют платы. Но в крепкой шайке они смогут заработать своему атаману во много раз больше, чем обойдутся ему. Грабежами они смогут повысить свою плату, и никто не захочет вздернуть их за это.

Чемик пожал плечами:

— Ты воин, Конан. Мы же все тут — просто обыкновенные бандиты. Делай со своей долей что пожелаешь.

— Конан, ты должен отправиться на поиски этого кудесника, — сказал Осман. — Ауда будет проводником. Кто еще пойдет? — Каждый делал вид, будто занят какими-то своими делами. — Отлично, я не трус! Я пойду с нашим атаманом.

— Решено, — сказал Конан, поднимаясь. — Что до вас, ленивые дубины, вам тоже найдется дело. Крадите всех верблюдов, что сможете отыскать, и гоните их в наше старое укрытие. И пусть никто не думает, что сможет уклониться от схватки, ухаживая за скотиной, — животные никуда не уйдут от воды и травы. Как только все будет сделано, мы снова встречаемся здесь. Большое празднество начинается через пять дней с освящения нового храма. Ауда, Осман, отправляемся! — Как всегда, приняв решение, киммериец не терял времени даром.

Трое оседлали коней и, ведомые Аудой, поскакали на юг, в пустыню. Через поросшие чахлыми деревцами холмы они выехали на неровную каменистую равнину, где в отдалении друг от друга встречались лишь заросли кустарника. Ближе к вечеру Ауда привел их к крошечному пруду. Напоив лошадей, они продолжили путь. Солнце уходило за западную гряду, небо окрасилось ярко-фиолетовым цветом, и появились первые звезды. Затем они скакали под абсолютно черным небосводом, на котором сияли яркие светила и призрачно мерцали туманности. Со временем взошла луна, осветив все вокруг таинственным сиянием, что почти заменяло дневной свет натренированным глазам пустынножителей.

Все вокруг них погрузилось в безмолвие. Ночью пустынные твари покидают свои норы ради охоты, поисков пропитания или партнеров для любовных игр, но все это обычно происходит беззвучно. Нашуметь — значит обнаружить себя. Точно так же и люди скакали почти бесшумно, направляя коней по мягкой земле, где не слышен стук копыт; оружие и упряжь обернуты кожей и тканью, чтобы ни малейшее звяканье не выдало ночных всадников, почти не говорящих, лишь изредка шепотом окликающих друг друга.

Ауда выехал на гребень песчаного утеса и застыл, движением руки приказав стать остальным. Его спутники, приблизившись, осадили коней. Под гребнем лежал маленький оазис — вытянутый пруд в окружении финиковых пальм. На одном конце водоема стояла небольшая хижина под низкой крышей. Кони заржали и забеспокоились, почуяв близость воды.

Насколько можно было разглядеть, жуткий свет лился из окон и двери хижины. Свет, меняющий окраску от ослепительно синего до цвета морской волны. Внезапно он стал оранжевым, затем кроваво-красным и, наконец, угас, обратившись в темноту.

Осман прочистил глотку:

— Мне кажется, колдун может счесть невежливым, если мы потревожим его столь поздней ночью. Может быть, утром, когда солнце поднимется?..

— Точно! — горячо поддержал его Ауда чуть дрожащим голосом. — Среди жителей пустынь считается чрезвычайно невежливым для незнакомца войти в жилище из темноты. На подобные приветствия часто отвечают градом стрел.

— Это всего лишь свет, — сказал Конан, хотя и у него по телу пробежали мурашки. — Но, возможно, лучше и вправду не тревожить…

— Идите за мной. — Женский голос заставил их всех подпрыгнуть в седлах, выругаться и схватиться за сталь. Лошади вскинулись и рванулись, с трудом удерживаемые всадниками.

— Сет побери, женщина! — вскричал Конан, успокоив коня. — Почему ты не предупредила о себе заранее? От неожиданности мы могли снести тебе голову!

Послышался звонкий смех:

— Убить меня? Вам надо хотя бы меня увидеть!

— Так мы жаждем этого, — слегка запинаясь, произнес Осман. — Несомненно, ты так же прекрасна, как твой голос.

Раздосадованный Конан озирался вокруг. Он-то гордился своей сноровкой и нюхом в дикой местности, а эта девчонка (ибо, судя по голосу, она была очень молода) невидимой приблизилась на расстояние удара меча. Да к тому же, думал он, он по-прежнему не видит ее!

— Покажись, — потребовал киммериец.

— Это ведь вы явились сюда без приглашения, — сказала она. — Но я выполню твою просьбу.

Тень отделилась от гигантского камня, и они увидели силуэт женщины, столь изящный и грациозный, как у степной газели. Конан не мог понять, как умудрился не заметить ее, но он знал, что в призрачном лунном свете человеческий глаз различает движение прежде очертания, а цветов не разбирает вовсе. Он и сам часто скрывался от преследователей, рыщущих за ним под луной, просто затаившись в полной неподвижности. Несомненно, эта девчонка совершила нечто подобное.

— Милостивая госпожа, — начал Ауда, склонившись с седла и притрагиваясь к своей груди и губам, — мы ищем…

— Вы ищете великого мага Волволикуса, — прервала его девушка. — Ему известно это, и час назад он послал меня сюда, чтобы доставить вас к нему.

— Как он узнал о нашем прибытии? — осведомился Осман.

— Но ведь он волшебник, — объяснил, будто законченному простофиле, Ауда.

— Пойдем, — скомандовал Конан. — Веди нас, девица.

Невзирая на опасения, что испытывал Конан, приближаясь к магу, он не мог не восхищаться женщиной, что так грациозно скользила перед ними; ее белые ступни бесшумно ступали по песку, округлые бедра плавно покачивались под одеждой, столь легкой, что лунный свет, казалось, пронзает ткань, обнажая миниатюрную, но сочную фигурку. Женщина, ясным днем фланирующая по безопасным городским бульварам, не могла быть более беспечной.

Они спешились у длинного водоема и напоили лошадей. Конан заметил, что пруд обложен тесаным камнем, а вода туда с мелодичным журчанием струится с камня, которому искусным мастером придана форма причудливого лица. Сток был не виден.

— Будем расседлывать? — спросил Осман.

— Нет, — сказал киммериец. — Возможно, отступать придется в спешке. Держи лошадей наготове, пока ситуация не прояснится.

И вновь послышался негромкий смех:

— Входите. Волволикус ждет вас.

Она проводила их к дверям, откуда теперь проникал лишь обычный свет лампы. Держа

руки на рукоятях мечей, они склонились под низкой притолокой и вошли внутрь.

Дом был освещен лишь бездымным огнем, что горел в небольшом очаге. Света хватало, чтобы разглядеть разнообразные свитки, лежащие на полках, тянущихся вдоль стен. Со стропил свисали загадочные инструменты из металла, хрусталя, стекла и дерева. Таинственные предметы самых разных форм лежали на длинном столе, занимавшем главенствующее положение среди обстановки комнаты. Большие, причудливо ограненные глыбы хрусталя стояли на костяных, золотых или деревянных, с замысловатой резьбой, пьедесталах. Некоторые из этих кристаллов, казалось, излучают слабое сияние.

— Добро пожаловать в мое жилище, — приветствовал их восседавший за дальним концом стола человек, его очертания лишь слегка угадывались, скрытые тенью.

Конан порывисто сжал рукоять меча: нервы его были напряжены до предела всей этой колдовской обстановкой. Ауда бормотал какие-то свои оберегающие заклинания, зато Осман ответил вполне гладко:

— Мир дому твоему, достопочтенный чародей пустынь Волволикус. Мы странники, обращающиеся к помощи твоей легендарной премудрости в деле, что отягощает наши сердца.

— Мы поговорим об этом после того, как вы подкрепитесь и отдохнете. Лейла, позаботься о наших гостях.

В этом он следовал обычаям пустынь, где считалось величайшей невежливостью спрашивать незнакомца о деле, прежде чем окажешь ему достойный прием. Маг указал на ковер, что лежал близ очага и был обложен большими подушками. Трое пришельцев почтительно склонились перед хозяином и уселись.

Женщина прошла за дверь, скрытую ковром, и вскоре появилась с широким подносом, уставленным блюдами с лепешками, тонкими ломтями сыра, фигами и финиками. Здесь же стоял благоухающий травами дымящийся кувшин с вином, разведенным водой. Вокруг кувшина были аккуратно расставлены три чаши. Конана поразило, откуда чародей мог узнать, что ему придется принимать трех гостей. Хотя от того, кто сведущ в искусстве магии, можно ожидать подобных фокусов. Киммериец заколебался, стоит ли принимать угощение, но Ауда и Осман тотчас подчинились ритуалу, сделав по глотку вина и закусив. Согласно древнему закону гостеприимства, человек, напавший под своей крышей на тех, кто воспользовался его приглашением, навлекает на себя гнев богов. Видно будет, почитает ли маг такие законы, но Конан склонился перед подносом и принялся за еду. Нарушать обычай — это уж полное безумие.

Волволикус не произнес ни слова и не двинулся с места, пока трое мужчин опустошали кувшин и поднос. Наконец они перевернули чаши, выражая тем самым свое удовлетворение, и женщина убрала поднос. И тут чародей покинул свое место и вступил в круг света перед очагом.

Это был высокий мужчина, более чем сухощавого телосложения, обычного для колдунов, многие из которых жертвовали плотью ради мысли и духа, исповедуя аскетизм, очищающий их и укрепляющий их могущество. У мага были коричневые волосы, подвязанные тонкой серебристой лентой и спадающие почти до плеч. На узком лице господствовали очень большие, иссиня-черные глаза, в которых мерцал таинственный свет, внушающий ужас.

— А теперь, друзья мои, что вам нужно от Волволикуса?

Его голос был столь глубок и звонок, будто исходил из куда более мощной груди. Он был облачен в простую ржавого цвета рясу, подпоясанную узловатым кожаным шнуром. Он

опустился, скрестив ноги, на одну из толстых подушек.

— Уши наши имели наслаждение впитать рассказы о твоем могуществе, достопочтенный Волволикус, — начал Осман. — Далеко гремит твоя слава, и велика…

— Мы слышали, что ты способен поднимать большие тяжести, — бесцеремонно оборвал его Конан. — Это правда?

Чародей выглядел несколько удивленным:

— Фигляры являют чудеса силы на ярмарках, гордясь тем, что поднимают большие тяжести. Я не таков.

— Мудрый Волволикус, — вновь приступил Осман, свирепо глядя на киммерийца, — мы имеем в виду нечто куда более подобающее твоим талантам, нежели просто взгромоздить на плечи быка на потеху толпе. Напротив, речь идет о чудесном искусстве: проникнуть в город Шахпур и перенести оттуда громадную и тяжелую массу металла, которую зараз не сможет поднять ни обыкновенный человек, ни даже целая толпа.

— Понимаю, — задумчиво произнес колдун. — Может ли оказаться так, что этот тяжеловесный груз составляет золото?

— Довольно значительную часть его составит серебро, — сказал Осман, — и, весьма вероятно, драгоценные камни.

К их удивлению, колдун от всего сердца рассмеялся:

— Ко мне обращались с разными просьбами о помощи, но впервые воры ищут моего содействия, дабы благополучно скрыться со своей добычей!

— Господин, ты обижаешь нас, — запротестовал Осман, весь лучась фальшивой невинностью. — Мы ученые, стяжающие лишь добродетели. Торгут-хан и его хозяин, повелитель Тура на, люди недобрые. Потеря сокровищ и связанное с этим унижение могут изрядно почистить их грешные души и осенить их блеском праведности, когда придет им время явиться на суд перед троном Митры.

— Прямо скажем, благородные намерения, — кивнул Волволикус, поглаживая бороду. — А что за происхождение этих сокровищ?

— Годовые доходы со всей округи, — сказал Конан. — Во время празднества все они будут стянуты в город из десятка малых сокровищниц.

— Неужели? Весьма странный порядок.

— И такой удобный случай может не повториться больше никогда! — воскликнул Осман. — Пожалуйста, о великий Волволикус, мы умоляем тебя помочь нам в этом подвиге благочестия, что лежит далеко за пределами возможностей простых смертных. Никак иначе мы не сможем скрыться с казной и избежать погони.

— Сможешь ты поднять такой вес? — спросил Конан. — И перенести до нашего логова в пустыне, где мы поделим золото, и каждый отправится восвояси с причитающейся долей.

— Боюсь, что нет. — Откуда-то из складок своей рясы маг извлек прозрачный кусок хрусталя размером с ладонь; тонкие, длинные пальцы забегали по гладкой поверхности в каком-то загадочном ритме. — Давайте посмотрим. Это богатая провинция, хотя Шахпур и расположен в беднейшей ее части. В прошлые годы главные города вносили в королевскую казну пятьдесят тысяч динаров, малые города — половину от этого да деревни — по нескольку сот каждая. Прибавить еще караванные пошлины и таможенные сборы с портов Вилайета. — Его пальцы продолжали плясать, пока он подсчитывал результат. — Я полагаю, нам следует рассчитывать на полторы с лишком тонны драгоценного металла плюс сколько-то камней да еще, разумеется, вес крепких сундуков, где все это лежит, — все вместе более

двух тонн.

— Теперь ты понимаешь всю сложность нашей задачи? — спросил Осман, его лицо расцвело мысленным созерцанием такого невероятного богатства.

— Да, несомненно, это задача, — подтвердил колдун. — Увы, я не смогу вам помочь.

— Отчего же? — настаивал Конан. — Ноша слишком велика для тебя?

— Не в этом дело, — ответил Волволикус. — По рождению я туранец, но долгие годы провел в Стигии, постигая Кхелкхет-Птеф — искусство поднимать громадные камни. Стигийцы издавна превзошли всех других в этом мастерстве, ибо строили памятники размеров невиданных ни до, ни после, используя камни неимоверной величины. Последний раз я упражнялся в этом искусстве несколько десятков лет тому назад, когда жрецам Ашторет потребовалась моя помощь, дабы поднять великолепную новую статую своей богини на пьедестал высотою более пятидесяти футов. Статуя весила больше тридцати тонн.

— В таком случае жалкие две тонны для тебя просто детская игра, о великий маг, — льстиво заговорил Осман.

— Не совсем так, — возразил Волволикус. — Плотная и компактная масса металла, особенно золота и серебра, требует заклинаний куда более сложных. Разница между металлом и камнем значительней, чем просто несоответствие веса.

— Но в этом твое искусство, Волволикус, — не сдавался Осман. — Несомненно, ты мастер в подобных делах.

— И еще, — неумолимо продолжал колдун, — этот груз должен быть не просто поднят по вертикали, но еще и перемещен на большое расстояние, перелетев его, будто степной орел. А в этом заключается главная трудность.

— Отличный вызов твоему могуществу, легендарный Волволикус, — подколол его Осман. — Нет сомнения, что это не выходит за пределы твоего могущества.

— Нет, хотя и потребовало бы всех моих сил.

— Так ты сделаешь? — спросил Конан.

— Нет.

— Отчего же? — взорвался киммериец.

— Потому что не желаю. Что я получу, отрывая себя от важных трудов ради такой легкомысленной авантюры?

— Легкомысленной? — в ужасе отпрянул Осман. — Полторы тонны драгоценного металла — это легкомысленно! — Он с трудом заставил себя успокоиться. — Прости мою пылкость. Возможно, произошло недоразумение. Мы собираемся вознаградить тебя более чем щедро. Двойную долю золота и серебра за твое содействие.

Конан и Ауда согласно кивнули.

— Но я не нуждаюсь в золоте и серебре. Земное богатство — ничто для таких, как я.

— Как же платили тебе жрецы Ашторет? — спросил Конан.

— Древним и драгоценным манускриптом, трактатом о свойствах драконова глаза, написанным три тысячелетия тому назад чародеем Баалкаром Шемским. Подобные вещи — вот истинная ценность для мастеров моего искусства.

— Но подумай о славе! — настаивал Осман. — Это будет неслыханный подвиг, что прославит тебя на всю вселенную!

На это колдун вновь рассмеялся:

— Мой друг, участие в этой проделке сделает меня посмешищем среди моего сословия! Чародей Волволикус в роли воришки — мое имя станет притчей во языцех.

— Я не понимаю, — сказал Ауда. — Ты хочешь сказать, что колдуны полагают грабеж делом постыдным? — Он недоверчиво покачал головой. — Уверен, так думают только судьи, купцы и копающиеся в грязи крестьяне!

— О, мы не обычный народ, — сказал маг. — Многие колдуны предметом гордости и наслаждения полагают воровство заклинаний, колдовских книг, инструментов и тому подобного у других членов братства и могут таким образом даже приобрести хорошую репутацию, но унизиться до такой ерунды, как грабеж у простых смертных, считается недостойным. Я вынужден отказаться.

— Но я должен иметь эти сокровища! — рявкнул Конан. — Меня, как и тебя, не волнует золото. Но оно должно быть моим!

Впервые колдун внимательно посмотрел на Конана:

— Разбойник, которого не волнует золото? Вот уж действительно чудо. Откуда ты родом, воитель? Я никогда не видел людей, подобных тебе.

— Я — киммериец, с далекого севера.

— Да, есть в тебе что-то от атлантийца. Писано, будто остатки атлантийской расы обитают в скалистых твердынях Киммерии.

— Я об этом ничего не знаю, но меня не удивляет, что ты никогда не видел киммерийца. Лишь немногие мои родичи надолго покидали дом, и никто, кроме меня, не бывал в Туране.

— Итак, киммериец, почему же ты так страстно желаешь получить сокровища, раз не волнует тебя ни злато, ни серебро?

— Это дело чести, — сказал Конан. — Желаю видеть Торгут-хана и его пса Загобала раздавленными и униженными. Я могу прикончить любого из них или даже обоих, но для некоторых людей бесчестье — куда худшая участь. Торгут-хан похвалялся королю, что способен защитить всю казну округа. Выхвати я сокровища из-под самого его свинячьего рыла, и ему придется посылать королю свою собственную голову! А Загобал, который думает, что ни за что не подпустит меня к казне, даже если и избежит палача, никогда уже не поднимется выше простого солдата!

— Эти люди должны были изрядно навредить тебе, коли вызвали подобную ненависть, — заключил Волволикус.

— Именно так, — ответил Конан. — Они поймали меня в ловушку, подкупив женщину, которой я оказывал внимание. Затем они заточили меня в темницу — сковали по рукам и ногам, как ничтожную скотину, и присудили к смерти на эшафоте! — Киммериец весь кипел от ярости.

— Возможно, тебе это не нравится, но многие полагают, что именно так и следует поступать во имя общего блага. Вору, не желающему подобной участи, следует избегать пленения.

Конан был непреклонен:

— Им недостаточно просто убить меня, нет, надо выставить меня на посмешище. Меня должны были пытать и содрать с меня шкуру во время объявленного Торгут-ханом празднества освящения нового храма Аримана. Я способен без страха смотреть в глаза смерти. Я могу вытерпеть смерть под пыткой. Но быть потехой толпы, хохочущих и глумящихся зевак — этого стерпеть я не в силах. Они заплатят за свою наглость и самонадеянность!

Казалось, чародей не слушал окончания монолога. Он весь напрягся, черты его обострились. Рука его сомкнулась на мощном запястье киммерийца. Холодное,

нечеловечески сильное пожатие сковало Конана, но тот не склонился.

— Не услышал ли я, что ты сказал «храм Аримана»? — задал вопрос маг.

— Ты правильно расслышал.

— Неужели ты не знаешь об этом? — сказал Осман. — Ты, кому было известно, что три человека придут к тебе этой ночью? Два года восстановление храма обсуждается повсюду на берегах Вилайета и далеко в пустынях. Столь грандиозное строительство в южном Туране не видели уже целое поколение.

— Мое жилище существует, будто остров, отдаленный от окружающего времени и суеты. Охранные чары предупредили меня о вашем приближении, когда вы оказались в часе езды отсюда, но я не интересуюсь вещами, что лежат вне моих изысканий. Разумеется, этот храм сооружают жрецы Ормазда, дабы почтить извечного противника своего бога?

— Нет уж, — сказал Осман. — Этот храм не просто часть культа Ормазда, а жрецы его лишь плюются и не желают отвечать на вопросы. Это огромное безобразное строение с воротами, подобными разинутой пасти колоссальной дьявольской бестии. Лишь высокой платой рабочих склоняют к строительству, но некоторые из них хватают свои инструменты и скрываются в ночи, предпочитая лишиться платы, нежели продолжать свой труд.

— Все так. Не сомневаюсь, это тот храм, которого я ожидаю.

Колдун говорил полушепотом, так что остальные склонились, дабы услышать его слова. Маг отпустил запястье Конана, и киммериец потер отпечатавшиеся следы пальцев, горевшие ледяным пламенем.

— Именно крипта нового храма будет служить сокровищницей, — заметил Конан.

— Вот как? — пробормотал Волволикус. — Это представляет дело в ином свете.

Осман судорожно вцепился в эти слова мага:

— Ты подразумеваешь, что поможешь нам? — спросил он.

— Похоже, я должен.

Трое его гостей удивленно смотрели друг на друга, недоумевая, что послужило такой перемене.

— Хорошо, — только и произнес Конан.

— Эту ночь я должен посвятить приготовлениям. Завтра на рассвете я отправлюсь с вами. Я должен увидеть этот храм и этот город. Лейла устроит вам ночлег. В доме есть свободная комната. Вы найдете ее более чем удобной.

Конан встал:

— С твоего позволения я буду спать под звездами. После недавнего постоя в темнице предпочитаю открытое небо.

— Я — горожанин, — сказал Осман, — и вручаю себя твоему гостеприимству.

— Как и я, — сказал Ауда.

— Тогда, — вставая, заключил Волволикус, — я, с вашего позволения, уединюсь для размышлений. Спите спокойно в этом доме. — Он взглянул на Конана. — Ночь в пустыне не безопасна, но ты производишь впечатление человека, не знающего сомнений.

Конан выпрямился во весь свой внушительный рост и кивнул:

— Меня пытались убить и зверь, и человек. Сегодня пески спокойны, а звезды — прекрасная крыша. Спокойной ночи.

Он вышел из дома, и его товарищи последовали за ним, чтобы расседлать коней и забрать свои вещи.

— Что думаешь, Конан? — тихо спросил Осман, ослабляя подпругу. — Он не кажется

столь грозным, как можно было ожидать от такого великого мага.

— Точно, — сказал Ауда. — Но что за внезапная перемена? То он был слишком добродетельным, чтобы ехать с нами, а через минуту уже готов. Что это значит?

— Этот человек ведет свою игру, — сказал Конан, — но если он сможет выполнить то, что нам нужно, я не потребую от него разъяснений. Я так понимаю, что между ним и этими жрецами Аримана лежит какая-то вражда. Возможно, он хочет подложить им свинью. Я только пожелаю ему успеха, потому что не люблю жрецов. Пусть вытащит нам из города сокровища, остальное его личное дело.

— Конечно, конечно, — согласились остальные.

Нагруженные своим скарбом, они двинулись к дому колдуна, оставив стреноженных лошадей жевать траву, что в избытке росла в этом маленьком оазисе.

Конан взял скатанные одеяла и пошел вокруг пруда, выискивая место для ночлега. Недавнее заключение лишь отчасти послужило причиной того, что он отклонил приглашение мага. Он питал отвращение к колдовству, которым было окутано это жилище. Он знал, что только под открытым небом выспится как следует.

Между двумя пальмами, густо усеянными финиками, он обнаружил место, где трава толстым ковром лежала на плотном дерне. Здесь он раскатал свои одеяла и снял ремень, оставив на всякий случай оружие под рукой.

Поднимался месяц, его серебряные лучи играли на подернутой рябью поверхности водоема. Вокруг все замерло, лишь над головой слабый ветерок шевелил верхушки пальм. Конан зевал, раскинувшись на грубых одеялах. Через минуту он уже спал.

В два часа пополуночи что-то разбудило его. Несколько минут он лежал, прислушиваясь, но ничего, кроме ветерка, колышущего вершины пальм, не нарушало спокойствия. Он сел и напряг зрение, но не заметил ничего необычного. Луна окрасила оазис бледным румянцем, оставив пустыню в глубокой тени.

Озадаченный, он вскочил на ноги. В воздухе похолодало, но не так, чтобы замерзнуть под одеялом. Он подошел к берегу пруда, наклонился к воде и умылся. Вода стекала по его лицу, когда он снова услышал легкий всплеск, что разбудил его. Он оглядел пруд и увидел нечто, движущееся по поверхности воды. Мгновение он уже был готов бежать за оружием, но тут же обругал себя за этот порыв. Какая угроза может таиться в этой ничтожной луже?

Существо приближалось, и он разглядел человеческую голову на грациозной шее, что возвышалась над изящными плечами. Все остальное скрывалось под водой. Конан расслабился. Это не враг.

— Лейла? — позвал он.

— Это я. — Ее голос был тих и мелодичен. Теперь Конан мог разглядеть черты ее лица. Мокрые волосы облегали прекрасную голову, придавая девушке вид восхитительного морского зверя. Подобно дельфину, она была очень изящна в воде.

— Знает ли твой хозяин, что ты резвишься здесь?

— Волволикус погружен в свои ночные обряды. Его не заботит, чем я занимаюсь, когда он уединяется. Я плаваю здесь в темноте, ибо только ночью воздух приятен в этом бесплодном месте. Вода прохладна, и есть луна со звездами для компании.

— Разве звери пустынь не приходят сюда ночью на водопой? — спросил Конан.

— Они не причинят мне вреда, — сказала она и не спеша подплыла к месту, где склонился Конан. Опершись локтями на каменный бордюр, она опустила голову на руки.

— Не все твари вокруг о четырех ногах, — проворчал Конан.

Она улыбнулась, белоснежные зубы вспыхнули в лунном свете.

— Я знаю. Ничего такого я тоже не боюсь.

— Вот, значит, как? — Киммериец был заинтригован. Она говорила не как служанка или рабыня, коей он почитал ее. Он был удивлен ее самоуверенностью, хотя это могло объясняться защитными чарами колдуна. Но более всего его интересовали те прелести, что скрывались под водой. Хотя он и видел ее при дневном свете, но давно привык судить и мужчин, и женщин в зависимости от ловкости их движений. Для воина это был вопрос выживания. То, что он видел до сих пор, обещало просто женщину зрелых форм, как любая из его богатого опыта.

— Именно так, — сказала она. И вдруг взмыла вверх, обвила руками его шею и поцеловала — теплые, подвижные губы на его губах. Он попытался схватить ее, но, гладкая, как угорь, она скользнула в воду и, смеясь, поплыла прочь. Он увидел немного, но и мимолетное ощущение подсказало ему, что она еще соблазнительнее, чем казалось.

— Кром ее побери, — ворчал он, возвращаясь к своим одеялам. — Женщина знает, как испортить мужчине сон.

В темном подвале своего дома маг Волволикус готовил редко используемое заклятье. Он давно привык творить в одиночестве, но этой ночью обратился к своим собратьям. Он сидел за столом из черного мрамора, инкрустированным золотыми нитями магических знаков. Знаки были соединены прямыми и изогнутыми линиями, и весь узор сходился в одну точку в центре стола, где лежал необработанный зеленый кристалл, излучающий мягкий свет. Маг вершил над столом какие-то пассы руками, неуверенно и часто прерываясь, ибо давно не практиковался.

Впрочем, скоро уверенность вернулась к нему, движения обрели быстроту и твердость. Искорки света поползли вдоль золотых нитей, сначала медленно, затем быстрее и быстрее. Когда огоньки достигли магических символов, где линии прерывались, большинство этих символов засияло подобным же образом, некоторые сразу, другие в промежутке от нескольких минут до часа. А часть так и не отозвалась.

Волволикус опустил руки, и кристалл воссиял еще ярче. Постепенно над символами, что светились на черном мраморе, начали проступать человеческие лица. В основном это были мужчины, хотя появилось и несколько женщин. Все были средних лет или старше и великого множества наций и рас.

— Кто ты, нарушивший наши труды Верховным Сбором? — спросил один из них, его безволосая голова парила над знаком созвездия Скорпиона. Черты лица его — стигийца высшей касты — были ужасны, глаза холодны, как у змеи.

— Я знаю его, могущественный Тот-Амон, — сказал старик, тоже стигиец, но с обликом члена низших каст. — Он Волволикус, туранец и мастер Кхелкхет-Птеф. Он приходил ко мне много лет назад за наукой и оказался способным учеником.

— Простой дилетант магии камней и кристаллов? — Тот-Амон исходил презрением. — Что за дело у тебя к чародеям Первого Ряда? Все здесь превосходят тебя многократно. Использовать Верховный Сбор без особой на то причины означает навлечь на себя вечную жизнь, что ужаснее самой отвратительной смерти.

— Быстро говори, если не хочешь заслужить наше проклятие, — сказал весь усохший кхитаец, чьи веки и губы оставались плотно сомкнутыми. Казалось, его голос доносится со всех сторон.

— Он вернулся, — просто сказал Волволикус. — Зло, более древнее, чем змей, снова в человеческом мире.

— Абсурд! — презрительно усмехнулся Тот-Амон. — Ариман устранен из всего этого бытия бого-властителями Стигии силой великого Сета! Заклятия, могущественней которых нет, удерживают его. Ты мелешь чепуху, дурачина! Готовься вынести проклятье.

— Обожди, стигиец, — сказал раскрашенный пикт, у которого в уши были продеты кости, а шею украшало ожерелье из высохших человеческих пальцев. — Тому десять месяцев, как с островов Западного моря к нашему берегу прибыл странный человек. Он не принадлежал ни к одной известной нам расе, но кое-как изъяснялся по-пиктски. То была не нынешняя речь, но в сновидениях я слышал ее от своих предков, живших в незапамятные времена. Он говорил красивые слова и не предлагал ничего зловредного, но было в нем что-то, внушающее отвращение тому, чьи чувства созвучны миру духа. Он интересовался туранской страной и мог направить свои стопы в том направлении.

— Подобные были замечены в Бельверусе три месяца назад! — воскликнул немедийский маг.

— Какого облика были эти? — спросил Тот-Амон.

— Обменяемся мыслями, — сказал немедиец.

Он и пикт закрыли глаза, и все стихло. Затем Тот-Амон втянул в себя воздух, выражая презрение к низшему магу.

— Воистину! Человек давно угасшей расы вернулся! Как это возможно? Все храмы и святилища Аримана разрушены до основания, все ворота, сквозь которые могло вернуться омерзительное божество, стерты в порошок и лежат под грозным проклятием!

— Время — это огромное колесо, о западный маг, — произнес толстый вендиец. — Ничто никогда не разрушается до основания, ничто не изгоняется навсегда. Все возвращается на круги своя. Бог не может быть уничтожен. Еще менее он может быть изгнан.

— Но как сие могло произойти без моего ведома? — потребовал ответа Тот-Амон.

— То говорит твое оскорбленное самолюбие, стигиец, — произнес чернокожий маг, чья голова вся, за исключением глазных впадин, была раскрашена белым так, что она походила на череп. Его желтые зубы были подпилены на концах. — Ты такой же чародей, как и все мы. Ты что, столь велик, что бог обязан спросить твоего позволения, дабы вернуться в человеческий мир?

— Ты прекрасно знаешь, что не в этом дело, Дамбула, — возразил стигиец. — Но столь эпохальное событие должно было вызвать нарушения, очевидные даже первогодку-подмастерью. Неужто мы, маги Первого Ряда, ничего не почувствовали и должны быть просвещены этим премудрым каменщиком?

— Обуздай свою ярость, досточтимый Тот-Амон, — сказал старый кхитаец. — Судя по всему, я согласен с тобой. Не сомневаюсь, все это означает, что Ариман еще не вернулся. Но его последователи каким-то образом воскресли, и они готовят путь своему богу, что вновь обретет место среди людей, духов и богов этого мира.

— Ты говоришь разумно, — признал стигиец. — Но что бы ни предполагали совершить эти черви, это слишком важное дело, чтобы принимать поспешные решения. Я должен справиться в своих свитках и у своих духовных советников. Кто-то из нас служит светлым богам, другие — темным, а некоторые вообще обходятся без богов, но Ариман — смертельный враг каждого. Если он не может быть уничтожен, он должен быть подавлен. Я предлагаю вам всем оставить нынешние занятия пока существует эта угроза. Положите

конец всяким раздорам и постарайтесь связаться со всеми колдунами Первого Ряда, кто не откликнулся на этот зов. Нужно заручиться их поддержкой. Все ли согласны?

— Воистину, — послышался общий ответ.

— Что до тебя, созерцатель кристалла, — сказал Тот-Амон, — я поручаю тебе поспешить в логово этих адептов Аримана и раскрыть их тайны.

— Коли так, — ответил Волволикус, — я отправлюсь еще до зари. — Он тонко улыбнулся. — Я призван туда дабы оказать содействие в очень тяжеловесном деле.

— Тогда страшись нас и повинуйся. Награда тебе будет огромной. Наказание за провал — невообразимым.

Образы над столом испарились, и Волволикус долго размышлял, прежде чем лечь спать.

Глава четвертая

Двое мужчин в сопровождении женщины въехали в город в самый разгар приготовлений к празднеству. Они были облачены в наряды пустынного племени гераутов: мужчины в черных чалмах, оставляющих открытыми только глаза, женщина в желтом платке — ее лицо было открыто. Все трое были в длинных свободных халатах из полосатой ткани, шароварах и мягких высоких сапогах. Длинный худой мужчина носил украшения, положенные шейху. Его дюжий спутник явно был телохранителем.

— Счастье твое, что голубые глаза встречаются и у гераутцев, — сказал Волволикус. — Да и те стражники позади могли стянуть наши покрывала и сильно нас побеспокоить.

— Да, но сейчас удачное время, чтобы обходить закон, — сказал Конан, пребывающий в отличном настроении. — Когда город забит такими невероятными толпами, стражники не в состоянии уделить внимание каждому. Они знают, что празднество, подобное этому, привлечет любого грабителя, карманника и взломщика в радиусе ста лиг. Здесь поживы на много дней. В такое время кто дважды взглянет на простого пустынного кочевника?

— Вреда не будет и оттого, что герауты заслужили добрую репутацию истреблять каждого, кто встает им на пути, — сказала Лейла. — Гордый и вспыльчивый народ эти герауты.

Волволикус, согласно своему облачению пустынного шейха, не носил оружия, за исключением украшенного драгоценными камнями кинжала за кушаком. Конан же был в полном боевом наряде: длинное копье в стремянном гнезде, меч и кинжал на поясе, маленький круглый щит из стали, притороченный к луке седла. Доспехов на нем не было, поскольку герауты их не носили.

Они пробирались сквозь шумную толпу. Невозможно было сыскать и квадратного фута, свободного от людей. По ночам народ спал прямо на улицах и в общественных садах, защищаясь от холода всяким тряпьем или просто лежа как попало. Каждый имевший хоть что-нибудь на продажу тащил это в Шахпур в надежде отыскать покупателей; купцы и разносчики торговали на улицах едой, питьем и всякими безделушками. И все сбегались поглазеть на представления и разнообразные зрелища.

Танцоры и акробаты выступали на каждом углу. В кругах, нацарапанных на грязной мостовой, проходимцы-фехтовальщики бросали вызов всем прохожим, предлагая кошелек тому, кто первым пустит кровь или, для более решительных, кто нанесет две раны из трех.

— Жаль, киммериец, что ты не можешь ни есть, ни пить через это покрывало, — сказала Лейла. — Маскировка, может, и полезная, но лишает тебя праздничных удовольствий.

— Я на работе не пью, — ответил Конан. — Праздник хорош, когда есть что праздновать.

Женщина не переставала отпускать в его сторону колкости с того момента, когда они покинули жилище колдуна. Казалось, это вовсе не она бесстыдно плескалась в пруду: теперь Лейла обходилась с ним весьма прохладно.

Повсюду им навстречу попадались стражники, но киммериец не обнаружил никаких следов Загобала. Не появлялся и Торгут-хан, хотя Конан и не ждал, что надменный вице-король станет отираться с презренным сбродом. Оно и к лучшему, ибо киммериец не был уверен, что сумеет сдержать себя, заметь он кого-либо из них. Прикончить кого-то одного

значило распрощаться с мечтами о сокровище.

Перед новым храмом они натянули поводья. Лишь недавно законченный, построенный из блестящего нового камня, он сверхъестественным образом выглядел непостижимо древним: его фасад был выщерблен и потрескан. Они провели коней через многолюдную площадь и привязали их к дереву, дарившему тень дворику трактира, расположенного напротив храма. Как только они уселись за низкий стол, к ним поспешил трактирщик.

Заказав еду и вино, Волволикус спросил трактирщика:

— Я полагаю, что это празднество в честь освящения нового храма. Но нет сомнения, что речь идет не об этом старом здании?

— Да, в это трудно поверить, и мне это ой как не нравится. — Свои слова трактирщик сопроводил жестом, отгоняющим нечисть. — В месяц Сбора хлебов я своими глазами видел облицовочный камень. Тогда он был новенький и блестящий, как положено. Теперь, всего через пять месяцев, он выглядит будто ему тысячи лет. Пройдитесь вокруг храма, и вы увидите кое-что очень странное: три угла острые, а юго-западный закруглен. Все старые дома в этом городе таковы, ибо с юго-запада дуют пустынные ветры и несут песок, съедающий камень, но до этого проходит много поколений.

Жестом, характерным для народа пустынь, Волволикус отогнал демонов южных ветров.

— Что же это может значить, досточтимый хозяин?

— Я не знаю, но в городе ропщут, и многие утверждают, что храм должен быть разрушен. Но, — уточнил он, — не раньше окончания праздников, которые все принимают с радостью.

— Это уж перво-наперво, — сказал Конан.

— Именно. Такого скопления народа я не видел с тех пор, как казнили великого разбойника Джемая Ужасного, а я тогда был мальчишкой. Тогда каждый день разные палачи показывали на Джемае свое мастерство. Был назначен большой приз для того, кто придумает самую изощренную пытку, но тот, чьими стараниями Джемай умрет, должен был лишиться платы. Негодник выдержал десять дней.

Трактирщик улыбался и вздыхал, вспоминая старые добрые времена.

— Но тогда у нас были правители, умеющие расправиться с преступниками. Этот же как раз недавно позволил сбежать разбойнику Конану, и теперь нам придется довольствоваться казнью нескольких дюжин жалких воров и убийц.

И он заторопился выполнять их заказ.

— Выглядит не слишком приятно, — сказал Конан, дождавшись, пока трактирщик отойдет подальше. — Я замышлял простой набег, думая, что дом этот не более чем обычный храм. Я грабил другие такие и ничего не опасался, помимо чрезмерного внимания со стороны закона. Но это не обычный храм. Не думаешь ли ты, что вторжение туда навлечет какое-нибудь гибельное проклятие на наши головы?

— Ты уже не так жаждешь сокровищ, киммериец? — усмехнулась Лейла.

— Я добуду их! — воскликнул Конан. — Но в этом случае на нашем пути могут встать дополнительные трудности. Волволикус, ты мастер в своих колдовских делах. Не навлечем мы на себя ужасную опасность, если осквернim эту громаду?

— Хороший вопрос, — сказал чародей, поглаживая бороду. — Может статься, что, пока храм не освящен, бог еще там не обитает, и в таком случае мы не подвергнемся непредвиденной опасности.

— Но как насчет этого неестественного старения? — не отставал Конан.

— Этот вопрос ставит меня в тупик, — признал Волволикус, — но это не обязательно означает нечто большее, нежели беспечность и разгильдяйство рабочих каменоломен и каменщиков, использовавших скверный мягкий песчаник вместо камня высшего качества. Умелые руки смогли придать этому камню мнимую видимость полированного гранита на время, достаточное, чтобы мошенники, отхватив куш, успели смыться до того, как стены начнут крошиться. Обычная хитрость.

— Может быть, и так, — сказал Конан, будто пытался убедить самого себя.

— Что, если внутрь проникнуть невозможно… — размышлял Волволикус.

— Хорошо бы мы смогли, — сказал Конан, — как бы мало ни нравилась мне идея бродить там внутри. Но я хочу все разнюхать, так как нам некогда будет попусту тратить время, когда мы вернемся за сокровищами.

— Я сейчас все выясню, — сказал маг.

Ели они молча, мужчинам приходилось отправлять в рот маленькие кусочки, каждый раз чуть приподнимая свои покрывала. Вино они потягивали через разукрашенные серебряные соломинки. Во время трапезы они наблюдали за проходящей мимо публикой, разноцветной, разноплеменной и разноязыкой. Здесь было представлено большинство народов, населяющих берега Вилайета, так же как и окружающих город равнин, холмов и пустынь.

На одном конце площади был воздвигнут внушительный эшафот, привлекающий к себе наибольшее внимание. Рядом с виселицей было выставлено напоказ множество орудий пыток, ожидающих своих жертв. На длинном белом штандарте были начертаны имена предназначенных к казни, а также перечислялись преступления каждого и виды казней, которые надлежало претерпеть негодяям. Для чужеземцев и неграмотных глашатаи время от времени зачитывали написанное на штандарте.

— Это полотно изготовили в самые последние дни, — заметил Конан, — так как моего имени там нет.

— Слава мимолетна, — сообщила Лейла.

— Для девки на побегушках у тебя слишком острый язычок, — проворчал Конан.

— Она не служанка, — сказал Волволикус. — Она моя дочь.

При виде оцепеневшего Конана Лейла рассмеялась:

— Похоже, наш приятель-варвар весь зарделся под своим покрывалом.

— Девушка никак не дала мне понять, что она твоя дочь, — сказал Конан.

Их отвлекла сумятица, вдруг воцарившаяся на площади. Со скрипом и грохотом металла начала подниматься клыкообразная решетка храмовых ворот. Многие глазели в изумлении, но прочие отпрянули, ибо новый храм внушал куда больше ужаса, нежели восхищения.

— Пойдемте, — сказал Волволикус. — Посмотрим, что там происходит.

Они встали из-за стола и последовали через площадь к храму. Человек в красновато-коричневой рясе вышел из храма и, простерев руки к небу, застыл на верхней ступени. Вида он был аскетичного и без волос, с головой, странным образом покрытой голубоватыми тенями.

— Добрые люди Шахпура! — возвестил он громким голосом. — Чужеземные гости! Наш благородный вице-король Торгут-хан в своем великодушии постановил, что все желающие узреть великолепие храма Аримана могут вступить туда. Я, Шоск, жрец Аримана, покажу его чудеса и отвечу на вопросы. — Губы его кривились так, будто слова оставляли во рту отвратительный привкус.

— Ну и кислая рожа у мошенника, — сказал Конан. — Ручаюсь, что ему совсем не по нутру водить низкую чернь по своей святая святых. Торгут-хан заставил их делать это ко своей вящей славе.

— И на наше вящее счастье, — добавила Лейла.

— Это еще видно будет, — проворчал Конан.

Желающих ознакомиться с храмом оказалось на удивление мало. Киммериец, чародей, Лейла и еще с десяток любопытствующих поднялись по ступеням, дабы последовать за жрецом внутрь. И едва они вступили в громадное, гулкое пространство, как шум за спиной заставил их обернуться. Клыки подъемной решетки двигались вниз, пока не достигли пола.

— Это необходимо, чтобы никто не вошел без сопровождения, — объяснил жрец, — ибо последствия могут быть ужасны. По этой же причине я вынужден потребовать, чтобы никто не отходил от меня. А теперь следуйте за мной.

Люди переговаривались приглушенными голосами, настолько гнетущей была атмосфера в храме. Убранство его было невероятно причудливо, но оно выглядело еще более фантастическим в кровавом свете, что струился из-под потолка.

Вдоль стен находились ряды глубоких рельефов, представляющих изображения мужчин, женщин и неведомых тварей, совокупляющихся самыми невероятными способами. Жрец объяснил, что они символизируют творение мира. На другой стороне фигуры корчились в муках, подверженные таким пыткам и убою, что почувствовал бы тошноту и самый крепкий желудок, а жрец объяснил, будто страдальцы эти изображают неизбежное разорение, предшествующее обновлению мироздания.

Лейла встала у основания одной из обнаженных кариатид, восхищаясь прекрасным, полным страдания лицом и поглаживая идеально отполированное колено статуи. Она обошла вокруг изваяния и указала своим спутникам на изумительно прорисованные следы плети, что испещряли ягодицы и согнутую спину; высеченные в камне капли крови стекали оттуда.

— Красота в муках, интересная идея, — заметила она. — Что означают эти женщины, досточтимый Шоск?

Жрец пожал плечами:

— Кому-то нужно держать крышу. А теперь, если пожелаете, прошу сюда.

Они проследовали за ним к неровной, вздыбленной форме, накрытой шелковистой тканью.

— Это священный алтарь Аримана, — вымолвил Шоск. — Многие местные жители беспокоились при виде его, а потому мы решили, что лучше закрыть святыню.

— Все же я хотел бы взглянуть на эту вещь, — сказал Волволикус. — Я прибыл издалека, чтобы увидеть чудеса этого храма.

— Как пожелаешь, о шейх, — отозвался жрец. Он поднял ткань, приоткрыв около половины алтаря. Зрители глухо зароптали, пораженные отвратительным зрелищем, но маг пристально глядел на алтарь, весь поглощенный увиденным.

— Действительно, необычный предмет, — заключил Волволикус, когда жрец вновь опустил покрывало.

— По мне, это выглядит просто как клубок змей, — пробормотал Конан, пытаясь скрыть охватившую его тревогу.

— Эти ступени, — сказал Волволикус, указывая на проход, что вел под алтарь, — они ведут во внутреннее помещение, где мы можем узреть образ вашего бога?

— Великий Ариман не имеет формы, кою могут узреть или даже представить себе человеческие существа, — сказал Шоск. — Это просто вход в крипту. Она, собственно, не является частью священного места и предназначена служить окружной сокровищницей.

Они продолжили осмотр, и жрец объяснил некоторые из обычаев своей религии. Не осталось почти ничего достойного внимания внутри храма, который более выделялся своей полнейшей непривычностью, нежели богатством. Наконец жрец вывел их из храма и обратился к толпе, призывая новую группу зевак.

Троица забрала своих лошадей и поскакала из города, обратив на себя столь же мало внимания стражи, сколь и при въезде.

— Все, что говорил этот жрец, — обыкновенная ложь! — заявил Волволикус, когда они отъехали от города на безопасное расстояние. — Его объяснения резных картин — гнуснейшая чепуха. Послушать, так выходит, будто его религия — не более чем халтурный вариант веры в Ормазда с добавлением некоторых элементов более скабрезного вендийского культа.

— Что мне за дело? — спросил Конан. — По мне, так пятнистый может приносить маргаритку в жертву зеленой жабе. Скажи лучше, что ты думаешь о планировке храма? Тот проход в крипту показался мне чертовски узким.

— А, это, — рассеянно произнес Волволикус. — Возникнут определенные проблемы, разумеется, но нет ничего непреодолимого. Вес можно распределить длинной и узкой кишкой. Я приспособлю магическую формулу для переноса обелисков.

— А ворота, или решетка, или как ее там? — спросил Конан.

— Это уж твоя забота. Ты и твои негодяи должны сами открыть ее. Ведь это твоя специальность, не так ли?

— Моя. Хотелось бы взглянуть на механизм, — сказал киммериец.

— Хотелось бы взглянуть на саму крипту, — сказал колдун.

— А? Ты думаешь, это не просто нора в земле?

— Может, и так, но… — Маг запнулся. — Это трудно выразить, так как тебе неведом сокровенный язык Кхелкхет-Птеф. За годы моих ученых занятий я приобрел способность чувствовать камень и кристалл. По правде говоря, любой камень или металл — суть кристалл, хотя и в форме, незаметной невооруженным глазом. Я могу ощутить массы и пустоты, как другой способен видеть их. В том храме я чувствовал крипту под нами, но это было нечто большее.

— Большее? — сказала Лейла. — Как это?

— Это было чем-то большим, нежели просто пустота, выбитая в камне. Скорее, как бы одна обычная правильная пустота внутри много большей и куда менее правильной.

— Как одна коробка внутри другой? — спросил Конан.

— Что-то в этом роде, но в данном случае, хотя обе делят одно пространство, одна может быть в другом измерении.

Теперь киммериец был совершенно обескуражен:

— Скажи мне вот что: имеет это какое-нибудь отношение к тому, чтобы нам попасть туда и захватить сокровища?

— У меня нет способа узнать это. Именно поэтому было бы хорошо прежде всего взглянуть в самую крипту.

— Почему все должно быть так запутано! — тяжело вздохнул Конан. — Человек способен организовать простой грабеж без вмешательства омерзительных богов и

зловредных духов!

— А что с этим алтарем? — спросила Лейла. — Он необычайно уродлив, но смотрится просто обработанным камнем. Ты находишь в нем что-нибудь особенное, отец?

— Он и есть самое жуткое, — сказал Волволикус. — То не был ни естественный камень, ни вообще что-либо, имеющее источник в этом мире. Но жрец не показал его нам полностью, только часть. Я говорил вам, что любой камень и любой металл — это кристалл. Каждый кристалл обладает своими флюидами, отличными от других, и все они мне известны. Но там было другое вещество. Алтарь не испускал флюид, ощутимых на этом уровне бытия. Он был абсолютно инертен, его вещество казалось мертвым.

— Тогда, наверное, это ни камень, ни металл, — предположила Лейла.

— Нет, это камень, но камень, не схожий с каким-либо земным.

Конану весь этот разговор был очень не по душе.

— Как это все влияет на добычу сокровищ?

— Я не знаю, но это вещь огромной и жуткой силы.

— Как я поняла из уличной болтовни, — сказала Лейла, — жрецы разрешили занять крипту под сокровищницу в качестве платы за то, что Торгут-хан дозволил строительство храма в черте города. У них нет никакой заинтересованности охранять казну. Они должны даже обрадоваться, увидев, что сокровищ больше нет.

— Это возможно, — допустил маг.

— Да видишь ты что-нибудь, что может помешать нам слямзить сокровища? — гнул свою линию Конан.

— Нет, не вижу. Если ты со своими людьми доставишь нас внутрь и достаточно долго сможешь удержать ворота открытыми, я смогу переместить казну в твое убежище.

— Отлично! — сказал Конан.

— Но как нам самим выбраться из города? — спросила Лейла.

— Этот вопрос целиком к нашему другу-варвару. Усилия для перемещения металла займут меня всего — без остатка даже на простенькое заклинание невидимости.

— А ты справишься с этим? — спросила она киммерийца.

— У меня курс твердый, — сурово ответил Конан. — Любой смертный, кто встанет между мной и моей местью, будет уничтожен.

— Какое утешение, — насмешливо воскликнула она.

Когда город скрылся из виду, они свернули с дороги на узкую козлиную тропу, что вилась к южным холмам. Час езды, и они оказались в лагере у ручейка, где основная часть шайки бездельничала вокруг костра, попивая слабое вино или заваривая травяной чай, высокочтимый в этих краях. Все настороженно смотрели на прибывших.

— Ну, как там? — спросил Осман.

— Сделать можно, — сказал киммериец. Его слова вызвали довольное ворчание. — Мы должны аккуратно все спланировать, ибо есть только один путь туда и обратно. То есть один путь для людей. Сокровище проследует таким путем, который нам не подходит. — Он спрыгнул с лошади и подошел к огню. — Что с верблюдами?

— Ауда с нашими пустынножителями еще не вернулся, но я ожидаю их до темноты, — сказал Осман.

— Так, — начал докладывать Убо, — в дне пути верхом отсюда есть деревня под названием Телмак. Трижды в год там устраивают большую верблюжью ярмарку, и одна из них как раз сейчас. Ауда с остальными решили, что будет гораздо проще угнать несколько

десятков голов из одного места, чем воровать по две, по три из многих караванов и деревень.

— Должно быть, они правы, — сказал Чемик, — ведь они опытные похитители верблюдов.

— Превосходно, — одобрил Конан. — Я должен кое-что подготовить, затем хочу, чтобы вы все собрались и послушали меня.

Следующий час киммериец собирал палки, камни, листья и прочий мусор и строил на земле какой-то узор. Некоторое время разбойники удивленно наблюдали за ним, затем разбрелись по своим делам, кои в основном состояли из бессмысленных шатаний, чесания языками, а также игры, где ставкой был куш, на который они рассчитывали.

Ближе к ночи наконец прибыл Ауда и с ним еще двое обитателей пустынь; их кони устали, сами они были возбуждены.

— Девяносто три первоклассные скотины! — объявил Ауда под одобрительные возгласы своих приятелей. — Они ожидают в нашем логове.

— Где Джунис? — спросил Конан.

— Погонщик верблюдов попался очень резвый и заехал Джунису пикой в бедро. В конце концов, теперь есть кому присматривать за верблюдами. Скорей всего, он будет жить, если рана не загноится.

— И одним меньше для набега.

— Один человек не слишком высокая плата за девяносто три верблюда, — сказал Убо.

— Думаю, да, — согласился киммериец. — А теперь давайте сюда, негодяи. Ты тоже, Волволикус. — Вся компания собралась вокруг непонятного сочетания мусора, что разложил на земле Конан. — Перед вами город Шахпур.

— Он съежился с тех пор, как я был там в последний раз, — высказался иранистанец.

Конан не обратил на него внимания.

— Эти палки — стены города. Виноградные стебли — главные улицы и площади. Большие камни — крупные дома, маленькие — поменьше. — Говоря, он показывал своим кинжалом. — Маленькие черные камешки — это места, где сосредоточены стражники.

— А что это за кусок верблюжьего дерьма?

— Это Торгут-хан, — заявил Осман. — Разве ты не узнал его?

Все остальные весело загоготали. Конан был доволен расположением духа своих людей. Боевой настрой важен в столь рискованном предприятии, целой военной операции. Сам он не был столь жизнерадостен. Храм и слова колдуна угнетали Конана. Если бы не страстная жажда мести, он мог и отказаться от своих намерений. Он согнал с себя черную тоску и продолжил:

— Здесь главные ворота. — Его кинжал указывал на брешь в палках. — Послезавтра утром вы войдете сюда по одному или мелкими группками — в это время множество приехавших на празднество идут пировать и ротозейничать. Ведите себя как обыкновенные крестьяне или горожане. Те, у кого есть отметины палача, должны прикрыть их.

— Да я горжусь ими, Конан! — крикнул ухмыляющийся хорайанец по имени Мамос, своим порочным видом выделяющийся даже в этой компании. На лбу у него был выжжен замысловатый узор, выдающий убийцу собственных родителей. След от веревки на его шее свидетельствовал о том, что он один из тех редких людей, которые имели счастье или несчастье пережить веревку. Он всегда заявлял, что никогда не был пойман за действительно серьезные преступления.

— Проглоти свою спесь и закрой голову чалмой, Мамос, — посоветовал Конан. — Это

всего на несколько часов. Золотом, что ты получишь, можешь позолотить свои шрамы.

— Вернемся к делу, псы, — прикрикнул Осман. — Наш атаман собрался поведать нам, как мы все станем богатыми людьми! Давай, Конан. — Он ухмылялся, глаза его алчно горели.

— Волволикус войдет, когда утром откроют ворота. Прямо перед полуднем, когда толпа гуще всего, он пройдет в храм с теми зеваками, которых поведут в этот раз. В храме только один вход, и закрывается он не просто дверью или воротами, а подъемной решеткой, как в замке. Часть из вас должна будет держать ее открытой все время нападения. Мы не имели возможности пронюхать, что за механизм поднимает ее, но у меня есть способ управиться с нею. Дорога будет каждая минута, поэтому мы должны проиграть всю операцию здесь сегодня вечером и завтра, пока каждый назубок не выучит свою роль.

Остаток дня он натаскивал их. Люди стонали и вздыхали, протестуя и ворча, — дескать, нельзя заставлять бандита зарабатывать на жизнь работой. Впрочем, то была добродушная перебранка, ибо перспектива несметного богатства склонила поработать день-другой даже этих. Атаман разделил их на группы, поставив перед каждой определенную задачу: кому-то стоять на стреме в портале собора, другим перебить стражников, третьим обеспечить проход через городские ворота.

Все уловки были разработаны и испытаны на осуществимость. То, что оказывалось слишком сложным или слишком много оставляло случаю, киммериец безжалостно отвергал.

— Во имя белых ляжек Иштар! — вскричал Мамос, вытирая пот со своего ужасного клейменого лба после очередного изнурительного прогона. — Почему мы должны пахать, будто рабы или крестьяне, когда этот колдун, — он кивнул на Волволикуса, — может сработать все дельце, пробормотав несколько своих заклятий?

— Если бы он мог, — сказал Конан, — что за нужда была бы ему в нас?

— Об этом я не подумал, — признал хорайанец.

— Думы оставь тем, у кого думалка есть, — съязвил Осман.

Однако через несколько минут коротышка подошел к Конану и прошептал:

— Мой атаман, а что, собственно, помешает колдуну удрать со всеми сокровищами?

— Он сказал, что его не волнует богатство.

Осман похлопал Конана по плечу:

— Конан, друг мой, должен сказать тебе, что я уже слышал такие слова от многих колдунов. Часто говорившие так были жрецами, или философами, или всякими другими, что заявляют, будто вещи, которые они ценят, не от мира сего. — Он помедлил. — Конан, мне очень жалко это говорить, но все они лгали.

— Я это все и сам знаю, — сказал Конан. — Горьким опытом научен, что красивые слова часто скрывают грязные намерения и ничто не заслуживает меньше доверия, чем набожные речи.

— А! Ты говоришь как цивилизованный человек, — одобрил Осман.

— Но здесь-то у нас выбор маленький. Мы не можем перетащить казну без его помощи, а потому волей-неволей должны доверять ему. Как бы то ни было, — добавил он, — сокровища для меня не главное. Я жажду уничтожить Торгут-хана и его пса Загобала!

— Вот тебе я верю, — сказал Осман. — Месть всегда более надежный мотив, чем всякое бескорыстие не от мира сего. И я не сомневаюсь, что ты-то останешься доволен и без трофеев, но… — Он посмотрел на тренирующихся бандитов. — Как насчет этих негодяев? Если они вернутся в свое логово и обнаружат, что колдун забрал казну себе… Да уж… — Он

пожал плечами и скорбно улыбнулся. — Я бы не хотел оказаться тем, от которого они потребуют ответа.

— И оказался бы среди задающих вопросы? — осведомился Конан голосом тихим и угрожающим.

— Мой друг, рассмотрим ситуацию. Я мог бы заверять всех в вечной тебе преданности и кричать о твоей абсолютной невиновности, но что за выгода в том, что на медленном огне будут поджаривать вместо одного нас обоих?

— Ты честный человек, в своем роде. Я не думаю, что Волволикус предаст нас, да только готовым нужно быть и к худшему. У меня для тебя новое задание. В день набега, пока остальные захватывают ворота и храм, ты должен пробраться в конюшни Загобала и украсть четверку его лучших коней. Конюшни находятся рядом с храмом, и лошади там лучшие во всей округе. Во время бегства каждый из нас на одной поскачет, а другую поведет за собой. И не пересаживайся на запасную, пока мы не окажемся совсем рядом с лагерем.

— И если золота там не окажется, мы просто не остановимся, не так ли, Конан?

— Что есть мочи поскачем. Верхом на таких, да еще свежих, лошадях мы будем нестись так, что остальные никогда не догонят.

Осман тяжело вздохнул:

— Только что в мечтах я тратил свое богатство — и вот уже оказываюсь голодранцем без гроша в кармане.

Конан похлопал его по плечу:

— Мечты — богатство каждого, мой друг. Но даже в крайнем случае ты не будешь беден. В конце концов, у тебя будет отличная лошадь, а также собственная жизнь, и это так плохо для человека, предназначенного стать лакомым кусочком праздничных зрелищ!

Этой ночью, когда Конан был весь погружен в свои думы, рядом с ним села Лейла. Весь сосредоточенный на грядущем дне, он едва не забыл о ней.

— Для варвара ты кажешься человеком понятливым, — без вступления промолвила она. — Хочу поведать тебе о некоторых вещах, которые Волволикус предпочел скрыть от твоих подонков.

— Какие такие вещи? — подозрительно спросил он.

— Работа великого мага — это не простое бормотание заклинаний, как думают твои головорезы. Перед ним стоит деликатная и тяжелейшая задача, и в конце ее Волволикус будет полностью истощен. Ему понадобится превосходный конь. Он не может просто перенестись вместе с сокровищами. И я должна скакать рядом с ним и быть уверенной, что он крепко сидит в седле и не собьется с курса.

— Ты? — удивился Конан. — Разумеется, ты не собираешься участвовать в налете?

— А почему бы и нет? Он постоянно нуждается в моей помощи. Уверяю тебя, я держусь в седле и сражаюсь лучше большинства мужчин. У тебя есть лошади?

— Подходящие лошади будут стоять наготове специально для бегства, — сказал он, понимая, что в случае предательства это сильно уменьшит его собственные шансы. Но так же хорошо он понимал, что маг едва ли решится на предательство, зная, что рядом лезвие Конана. — А что же его нынешний конь? Он вполне хорош.

— Недостаточно хорош, если Загобал будет наступать нам на пятки. Как известно, он и его солдаты оседлали лучших в округе жеребцов.

— У меня есть план, как запутать погоню, — сказал Конан.

— А я знаю, что планы обычно проваливаются. Достань нам двух отличных лошадей.

Скаковых, если сможешь украсть их. — С этими словами она поднялась и удалилась, соблазнительно покачивая бедрами.

— Кром! — буркнул про себя Конан. — Я кто, атаман разбойников или торговец лошадьми?

Глава пятая

С громким цоканьем лошадиных копыт киммериец и его спутники приблизились к огромным городским воротам. Стража кивнула им, не утруждая себя даже поверхностным осмотром. Лачуги, лепившиеся к городским стенам, были почти так же безлюдны, как и палаточный город снаружи. Все горожане, кого носили ноги, толпились на городской площади, где празднество в этот день достигало высшей точки — массовой казни преступников.

Осман подъехал к Конану:

— Будто город призраков.

— Только здесь, но не на площади.

Конан вновь был облачен гераутским воином. Он с отвращением посмотрел на выбранный Османом маскарадный костюм. Коротышка предпочел выглядеть нищенствующим монахом культа Бес. Эти святоши-попрошайки наряжались в рваные набедренные повязки, обвязывались длинными связками деревянных бусин и нахлобучивали на себя совершенно не соответствующие прочему одеянию башнеподобные тюрбаны из золотой парчи.

— В этом наряде ты выглядишь как шадизарская шлюха, — заметил Конан.

— И вдобавок абсолютно неприметным. Есть ли более подходящее место для попрошайки, чем подобное празднество?

— А что, если тебя обнаружит подлинный монах Бес? — спросил Ауда, ехавший за ними.

— Никаких проблем. Фальшивых святош всегда больше, чем настоящих. Роль монаха-обманщика я смогу сыграть куда лучше, чем Конан — роль настоящего гераутского воина.

— Да уж, по части наглого бесстыдства этого типа не объедешь, — усмехнулся Ауда.

— Хватит болтовни, — одернул их Конан. — Теперь начинается настоящее дело.

Они завернули за угол, и шум, что до этого заглушали стоящие впритык городские постройки, выплеснулся на всадников полной силой: крики торговцев, песни фигляров, вопли ярмарочных зверей, общее волнение толп народа, где каждый старался перекричать другого.

Разбойники медленным шагом пустили коней по окружности площади, стараясь вести себя как и прочие группы зевак, старающихся увидеть как можно больше. Они небрежно миновали ступени храма, где пара работников, проклиная друг друга, корячилась над почти опрокинувшейся тачкой, груженной семифутовыми бревнами. Рядом Волволикус и Лейла с восторженным вниманием наблюдали за обнаженной, если не считать серебряных украшений, вендийской женщиной, извивающейся в чувственном танце под звуки флейты и барабана, в то время как ее тело обвивал питон, толщиной со стройное бедро плясуньи.

Они проехали мимо замысловатого эшафота, где палачи готовили свои орудия, разводили костры, точили свои зловещие инструменты и объясняли прохожим тонкости своего искусства. На одном краю эшафота находилась громадная деревянная клетка, где, в окружении глумящейся толпы, полсотни осужденных негодяев ожидали ужасной, мучительной смерти. Дверь их клетки была заложена тяжелым брусом, а по обе стороны расположилось по стражнику, вооруженному мечом, копьем и топором.

По кивку Конана Осман небрежно повернул коня и медленно двинулся в сторону

казарменных конюшен. Полный круг занял у них добрые полчаса, настолько плотной была толпа, оставляющая свободное пространство только для фигляров.

— Конан, — прошептал Ауда, — мне это не нравится. Людей здесь набито плотно, будто фиников в мешке. Выбраться будет не легче, чем сквозь зыбучие пески.

— Не думаю, — сказал Конан. — Когда люди скачут галопом, кричат и машут оружием, даже такая толпа рассеется перед ними, как дым. Они все силы приложат, чтобы убраться с нашего пути. Это как по волшебству.

— Надеюсь, ты прав.

У ступеней храма они спешились и привязали своих коней к каменным быкам, продев стремена сквозь железные кольца в бычьих носах. Обитатель пустынь по имени Измир остался следить за животными, его рука, будто невзначай, легла на лук, крепившийся к седлу.

Конан и Ауда, совершенно не обращая внимания на храм, неторопливо поднялись по ступеням, как бы лишь для того, чтобы подняться повыше и обозреть толпу. Множество людей сидело на ступенях, некоторые разложили припасенную снедь, обозначая место, с которого собирались наблюдать за грядущей казнью.

Перед самым полуднем в воротах появился жрец и стал нараспев приглашать желающих войти и обозреть храм. Теперь это был человек с необычно шишковатой кожей. И опять лишь несколько приезжих выказали интерес к подобной экскурсии. Среди них были Волволикус и Лейла. Будто бы во внезапном порыве Конан и Ауда направились следом.

Когда любопытствующие, почти не привлекшие внимания толпы, вошли в храм, двое рабочих закончили свою бурную дискуссию, взяли на плечи пару тяжелых бревен и потащились вверх по ступеням. Никто в толпе не бросил на них даже самого поверхностного взгляда.

В равной степени никто не обращал ни малейшего внимания на людей, обозревающих площадь с плоских крыш ближайших к храму домов. Люди эти прижимались к крышам, стараясь быть невидимыми за низкими парапетами, а в руках у них были луки. Они образовали целую цепь по краям крыш и ожидали со стрелами на тетивах.

Конан шагнул под клыкообразную подъемную решетку, как раз когда она со скрипом поехала вниз. Когда варвар вступил в храм, двое «рабочих» обосновались по обе стороны ворот, будто бы занятые какой-то работой для храма, и заклинили своими бревнами проход. Дойдя до бревен, подъемная решетка остановилась, хотя сверху еще несколько секунд доносился лязг механизма.

Жрец с изрытым лицом обернулся на изменившийся звук.

— В чем дело? Что-то случилось с воротами? Мы не сможем продолжить, если… — Тут он увидел парочку, что стояла у своих бревен. — Кто эти двое? Мы не приказывали работать с воротами!

Одной рукой Конан опустил с лица покрывало, другой вытащил меч.

— Еще несколько минут ты не приказываешь ничего, жрец, — сказал он. — Наоборот, исполняешь мои приказы. Вы все, слушайте меня! У нас есть дело внизу, в крипте, а вам следует только не вмешиваться. Делайте как я сказал, и останетесь целы и невредимы. Нам нужно золото, а не кровь. Малейшее неподчинение, и мы вас убьем. А теперь — все в крипту!

Горсточка любознательных посетителей изумленно взирала на говорящего, затем одна женщина в ужасе завопила. Мужчина, скорее всего ее муж, закрыл ей рукою рот и подтолкнул к ступеням, оскалив при этом зубы в сторону Конана, будто извинялся за

недостаток воспитания своей половины.

— Так-то лучше, — сказал Конан, помахивая обнаженным клинком. — Все вниз, быстро.

Он взглянул в сторону ворот, и стоявшие там показали ему, что все спокойно. Следовательно, пока они оставались незамеченными.

— Проклятие Аримана падет на тебя за это, разбойник! — закричал жрец, суетливо спускаясь по лестнице.

Острие Конанова меча кольнуло его в спину.

— У твоего бога я не беру ничего, жрец, — сказал Конан. — Я пришел за казной Торгут-хана. Кроме нее, в храме все останется как было.

— Это не смягчит гнев повелителя Аримана, — пригрозил жрец.

— Заткнись, — сказал Конан.

Затем они оказались в крипте. Факелы, вставленные в держатели на стенах, были погашены, и помещение освещалось только светильниками, стоящими на треногах выше человеческого роста. Стен не было видно вовсе, и от этого на Конана напала неясная, безотчетная тревога. Он отогнал страх. Сейчас дело требовало полного внимания.

Посреди крипты лежала огромная груда ящиков и плотных кожаных мешков. И над ними уже возился Волволикус, незнакомым голосом издавая странные звуки, рассыпая снадобья и постукивая по сундукам палочкой из хрусталя и слоновой кости, пока Лейла готовила его инструменты.

— Митра! — воскликнула Ауда. — Надеюсь, девяноста трех верблюдов хватит, чтобы сдвинуть все это с места.

— Такие трудности я переживу, — отозвался Конан.

— То, что ты переживешь за осквернение сего места, лежит за пределами понимания, — ледяным голосом вымолвил жрец.

— Предупреждаю тебя в последний раз, жрец. Заткнись! — Конан указал мечом на стайку молчаливых наблюдателей. — Вы! Отойдите к стенам и оставайтесь там, пока мы не закончим, иначе сами пожалеете. Ты тоже, жрец.

— Нет! — вскричал жрец. — Ты не должен делать этого. Это…

Конан плашмя опустил лезвие на голову жреца, и тот повалился, будто жертвенный бык.

— Заберите его с собой, — крикнул Конан остальным. — И ни звука, если дорога жизнь!

Люди поторопились повиноваться, таща жреца за его мантию и отступая, пока все они не скрылись во мраке.

Голос Волволикуса крепчал, послышался скрежет. У Конана на затылке зашевелились волосы, когда вся огромная масса металла в ящиках и мешках сотряслась, а затем начала подниматься. Через несколько минут груз уже оторвался от земли на человеческий рост и парил в воздухе вопреки всякому пониманию. Сундуки и мешки медленно двигались, выстраиваясь, будто рыбный косяк, в длинную конструкцию с ровными гранями, заостренную с одной стороны и плоскую с другой. Выглядит, сообразил Конан, точно как стигийский обелиск.

Он резко обернулся на звук, донесшийся из окружающей темноты. Вновь принялась стенать женщина, но крик сменился отталкивающим кудахтаньем, а потом резко оборвался. Послышался резкий мужской вопль, но, казалось, он донесся с огромного расстояния.

— Что там происходит? — воскликнул Конан, его обычно стальные нервы уже и так

были натянуты до предела колдовством мага.

— Конан! Давай скорее сюда!

Он снова дернулся и обнаружил одного из охранявших ворота стоящим у подножия лестницы. При виде груды сундуков, движущейся на него, глаза его расширились, но он взял себя в руки и повернулся к своему главарю.

— Что случилось? — спросил киммериец.

— Давай же! Давай быстрей!

Бормоча проклятья, Конан вслед за разбойником взлетел по лестнице. Добежав до ворот, они остановились. Оставшийся там разбойник стоял в тени. Он махнул Конану, затем показал наверх:

— Вон там, Конан.

Отойдя в тень, Конан посмотрел в указанном направлении. Сначала он ничего не увидел. Но потом солнце вспыхнуло на острие шлема за парапетом плоской крыши на расстоянии четырех десятков шагов.

— И там! — сказал, показывая, тот, что позвал его. На другой крыше Конан увидел верхушку лука между двумя большими декоративными урнами, полными ярких цветов.

— Сет побери! — рявкнул киммериец. — Загобал нас учуял. Это засада!

Как это могло случиться? Предали их или просто перехитрили? Не важно. Конан из Киммерии был не из тех, кто пускается в бесполезные раздумья. Они обнаружены, значит, придется пробивать себе дорогу. Движение сзади заставило его обернуться.

— Все готово, атаман! — сообщил Ауда. Прямо за ним стояли Волволикус и Лейла.

— У нас тут небольшие изменения в плане, — сказал Конан.

Лейла взглянула на него с иронической улыбкой:

— Что я тебе говорила о планах?

— Успокойся, дочка, — сказал Волволикус. — Что случилось?

— Лучники на крышах. Твое заклинание сработало?

Чародей указал назад. Медленно и величаво гигантская стрела выплывала из прохода в крипту. Конан согнал с себя охватившую его оторопь.

— Мы должны были спокойно пройти к лошадям, а затем ускакать, воспользовавшись паникой, что охватит эту толпу, когда сокровища вылетят из храма. Так замышлялось. Вместо этого нам придется подождать, пока появятся сокровища. Мы проберемся под ними и сбежим в сумятице.

— Будет рискованно скакать через потерявшую голову толпу, атаман, — сказал Ауда.

— Лучше, чем получить по дюжине стрел тотчас, как мы сделаем шаг отсюда, — возразил Конан. — А лучникам нелегко будет отыскать мишень во всеобщей круговерти.

— Будем надеяться, что остальным повезло больше, — сказала Лейла.

— Они отличные парни, — признал Конан. — Давайте позаботимся о собственной шкуре и доверим им их дела.

— Что это там? — крикнул Ауда.

Где-то за площадью в небо поднимался столб белого дыма. Вскоре появились и языки пламени. Народ на площади заволновался. Тревожный ропот пронесся по толпе. На крышах несколько стрелков встали посмотреть, но тотчас скрылись, одернутые своими товарищами.

— Я не знаю, — сказал Конан. — Но мы можем воспользоваться этим. — Он обернулся и увидел, что обелиск уже над ними. — Пригнитесь и будьте готовы бежать!

Они прижались к полу, а над ними в ворота бесшумно скользнула причудливая масса.

Конан заскрежетал зубами, борясь со страхом, охватившим его при мысли, какой огромный вес движется над ними столь неестественным образом. Основание вышло наружу, и обелиск завис над ступенями храма.

— Пошли! — крикнул Конан.

Они двинулись вслед за этой штуковиной, а когда та начала подниматься, со всех ног бросились под ней вниз по ступеням. Конан был поражен, услышав восторженный смех Лейлы. Рядом с ними на ступени полетели стрелы, другие попадали в плывущие сундуки. Конан осознал, что их защищает не только нависающая масса, но и поразительное зрелище, отвлекающее лучников от целей.

Те не одни были столь потрясены. Кто-то в толпе завизжал, и люди отвернулись от более отдаленного огня, чтобы узреть угрожающих размеров массу сундуков, восходящую к крышам. Будто волна пронеслась по толпе, когда головы одновременно повернулись. Далее началось столпотворение. Поднялся всеобщий крик, и внезапно люди начали разбегаться во все стороны.

Конан заметил, как один из его бандитов запрыгнул на эшафот, чуть повозился с брусом, запирающим клетку, и выдернул его из гнезд.

— Спасайся кто может, мошенники! — прорезался сквозь невероятный шум его голос.

Мгновение спустя бандит, пронзенный стрелой, уже летел с эшафота. С восторженными и яростными воплями осужденные ринулись из клетки. Один из них ухватил приготовленный для казни топор и принялся махать им направо и налево, с ликующим криком рубя палачей.

Лучники Конана, расположившиеся в разных точках окружности площади, начали стрелять по тем, что засели на крышах. Киммериец увидел, как двое полетели вниз, и тут же заметил золотой тюрбан, продирающийся к нему сквозь толпу. Верный своему долгу, Осман гнал на привязи четверку великолепных жеребцов и остановил их у самого подножия лестницы.

— Садись, атаман! — крикнул Осман. — Здесь становится весело.

Стрела просвистела рядом с его тюрбаном и пронзила убегавшего горожанина. Конан заметил, что добрая половина стрел, нацеленных в него и его людей, поражает случайных свидетелей. Паника в толпе удвоилась, когда людям показалось, что не только город в огне и магия повсюду, но еще и напали враги. Но пораженных стрелами было ничтожно мало по сравнению с задавленными и затоптанными, которых убивали и калечили независимо от пола и возраста.

Конан сел на коня, и тут же стрела вонзилась в заднюю луку седла и там, злобно жужжа, затрепетала. Подбежали два стражника Загобала и попытались ухватить стремена справа и слева. Меч Конана, единым движением описав восьмерку, отрубил по руке у каждого. Лейла помогала отцу взобраться в седло, когда стражник обхватил ее талию и оторвал девушку от земли. Мгновением позже Ауда, уже верхом, подскочил к нему сзади и коротким кривым мечом полоснул его по хребтине. Стражник завопил от боли, повалился назад и отпустил женщину. Две секунды — и она уже была на коне.

— Вперед! — проревел Конан, диким взором осматриваясь в поисках Загобала. И он увидел его стоящим на крыше и управляющим лучниками. Загобал указывал прямо на Конана, рот его был открыт. Конан тут же спрятался под парящей казной, и полдюжины стрел впились в дерево и застучали по мостовой. Огромная масса дерева, кожи, металла все поднималась и вскоре уже не могла защитить от стрел.

— За мной! — крикнул варвар, ринувшись к боковой улице.

Он благодарил всех богов, оберегающих разбойников, за то, что сообразил украсть скакунов Загобала — великолепных боевых животных, приученных к запаху крови и хаосу битвы. Обыкновенные лошади сейчас бы вставали на дыбы и рвались во все стороны, совершенно не подчиняясь седоку. Конан скакал, а за ним несся целый рой стрел, пока он не нырнул меж двумя домами прочь с площади. Он обернулся узнать, следуют ли за ним его компаньоны. Золотой тюрбан Османа ослепительно сверкал на солнце, а еще киммериец увидел Лейлу, поддерживающую в седле отца. Ауда вытащил лук и пускал назад стрелы, только успевая натягивать тетиву. С ошеломляющей быстротой они прорвались сквозь муравейник трущоб и оказались на маленькой площади перед городскими воротами. Здесь кипела другая битва, где кучка разбойников выдерживала натиск превосходящих сил стражников. Разбойники отчаянно удерживали ворота открытыми, стражники так же несгибаемо пытались их захлопнуть. Бандиты сражались с яростью крыс, загнанных в угол, и эта ярость восполняла численный перевес противника.

Конан с тылу пустил коня прямо в гущу стражников и принялся рубить защищенные доспехами головы и спины. Осман и Ауда тут же присоединились к нему, и после множества тяжелых ударов, коими обменялись противники, стража наконец была сломлена, теперь каждый только искал спасения.

— Победа! — объявил Конан уцелевшим соратникам. Измученные разбойники издали победный клич и побежали за ворота искать своих лошадей.

Описывая над головой окровавленным лезвием огромный серебристо-алый круг, атаман разбойников с диким воплем прогрохотал по дороге, за ним устремилась вся его банда.

Ужасающая ярость кипела в глазах Загобала, обозревающего хаос, что творился на площади. Он шел по мостовой, все еще заваленной мусором и телами убитых. С десяток горожан нашли смерть от шальных стрел, много больше было затоптано. Крики раненых пронзали раскаленный воздух, отовсюду доносился плач и стон. Прилавки были перевернуты, повсюду валялась разбитая утварь и бегали обезумевшие ручные звери лицедеев.

Командир стражников медленно поднялся по ступеням и оглядел всю картину разорения. И так же медленно губы его изгибались в какой-то неизъяснимо коварной гримасе. То была удовлетворенная улыбка. Улыбка растаяла при виде дородной туши, что пересекала площадь, мыча, будто выхолощенный бычок.

— Загобал! — возопил Торгут-хан. — Загобал, что произошло? Какое несчастье постигло мое празднество! Пожар, драка, а еще я слышал какие-то россказни безумцев о ящиках, что сами собой воспарили в небо, как ястребы! Что все это значит? Головой твоей заклинаю, объясни мне!

Тучный губернатор, пыхтя и сопя, одолел лестницу. От гнева и неумеренных возлияний его рожа побагровела. А глаза были даже еще красней. Он тряс кулаком перед лицом Загобала:

— Следовало бы засадить тебя в темницу! На этом эшафоте подвергнуть тебя всем мучениям, что были предназначены моим сбежавшим злодеям! — Он указывал на помост, где теперь остались лишь трупы заплечных дел мастеров, принесенных в жертву ярости узников. Вытянутая рука дрожала от гнева. — Все мои тщательно собранные узники бежали! Кажется, будто полгорода объято пламенем! Отвечай, ты, собака! Как это случилось?

— Все шло по моему плану, превосходнейший, — начал оправдываться Загобал. — Соблазненные сокровищами, разбойники в полном составе вошли в город. Мои люди расположились в засаде, и бандиты не замечали, что за каждым их движением наблюдают. Но они не пытались улизнуть с той частью казны, что могли утащить, погрузив на своих коней. Вместо этого они наняли колдуна, чтобы тот перенес все сокровища по воздуху, будто на ковре-самолете из древних легенд. Я не мог знать, что они воспользуются колдовством, превосходнейший.

Яркая краска сошла с лица Торгут-хана.

— Они улетели? Ты хочешь сказать, что те бредни насчет летающих сундуков и мешков — это правда? Разбойники заставили сокровища улететь отсюда?

— Это так, превосходнейший.

— Как… Как много?

— Я как раз направляюсь в храм, чтобы выяснить это. Такое впечатление, что все.

— Все? Вся моя казна улетела?

— Нет, превосходнейший, — поправил его Загобал. — Это была королевская казна.

— И я мертвец, если ты не вернешь ее обратно! Глупец!

Весь объятый гневом и яростью, Торгут-хан отвел руку и хлестнул по лицу своего начальника стражи — звук удара разнесся по всей площади.

Лицо Загобала с мгновенно проявившимся малиновым отпечатком помертвело. Глаза обернулись двумя черными омутами, и ненависть вспыхнула в них. Торгут-хан сообразил, что с этим в высшей степени опасным человеком он зашел слишком далеко. Он ткнул пальцем в защищенную сталью грудь Загобала:

— Отыщи сокровища, Загобал. Верни их и притащи сюда всех бандитов, чтобы предать их смерти на этом моем эшафоте. — Он развернулся и, подобрав полы мантии, направился прочь. — Я должен проконтролировать борьбу с огнем.

Лицо Загобала корчилось от ненависти, гнева и презрения.

— Как будто бы тебя заботит, если даже весь город сгорит дотла, трусливая свинья! — бормотал он, яростно покусывая кончик уса. — Ты сбежал от моего меча! Я отплачу за этот удар, Торгут-хан. Я отплачу сполна!

Тут он увидел еще одного человека, направляющегося к нему через площадь неторопливой, развязной походкой лихого вояки.

— Занятный денек, командир, — сказал Беритус Аквилонский.

— Да уж, разорение даже больше, чем я ожидал, — признал Загобал, его ярость утихала.

— Твой старший выдал тебе не только языком, а? — ухмыльнулся Беритус. — Он оставил пятерню на щеке.

— Я разберусь с Торгут-ханом, не беспокойся. Но я потерял много людей, несколько лошадей, а конюшни в огне.

— Люди у тебя так себе, — сказал Беритус. — Но мы свою роль сыграли как надо, не так ли?

— Да, твои лучники хороши, как ты и говорил. А теперь для вас начинается настоящее дело. Вы должны пуститься по следу мерзавцев.

— Вот это мы делаем лучше всего. — Тут на лице Беритуса появилось отвращение. Загобал обернулся и увидел три спускающиеся по лестнице фигуры в ржавых балахонах, бешенство проступало в их отталкивающих чертах. — Вот так набор невинных милашек, — заметил аквилонец.

— Загобал, я полагаю, ты несешь ответственность за это возмутительное безобразие, — прошептал Трагтан.

— С чего бы это? — сказал Загобал. — Эту резню учинила банда разбойников и мародеров.

— Что нам за дело до этих забитых горожан? — презрительно усмехнулся тот, кого звали Шоск. — Негодяи осквернили священное жилище Аримана! Ты похвалялся направо и налево огромным скоплением сокровищ в храме, дабы соблазнить и без труда переловить бандитов, вместо того чтобы выполнять свой долг и гоняться за ними по их холмам!

Загобал плюнул на ступеньку между ног крапчаторожего жреца:

— Вот на тебя и твоего вонючего бога! Предупреждаю, не выводи меня из терпения, жрец.

— Здесь поставлено больше всех сокровищ и всей крови мира! — закричал багряноликий Никас. — Эти преступники притащили в священную крипту колдуна! Они загнали своих заложников и жреца Умоса за стены. За стены, капитан! — Глаза жреца пылали неким священным ужасом.

— И что из того, жрец? — осведомился Загобал.

— Это более чем простое святотатство, ты, смертный недоумок! — вскричал Никас, схватив Загобала за плечо в приступе ярости и страдания.

Взбешенный Загобал обнажил молнией вспыхнувший меч и полоснул жреца от плеча до пояса. Безжизненное тело обрушилось между Шоском и Трагтаном, застывшими в ошеломлении.

— Вашему приятелю не стоило поднимать на меня руку, — сказал Загобал Трагтану. — Он оказался не тверже вилайетской медузы. Заберите это бескостную падаль к себе в храм.

— Убить заодно остальных, начальник? — спросил Беритус. — Я даже за работу не потребую. Всех жрецов ненавижу.

— Нет, у нас есть дела поважней. Собирай своих людей и самых лучших коней, каких отыщешь. Отправляйся по следу этих злодеев и не дай им уйти.

Беритус отсалютовал, постучав костяшками пальцев по лбу.

— От меня они не сбегут, командир. Ни один.

С этими словами он повернулся и пошел прочь. Загобал спускался по лестнице, довольный тем, что все идет согласно плану. Наглость Торгут-хана перешла всякие границы, но скоро этому будет положен конец. Воин сорвал платок с головы мертвой женщины и вытер лезвие, заметив, что кровь на нем была не красной, как следовало ожидать, но цвета ржавчины, как рясы этих жрецов. Праздным взглядом он окинул храмовую лестницу и обнаружил, что ни жрецов, ни трупа там уже нет. Он пожал плечами, вкладывая меч в ножны. Имелись дела поважней, чем эти безмозглые жрецы с их таинственным бормотанием.

— Мой атаман, — произнес Осман голосом лишь настолько громким, чтобы перекрыть стук копыт. — Ты же говорил, что эти прекрасные лошади предназначены для того, чтобы в случае нужды обеспечить наше бегство, а вовсе не для колдуна с его крошкой.

Коротышка сбросил золотой тюрбан и бусы и теперь скакал, облаченный лишь в рваную набедренную повязку, сандалии и пояс с оружием.

— Планы меняются. Осман. Он не сможет надуть нас сейчас, ослабевший, и всецело в наших руках. — Конан оглянулся на колдуна, хоть и сидящего теперь в седле прямо, но будто

придавленного усталостью. Лейла ехала рядом с озабоченным выражением на лице. — Что за пламя там было? Твоя работа?

Осман ухмыльнулся:

— Ну. Я там оказался в одиночестве, все ушли на праздник. Я выбрал лошадей, оседлал их, привязал к своей и, зная, что у меня еще осталось немного времени перед твоим выходом из храма, решил потратить его на доброе дело. Я открыл стойла и вывел всю гвардейскую скотину во двор. Затем в бычьем загоне я развел огонь в огромном стогу сена. Решил, что это лучше всего отвлечет внимание.

— Так и случилось, — сказал Конан. — Это была умная мысль.

— Я же не такой болван, как остальные твои дружки, — самодовольно бросил Осман.

— Сейчас еще рано праздновать, — предупредил Конан. — Пока мы далеко не в безопасности. Сколько наших осталось?

Они ехали мерной рысью через холмы, избегая открытых пространств, и держались каменистых троп, дабы оставлять так мало следов, как это возможно.

Осман посмотрел назад:

— Мы растянулись, и всех я не вижу. Кроме нас двоих, чародея и девчонки, видно Ауду и Убо, скачущих бок о бок. А, вон еще Чемик — этот слишком ленив, чтобы лишиться жизни. Больше никого.

— Конечно же, это не могут быть все, — сказал киммериец. — Впереди маленький водоем. Мы остановимся там, немного отдохнем, а отставшие нас догонят.

— Не слишком ли рано для остановки? — обеспокоенно спросил Осман. — Погоня может быть совсем близко.

— И настигнет нас еще скорее, если мы загоним лошадей, — настаивал на своем Конан.

Через четверть часа они достигли водоема. По приказу Конана всадники спешились, дали лошадям немного попить, проверили сбрую и подтянули подпруги, позаботились о ранах у людей и животных. Пока они ждали, подоспели и остальные, некоторые были ранены. В конце концов, кроме Конана и Османа, оказалось восемь уцелевших бандитов.

— Клянусь Сетом, мы оставили там половину банды! — сказал Чемик, когда стало ясно, что больше никого не будет.

— Не такая уж большая цена, если вспомнить о добыче, — жизнерадостно заявил Осман. — И каждому из нас достанется куда больший куш.

— Ага, — согласился Мамос. — Мне приходилось видеть, как банда уменьшается наполовину в набеге за горсткой лошадей или стадом коров. Никто из нас, берясь за это ремесло, не рассчитывал насладиться долгой жизнью.

— Мы потеряли в Шахпуре добрых товарищей, — сказал Убо, выливая кровь из сапога. Стрела прошла через толстую телячью кожу, и рана оказалась поверхностной, но сильно кровоточила.

— Это правда, — сказал Измир, житель пустыни. — А еще, слишком нас мало осталось, чтобы драться с Загобалом, если он нас догонит. Что случилось с твоим превосходным планом, Конан?

У Конана были и свои сомнения, но он вовсе не собирался обнаруживать слабину перед этими переменчивыми в настроениях шакалами.

— Каждый сидящий здесь и каждый погибший там жил или живет с петлей на шее. Смерть в бою быстра и благородна. Жизнь — ставка в нашей игре. Кто-то выигрывает, кто-то теряет. Поехали, мы соберем нашу добычу и опрокинем по глотку вина за наших павших

товарищей. И хватит причитаний.

Убо морщился, натягивая свой пропитанный кровью сапог.

— Ты прав, атаман. Поехали.

Были еще хмурые взгляды и недовольное бормотание, пока они взбирались на коней, но не прошло и часа, как все уже смеялись и шутили, строя планы, связанные с ожидающим их грандиозным уловом.

— Твои люди быстро обрели хорошее настроение, киммериец, — заметил Волволикус.

— Как дети, — сказала Лейла, — что за сто ударов сердца успевают посмеяться, поплакать и вновь посмеяться.

— У этих людей отрезано прошлое и нет будущего, — ответил киммериец. — Для них ничего, кроме настоящего, большого смысла не имеет. А сейчас виды на кучу золота заслоняют все остальное.

Они скакали уже глубоко в ночи, под мерцающими звездами. Многие давно бы уж запутались в лабиринте холмов, оврагов и высохших русл, но Конан вел их безошибочно. И когда наконец зарею окрасился восток, они вступили в ущелье, ведущее к их убежищу. Добравшись до водоема, разбойники издали счастливый рев при виде огромной груды сундуков. Сокровища так и приземлились в виде обелиска, а затем, когда рассеялись чары колдуна, обрушились длинной, неровной кучей. Сообразительный Осман первым заметил: что-то не так.

— Мне это не нравится, атаман, — сказал он Конану.

— Кром! — пробормотал Конан в растущей тревоге. — Где верблюды?

Имелась масса следов, говорящих о том, что верблюды здесь были, но ни одного животного в поле зрения не оказалось.

Глава шестая

— Свежий след! — крикнул Амбула из Пунта.

Тощий смуглый босой человек спешился и побежал через каньон, его лук и стрелы были закинуты за спину, а сам он весь ссутулился, будто вынюхивал след своими широкими ноздрями. Он наклонился, что-то подобрал и побежал обратно к Беритусу, размахивая несколькими почти невидимыми прядями блестящих черных волос.

— Конский волос? — спросил аквилонец.

— Волос из стриженой гривы, — подтвердил Амбула. — Стражники Загобала стригут гривы своих лошадей. Понюхай. Это мазь из финиковых цветков, такую использует Загобал, чтобы наводить глянец на своих скакунов.

Беритус ровным счетом ничего не учуял, но он знал, что может доверять обонянию этого прирожденного следопыта.

— Туда! — скомандовал он.

Амбула вскочил в седло, и они поскакали через каньон.

— Это хорошо, — сказал Урдос из Кофа. — Я уж думал, что мы потеряли их.

— Мы никогда не упускаем дичь, — сказал Беритус. — Но признаю, что этот Конан — нелегкая добыча. Он выбирает лучшие тропы, дабы оставить как можно меньше следов. Будь он один и пеший, понадобились бы месяцы, чтобы обнаружить его в этом лабиринте. Но следуя большой группой, да еще верхом, невозможно избежать хоть каких-то следов, а с такими следопытами, как Амбула и Бахдур, мы их не упустим.

Беритус произносил эти слова с улыбкой на устах, ибо он любил охоту. Вне зависимости от высокой платы, что он требовал от своих нанимателей, он наслаждался состязанием в сообразительности и ловкости со своей жертвой. Неважно, была ли эта жертва запуганным беглым рабом, бандой оборванных мятежников или скрывающихся от правосудия разбойников, — разница лишь в степени удовольствия. Но больше всего ему нравились вот такие минуты — преследовать свирепого, опытного бойца, который в любой момент может повернуть и встретить тебя в засаде. Он не опасался такой возможности прямо сейчас — ведь киммериец не знал, что за человек гонится за ним. Но если бы Беритус и его спутники не сумели расправиться со всеми в единственной схватке, игра просто перешла бы в новую и куда более опасную фазу.

Беритус уже понял, что человек, которого он преследует, такой же, как он сам. Там, на крышах окружающих площадь домов, когда другие усердно натягивали свои луки, Беритус не принимал участия в схватке. Вместо этого он пристально наблюдал за Конаном, оценивая мастерство, силу и слабости противника. Что до последних, он не обнаружил ничего, кроме определенной неохоты, с которой киммериец оставлял своих друзей ради спасения собственной шкуры.

В мастерстве владения мечом он чуть ли не превосходил всех, когда-либо виденных Беритусом. Высшую оценку аквилонец оставил лишь себе самому. Что до качеств тактика и лидера, здесь северянин был просто великолепен, одержав верх в дерзком набеге с изяществом и остроумием. Лишь вмешательство лучников на крышах помешало назвать этот грабеж идеальным.

Да, никаких сомнений. Это обещало стать одной из его самых незабываемых гонок.

— Кровь! — воскликнул Бахдур, когда они выехали из маленького каньона в чуть

больший. Он указал на свою находку, и остальные не стали слезать с коней, дабы проверить его, а просто бросали взгляд, проезжая мимо. Несколько капель красновато поблескивали на верхних листьях чертополоха, что вырастал здесь чуть выше двух футов.

— Задел ногой человек в седле, — заметил Барка, миновав куст. — Возможно, ранен в ногу. Рана не может быть серьезной, иначе мы бы уже заметили кровь.

— Точно, у них много убитых, но среди ускакавших явно было несколько раненых, — сказал Беритус. — Кому что.

К тому времени, как их настигла тьма, они знали, что всего несколько часов отделяют их от жертвы. Несмотря на все предосторожности, киммериец ничего не мог сделать с лошадиными лепешками, а их состояние позволяло охотникам за людьми оценить время, когда здесь проследовали грабители.

— Продолжим охоту с факелами? — спросил Беритуса Урдос.

— Нет, это же не беглые рабы. Зоркий горец увидит единственный факел за многие мили и устроит засаду еще до рассвета. Мы разобьем здесь лагерь и подождем до зари. Не бойся, завтра после полудня они будут наши.

Они спешились и расседлали коней, почистили их и огородили частоколом. Затем, не разжигая огня, они запили водой припасенную снедь, раскатали одеяла и уснули. Идя по следу, эти люди себя не баловали. На время они стали охотничьими псами.

— Где они? — завопил Мамос. Он вытянул грязный палец в сторону Конана. — Ты! Ты говорил, что верблюды будут здесь! Почему же их нет?

Левой рукой Конан схватил ножны, в то время как правая легла на рукоять меча.

— Тебе известно, где я находился последние дни, Мамос. Если ты думаешь, что это мое вероломство, то ты так же туп, как уродлив, а это уже предел тупости.

— Они были здесь, — настаивал Ауда. — Вы же все видите их следы и навоз. Но где Джунис, которого мы оставили присматривать за животными и лечить свою раненую ногу?

— Хотя бы это ясно, — сказал Убо. — Смотрите. — Он вытянул руку, указывая на стервятников, кружащихся в нескольких сотнях шагов, за поворотом в маленький каньон.

Они помчались к каньону и, отогнав целую тучу копошащихся стервятников, обнаружили на чахлом дереве Джуниса. Тот был разрублен на мелкие кусочки, многочисленные члены его свисали с ветвей. Бедолага был уже порядком обглодан, и мясистых частей недоставало.

— Они нашли его! — завопил Ауда. — Те гадючьи, проклятые богами верблюжатники дошли по следу своих животных прямо досюда и забрали их! Они раскромсали Джуниса и подвесили его в качестве предупреждения!

— Видать, то были демоны в человеческом обличье, — насмешливо произнесла Лейла. — Кто бы мог подумать, что люди способны на такое?

То ли неприглядное зрелище, то ли запах побудил ее отвернуться от дерева.

— Прекрати насмехаться над нами, женщина, — предостерег Чемик. — Там подвешен наш товарищ.

— Не держи меня за дуру, бандюга, — сказала она. — Вы, негодяи, печетесь друг о друге не больше, чем стадо волков. Вы забиваете слабого со звериной жестокостью, так не надо вкручивать о своих бедненьких, разделанных на кусочки друзьях. Верблюды пропали. Проблема в том, что делать с этой огромной грудой металла.

Хладнокровные слова женщины ошеломили и обратили к реальности даже толстокожих

разбойников.

— Точно, девка права, — сказал Убо. — Что нам теперь делать?

— Великий Волволикус, — сказал Осман, — не можешь ли ты помочь нам переместить золото посредством твоих магических искусств? Ты перенес его оттуда с такой впечатляющей мощью и, конечно, сможешь повторить это тем же манером.

— Боюсь, что нет, — ответил маг. — Перемещение подобной массы на такое расстояние почти полностью истощило меня. И в любом случае заклинание не подействует раньше чем с полной сменой луны.

— Луны? — вскричал Мамос, будто подобная мысль оскорбила его. — При чем здесь луна?

— Очень даже при чем, — сказал колдун. — Я мог бы поведать тебе о приливных силах и о воздействии их на кристаллическую структуру металла и камня, но ты не поймешь.

— Наверное, ты прав, — сказал Мамос, вытаскивая кинжал и пробуя пальцем острое как бритва лезвие. — Я мог бы подумать, что ты несешь свою чародейскую чепуху, чтобы скрыть истинные намерения.

— Хватит об этом, — прикрикнул Конан. — Чем пускаться во всеобщие дрязги, лучше сразу преподнести сокровища Торгут-хану. Каждый может убедиться, что вся эта огромная груда здесь, разве это не прекрасно?

С этим все согласились.

— Теперь, — продолжил киммериец, — мы просто должны придумать, как запрятать их подальше, так, чтобы и казна, и мы сами оказались вне пределов досягаемости Торгут-хана и его пса Загобала.

— Мы не можем украсть других верблюдов? — спросил Осман.

— Нет, — сказал Ауда. — Сейчас по всей округе любой, у кого есть хоть один верблюд, неустанно охраняет свою скотину. Для похитителей верблюдов теперь на долгие месяцы воцарились трудные времена.

— Более того, — указал Конан, — стражники Загобала пустятся на поиски. Скоро они выйдут на деревню, откуда были похищены верблюды, и не потребуется великого ума, чтобы сообразить, кому понадобилось схоронить столько верблюдов в потайном уголке. Те пастухи могут привести их прямо сюда. Долго мы здесь оставаться не можем.

— Хочешь сказать, что мы должны бросить основную часть? — проревел Чемик. — Просто ускакать с той малой толикой, что можно погрузить на коня? Да я скорей печенку тебе вырежу!

Толстопузый коринфиец схватился за рукоять меча, остальные последовали его примеру. Осман и Ауда встали бок о бок с Конаном.

Послышался мелодичный смех Лейлы:

— Рычащие псы грызутся над дохлой лошадью! Никто ни забрать не может, ни смотреть, как другие отрывают кусок. Никогда больше не поверю сказкам о красивой и свободной жизни разбойников. В жизни не видела подобных идиотов!

— Успокойся, дочка, — тихим голосом попросил Волволикус. — Это не слуги, чтобы распекать их.

Однако ее слова задели за живое уже готовых поднять бунт негодяев и заставили их вновь задуматься о своей судьбе.

— Что же тогда делать? — спросил одноглазый Убо. — Мы должны спрятать все здесь, — убежденно заявил Ауда, — до того времени, пока не сможем вернуться и унести

сокровища. А с собой возьмем лишь необходимое на жизнь до того момента.

— Где? — осведомился Конан, обводя руками голые окрестности.

— Недалеко отсюда есть разрисованная пещера, — сообщил Ауда. — Я обнаружил ее как-то раз, когда скрывался здесь, а враждебная банда заняла этот оазис. Много дней я лежал там и лишь ночами выходил за водой. Они ни разу не заметили меня.

— Что еще за разрисованная пещера? — спросил Конан.

— Они скрываются в самых уединенных местах, — объяснил Ауда. — Их всегда трудно найти, и у них маленькие входы. Эту я обнаружил, когда туда шмыгнул заяц, за которым я гнался. Внутри ее стены разрисованы фигурками людей и животных. Должно быть, там укрывались охотничьи племена, но было это давным-давно, потому что многих из тех зверей никто в этих местах не видел.

— Покажи мне эту разрисованную пещеру, — сказал Конан.

Они последовали за воином-пустынником в боковой каньон, затем в следующий, и каждый был настолько схож с прочими, что лишь долгий опыт не позволял человеку заблудиться в них. Разбойники взобрались по разломанной глыбе, и Ауда указал на неровное отверстие под нависающей скалой, совершенно невидимое буквально в нескольких футах. Взрослый мужчина мог проникнуть туда лишь ползком.

— Там могут быть ядовитые змеи, — предупредил Ауда.

— Несколько человек пойдут и сделают нам факелы, — распорядился Конан. — Поблизости ничего не трогайте и не ломайте живых кустов. Мы не должны оставить ни малейшего следа.

Через несколько минут двое разбойников вернулись с сухими ветками, связанными в длинные факелы. Осман, выдающийся поджигатель, воспламенил ветки искрой, высеченной кремнем и сталью. Затем, держа перед собой факел, Конан нырнул и с трудом протиснулся в отверстие. Остальные последовали за ним. Замыкали шествие Волволикус и Лейла.

Внутри они обнаружили помещение неправильной формы, двадцати шагов длиной и восьми или десяти шириной. Не было здесь никаких боковых ответвлений, а пол был засорен лишь животными, находившими здесь приют: разными веточками для гнезд, перьями, яичной скорлупой и тому подобным. Если человеческие существа и разводили здесь огонь, то это было так давно, что не осталось даже золы или сажи.

— О Сет! — воскликнул разбойник, поднявший факел, дабы осмотреть стены и потолок. — Что это за существа?

Грубый камень покрывали изображениями людей и животных. Человеческие фигуры были лишь намечены палочками так, как рисуют дети, зато животные были исполнены просто великолепно, настолько детально и умело, что художники уловили не только внешний вид, но и движение, и самую сущность этих созданий.

— Это же слон, клянусь Митрой! — воскликнул один из разбойников. — Но глянь, как завиты их клыки и какой длинной шерстью они покрыты!

— Я видел несколько таких в далеких северных лесах, — сказал Конан, — хотя сейчас их почти всех перебили, и они очень редки.

— А вот это носорог, — сказал житель Кемана. — И тоже волосатый.

— А здесь жирафы, — указал Конан. — Но окраска и рожки не такие, как у тех, что мне попадались. А вон те — зубры или бизоны, что-то вроде того.

— А это лошади? — спросил Осман. — Если тут правильно нарисовано, как эти человечки охотятся за ними, то, похоже, эти кони не больше собак. Чародей, что означают

эти рисунки?

— Прежде всего то, что мир — это древнее и чудесное место. Пойди в песчаную пустыню и просей сквозь пальцы песок. Вскоре ты обнаружишь осколки акульих зубов, ибо пустыня когда-то была дном морским. — Маг прохаживался вдоль стен, любуясь рисунками. — Пашня когда-то была джунглями, а там, где на плоской равнине стоит город, когда-то возвышалась гора, пока ветер и влага не сточили ее до основания. Горный склон в ледяной северной пустыне обнажает тепловодный коралл, что когда-то вырос в тропическом море. Все меняется. Что до этих, — он указал на рисунки животных, — осмелюсь предположить, что рисовали их люди из племени охотников, оказавшиеся вдобавок и одаренными художниками. Они делали эти изображения не ради удовольствия, но творили магическое действо, призванное помочь им в охоте. Приглядитесь — и вы увидите следы от стрел и дротиков, выпущенных в изображения в надежде, что это поможет в стрельбе по живым существам. Они шли на все, дабы завладеть самой сущностью своей жертвы, улавливая в этих творениях каждый штрих, жест и оттенок. Заметили, что себя они изображают фигурками из палочек, неотличимыми друг от друга? Это потому, что они боялись пасть жертвой собственной магии, ибо полагали, что изображение способно захватить дух самой модели.

Разбойники дивились на странные, загадочные рисунки, пока слова вожака не вернули их к действительности.

— Раз эта пещера служила убежищем тем людям, то послужит и нам, — заявил Конан. — Мы перенесем сюда наши сокровища и уничтожим все следы, затем укроем вход еще лучше, чем сейчас. Это будет нелегкая работа, зато места здесь более чем достаточно, и сундуки здесь будут в неприкосновенности столько, сколько понадобится. Принимаемся за дело.

Они покинули пещеру и вернулись к своему пруду. Остаток дня занял каторжный труд; сундук за сундуком, мешок за мешком, они перетаскивали сокровища в пещеру. Они стонали, ворчали и жаловались, ибо принципиально не признавали тяжелой работы, но все же сознание того, что ноша сия состоит из золота и серебра, несколько облегчало их труд. Как правило, двое мужчин сгибались под тяжестью одного сундука. И лишь Конан мог водрузить на свои могучие плечи сразу пару и не переводя дыхания донести их до пещеры. Наконец остался последний кожаный мешок.

— Ауда, уничтожь все наши следы, — приказал Конан.

Ауда и два других жителя пустыни сделали метлы из колючих кустов и тщательно вымели каждый дюйм земли, по которой носили тяжести бандиты. Когда они закончили, Конан проверил их работу, тщательно выбранными камнями завалил вход в пещеру и наконец был полностью удовлетворен.

Измученный народ отдыхал у пруда, попивая разведенное водой вино и потирая онемевшие, натруженные члены. Вернувшись, киммериец направился к последнему мешку. Он легко подхватил его одной рукой, хотя тот весил более полуцентнера. Усилие выдавали только вздувшиеся буграми мускулы. Киммериец вытащил кинжал и распорол мешок. Заходящее солнце засверкало на обрушившемся каскаде серебряных монет. Бандиты встретили восхитительное зрелище тихим стоном.

— Мы поделим это между собой, — сказал Конан. — Затем мы уедем. Погоня, возможно, уже близка.

Все начали полными горстями черпать серебро.

— Куда мы отправимся? — спросил один из обитателей пустынь.

— Думаю, нам следует разделиться, — сказал Осман, — и каждому идти своим путем. Так мы вернее избежим погони. Затем, когда тревога полностью уляжется, мы сможем снова собраться здесь вместе с вьючной скотиной, на которой увезем нашу добычу.

— Нет! — крикнул Убо. — Ты так говоришь, потому что хочешь тайком вернуться пораньше и прикарманить побольше своей справедливой доли, ты, жадное животное. А я говорю, что до возвращения мы должны держаться вместе! Я не доверяю ни одному из вас, если не буду видеть его своими глазами, пока мы не поделим по-честному весь наш куш! И многие при этих словах согласно заворчали.

— Что ж, это не самое безопасное, но, возможно, самое лучшее решение, — согласился Конан. — Остается решить, куда направиться. Торгут-хан поставит дозоры на всех направлениях, но в пустыне они будут пожиже. Я считаю, мы должны направиться к иранистанской границе. Там мы затаимся на время, а затем вернемся сюда. Вряд ли придется ждать слишком долго. Очень скоро король должен узнать о похищении его казны, и тогда полетят головы, и прежде всего — Торгут-хана и Загобала. Одной луны не пройдет, как мывернемся из Иранистана с транспортом для золота. Ну что, согласны, негодяи?

Львиный взор его охватил всех и каждого. И встречал в глазах покорство или вызов, но не бунт.

— Значит, Иранистан, — сказал Убо.

— Я возвращаюсь к себе домой, — сообщил Волволикус, — и там подожду вас. Я не стану покушаться на сокровища до вашего возвращения.

— Нет уж, ты отправишься с нами! — вскричал Чемик. — Пока что ты просто один из нас, чародей. Тебе известно, где спрятаны сокровища, отчего же мы должны доверять тебе больше, чем любому из нас?

— Поберегись, бандит, — надменно проговорил маг. — Последние дни я мог играть с вами в ваши игры, но я по-прежнему остаюсь могущественным чародеем. Ты сомневаешься, что я смогу обрушить на тебя уничтожающее проклятие за твою дерзость?

Часть бандитов отпрянули, устрашенные силой колдовских чар, но самые упрямые стояли на своем.

— Валяй проклинай, чародей, — заявил Мамос. — Видал я штуки и пострашней твоих чар. — Он показал на тянущийся вкруг шеи след от веревки. — Ты и девка скачут с нами. Свою долю получишь вместе со всеми.

— Именно, — сказал Убо. — Все вместе или вовсе никак, и решим это прямо здесь.

И снова руки легли на рукояти, снова полуобнажены мечи.

— Не стоит из-за них волноваться, отец, — сказала Лейла. — Давай отправимся с ними в Иранистан. Твои охранные заклятия будут оберегать дом в наше отсутствие, а ты сможешь употребить время для общения с магами той земли.

— Кто знает? — ухмыльнулся Осман. — Может, найдется там какой-нибудь булыжник, доселе тебе неизвестный!

Бандиты разразились веселым ревом над этим, по их мнению, верхом остроумия. Мечи с шумом отправились в свои ножны, и ко всем вернулось хорошее настроение. Они оседлали коней, выехали из каньона и прямиком поскакали на юг, выбрав самый короткий маршрут для бегства. На скаку они передавали друг другу мех с вином, горланили песни или забавлялись древними небылицами. Не видя непосредственной опасности, они ощущали себя богатыми людьми. Что такое один оборот луны, чуть раньше или позже? Они даже

предлагали винный бурдюк Волволикусу и Лейле, уже считая колдуна с дочерью частью своей банды.

— Это всегда так с подобными людьми? — спросила у Конана Лейла, когда оба они чуть обогнали остальных. — Вызов, драка, дружба не разлей вода, и все одновременно.

— Да, я уже рассказывал тебе, что это за типы. Им недостает хороших манер, но, когда клинки обнажены, все они прекрасные и надежные бойцы. Там, в Шахпуре, ты видела их в деле. Каждый стоит до конца. Однако в перерывах с ними приходится быть начеку.

— Ты всегда живешь среди подобных? — спросила она.

— Нет, не всегда, но во многих местах я знавал таких: пираты, козаки, наемники, преступники всех мастей. Все они почти одинаковы.

— Ты не обыкновенный преступник, скорее профессиональный авантюрист.

— Да. Я бродяга, не способен долго сидеть на одном месте, всегда меня тянет в новые земли. Любые места, какие бы расчудесные они ни были, быстро приедаются мне, и я должен отыскивать новые.

— Человек, живущий вне всякого закона, должен жить по своему собственному, — задумчиво произнесла девушка.

Рядом с ней, казалось, согласно кивал мирно спящий в седле чародей. Правой рукой она взяла его вожжи.

— Так и есть. А еще он должен быть быстр и силен, иначе долго не протянет. — Повернувшись, Конан обратил взор на север, так, будто его голубые глаза охватили расстояние в тысячи миль и многие годы. — Мой народ, киммерийцы, держится обычаев своего рода, и так было всегда. Почти взрослым и уже бродягой я впервые услышал о законах, судах и судьях, присяжных и тюрьмах. Мне эти вещи показались ужасной глупостью, а потому пришлось наслаждаться гостеприимством многих законников, чьи уложения я нарушил. — Киммериец печально улыбнулся. — Со временем я стал понимать, зачем простым людям нужны все эти вещи, без которых обыватели не смогли бы спокойно жить и работать, но самого меня всегда угнетало ярмо закона. И больше всего меня бесят такие идиотские деспоты, как Торгут-хан, и его пресмыкающиеся гиены вроде Загобала. — Потому сейчас ты и решил отплатить этим двоим? — спросила она.

— Видно будет. Скажем, начало многообещающее. Через два дня бешеной скачки они достигли реки Ильбарс. Туран претендовал на земли к северу от реки, Иранистан — к югу, хотя ни те ни другие не держали сколько-нибудь значительных войск ближе чем в нескольких днях перехода отсюда. Претензии же были не более чем юридической фикцией, поскольку на любую землю кто-нибудь да претендует, и нет короля настолько ленивого, чтобы не объявить себя повелителем земли, на которой нет чьих-либо еще войск или крепостей. Мелкие приграничные князьки обычно признают того или иного царя своим верховным сюзереном, хотя могут смениться поколения, прежде чем от них потребуют выполнения феодальных обязательств. Приграничные земли были скорей прибежищем бандитов, бродяг и бунтовщиков, нежели законопослушными провинциями.

— Колдун! — крикнул Осман, направив своего скакуна вниз по отлогому берегу медленно катящей свои воды реки. — Можешь ли ты разделить воды сии, дабы пройти нам, не промокнув?

Волволикус уже почти оправился после чудовищного напряжения своих сил.

— Воде в ее жидком состоянии недостает кристаллической структуры. Вот если ты заморозишь ее в лед, тогда пожалуйста.

Бандиты загоготали, по достоинству оценив шутку.

— Было бы преступлением, оскорбляющим всех богов, лишить вас шанса хоть немного умыться, — сказала Лейла.

Мужчины заржали еще громче.

— В воду, псы! — крикнул Конан, одновременно пуская коня прямо в поток; тучи брызг разлетались под копытами. С гиканьем и свистом остальные последовали за ним. Река была не глубока, и коням пришлось плыть совсем немного. На другой стороне разбойники выжали одежду и вытерли оружие.

— Ты хотел увидеть Иранистан, атаман, — сказал Осман, смазывая лезвие своего кинжала. — Что ж, ты здесь. Что ты об этом думаешь?

— Пока не отличить от Турана, — проговорил Конан, обозревая монотонный буро-зеленый пейзаж.

Берега реки зеленели, но уже в нескольких сотнях шагов от воды все высыхало, и окружающие местность низкие холмы были покрыты бурой травой; редкие стада коз и овец указывали на то, что земля эта не совсем необитаема.

Эта граница являла собой узкую зеленую полосу обрабатываемой земли, окруженную пустынями и способную прокормить лишь разбросанных по всей ее протяженности пастухов да жалкие деревеньки. Люди здесь в основном были крестьянами, говорящими на туранском диалекте, сильно смешанном с языком иранистани. То был низкорослый народ с явными признаками постоянного кровосмешения. Невзирая на преобладающую здесь жару, они одевались в черные балахоны, а еще они продевали в носы целые связки медной проволоки. Они с подозрением глядели на вооруженных до зубов незнакомцев, но Конан знал, что дело это обычное для всех крестьян в мире.

— Есть здесь поблизости какие-нибудь города? — спросил Конан, обращаясь ко всей банде.

— Точно, — сказал Убо. — У нас имеется время и малость деньжат, так давайте поищем место, где есть кое-что получше мрачных и грязных копальщиков, чтобы забрать у нас наше серебро!

— На юго-восток отсюда, — сказал Ауда, — в дневном переходе от реки есть город в оазисе, называется Зеленая Вода. Там сходятся несколько караванных путей. Городишко небольшой, но отличный базар и много таверн.

— Звучит вроде подходяще, — сказал Конан. — Город, живущий обслуживанием проезжих, — это то, что нам надо. Показывай дорогу, Ауда.

И вот вслед за Аудой банда, радостная и веселая в предвкушении удовольствий, поскакала на юго-восток.

Несколькими часами позже к переправе подъехала еще одна группа людей. Впереди здесь были гирканиец и человек из Кофа. Вскоре их догнали остальные, и среди них аквилонец.

— Они переправились здесь, атаман, — сказал Урдос. — Поскачем следом?

— Нет, мы возвращаемся в Шахпур, — сказал Беритус.

— Почему? — спросил шемит Барка. — Через день или два мы бы схватили их.

— Ну и что из того? У них нет с собой сокровищ, а именно это нам действительно нужно. Припасы у нас на исходе, а лошади чуть живы от бешеной скачки. За пять дней мы сможем пополнить запасы, сменить лошадей и вернуться сюда. Мы ехали медленно, потому

что шли по следу. Когда поскачем прямо и коротким путем, будет гораздо быстрее.

С этими словами он развернулся и поскакал назад, на север. Бросая взгляды в сторону ускользнувшей добычи, остальные последовали его примеру.

Жрецы собрались на тайный совет в крипте под алтарем Аримана. Трагтан и Шоск стояли над каменным гробом. Там возлежал багроволицый Никас, его тело, почти надвое разрубленное ударом меча Загобала, все еще было живо. Страшная рана сочилась кровью, а также какой-то непонятной жидкостью, но у пояса, где кончался огромный рубец, плоть, казалось, заживала.

— Каково наше положение? — спросил Никас призрачным голосом, его губы чуть шевелились.

— Неопределенное и опасное, — отозвался Трагтан. Капюшон его был откинут, обнажая лицо скорее змеиное, чем человеческое: желтоватая кожа, чешуя вокруг глаз и безгубый рот. Сами глаза были желтые, а зрачки представляли собой узкие прямоугольники, закругленные на концах. — В это время времен люди наружного мира играют в свои алчные похотливые игры. Они осквернили наш храм, внесли мирскую магию в саму нашу крипту, опрокинув хрупкое равновесие наших заклинаний. Мы стояли перед полным крахом.

— Серьезной ошибкой было позволить деспоту держать свое нечестивое злато в этом священном месте, — прошипел Шоск.

— Что мне оставалось делать? — потребовал ответа Трагтан. — Необходимо было позволить ему, дабы заручиться содействием этой продажной свиньи в строительстве храма Аримана. Я и подумать не мог, что Загобал использует храм как приманку для грабителей и учинит здесь кровопролитие, прежде чем мы будем готовы душами и кровью призвать нашего повелителя.

Он огляделся, его желтые глаза буравили окружающую мглу.

— Как поживает Умос? — прошептал Никас.

— Между мирами, — сказал Шоск. — Пребывая ни в мире нашего повелителя, ни в этом.

Трагтан и Шоск подошли к одной из стен, той самой, у которой бандиты заставили встать своих заложников. Она была абсолютно черна, чернотой не просто как отсутствием света, но будто бы всосавшей в себя весь цвет и свет. Поверхность была почти ровной, лишь с какими-то отклонениями в некоторых местах. При ближайшем рассмотрении в них можно было распознать человеческие лица, искаженные ужасом и страданием. Большая неровность имела очертания мужчины. Это казалось горельефом, вырезанной в камне человеческой фигурой, но более пристальный взгляд обнаруживал картину куда ужаснее: будто бы человек пытался проникнуть сквозь черную пелену в реальный мир. И лицо это принадлежало жрецу Умосу.

— Умос, способен ты слышать нас? — позвал Трагтан.

Долго не было никакого ответа, наконец, будто издалека, донеслись слова.

— Я слышу тебя, брат! — молвил далекий стенающий голос. — Наш темный повелитель пожирает свои жертвы, жалких смертных, заброшенных сюда вместе со мною. Он алчет все больше. Вытащите меня отсюда или найдите ему других, дабы он мог утолить свой голод их душами.

— Дело плохо, — сказал Шоск. — Время не наступило. Следовало еще приблизить нашего господина к земному алтарю, прежде чем вскармливать его душами жертв. Он

становится сильнее, он приближается к могуществу, и у нас нет времени дождаться нужного расположения звезд и планет, до того как исполнить обряды, сбросить заклятья и вернуть его в надлежащее самопознание. — Слова вылетали сплошной, панической скороговоркой. Он повернулся к Трагтану, и ужас сверкнул в его глазах. — Трагтан, — говорил он, — мы можем впустить в этот мир вещь столь же неразумную, сколь всемогущую.

— А так ли это плохо? — сказал змееподобный жрец.

— Что могут значить твои слова? — спросил Шоск.

— Разве дети мы — ощущать и постигать нашего бога, словно любящего отца? Великий Ариман — господин разорения и разрушитель миров. Даже ничтожный культ Ормазда признает, что Ариман должен выполнить свой акт полного уничтожения, чтобы добрый Ормазд мог возродить мир сияющим и великолепным. Нам известно, что разрушение — это предел всего. Разрушение — триумф Аримана!

— Но разрушение должно длиться веками, — протестовал Шоск. — А магией того колдуна внимание нашего господина было притянуто, будто железо магнитом. Он принял в жертву смертных, прижатых к стене. Теперь… — Голос жреца задрожал. — Теперь и мы можем быть уничтожены точно так же!

— Если на то будут воля и чаянье Аримана, — провозгласил Трагтан, — пусть будет так!

Глава седьмая

Бандиты поднялись на гряду низких холмов и поскакали по грунтовой дороге в сторону города, что лежал в окружении фруктовых садов на берегу питаемого родниками озера. Низкие стены, теперь полуразрушенные, когда-то были весьма внушительны. Несомненно, это был значительный город… давным-давно. А теперь лишь приятная остановка на пути караванов. В загоне у деревьев наслаждались тенью и водой верблюды, лошади, мулы и прочий скот, пока хозяева их вершили дела и бражничали в городе.

Предвкушая разнообразные удовольствия, бандиты загорланили победную песнь. Но голоса спотыкались один за другим, и песня заглохла, когда все сообразили: что-то не так в представшей перед ними восхитительной картине.

— Что это? — показал Осман. — Это же не караван.

Разбойники остановились при виде огороженного места, где ровными рядами стояли, привязанные к столбам, более ста лошадей. Животных охраняла группа людей, и солнце сверкало на их отполированных до блеска шлемах, на остриях их копий, на круглых щитах.

— Военный дозор, клянусь Сетом! — воскликнул Убо. — Неужели Загобал опередил нас?

— Даже отсюда видно, что форма у них не та, — возразил Конан. — И вообще не туранская. Должно быть, это дозор иранистанского войска, возможно, конвой губернатора.

— Чертовски сильный дозор, — сказал Чемик. — Там же половина кавалерийского фланга. И смотрите туда!

К другому краю города приближалась линия всадников под колышущимися знаменами. Они скрылись за стенами.

— Должно быть, с другой стороны такой же лагерь, — предположила Лейла. — Все это место занято войсками.

— Что нам теперь делать, атаман? — спросил Осман.

— Кого-нибудь из вас разыскивают на этой земле? — осведомился Конан.

Пожимая плечами и разводя руками, разбойники поглядывали друг на друга.

— Похоже, здесь веревка по нам не плачет, — заключил Убо.

— Тогда скачем туда, будто маленькие, невинные барашки. На купцов мы не тянем, так что, если кто-нибудь спросит, скажемся наемниками в поисках работы, а я ваш командир.

— Какого рода наемники? — спросил Осман.

— Нерегулярная кавалерия, — объяснил ему Конан.

— Ну, они поверят вам, — заявила Лейла. — Более нерегулярной кавалерии ни за что не сыскать.

— Раз мы наемники, — сказал Убо, — тогда кто же она? — Он мотнул головой в сторону Лейлы.

Конан ухмыльнулся во весь рот:

— Кто-кто, моя хозяюшка. Командирам дозволено.

Со смехом и гиканьем они поскакали к городу.

— Я сыграю свою роль на публике, но не наедине, киммериец, — объявила Лейла к еще пущему оживлению головорезов.

Прежде всего они подъехали к озеру, спешились, дали попить лошадям, прогуляли их и напоили вновь. Недалеко располагалась каменная купальня. Там женщины и юные девушки,

облаченные лишь в тонкие сорочки, стирали белье: замачивали и терли его в каменных бадьях, а затем кидали на длинные низкие каменные столы и отбивали плоскими деревянными лопатками. Несколько бандитов начали приближаться к купальне, но окрик Конана вернул их назад.

— Все они чьи-нибудь жены и дочери, — сказал он. — Мы собираемся пробыть здесь долгое время, и нам не нужны ссоры с горожанами. К вашим услугам в городе найдутся профессионалки. Пойдемте поищем, что смогут нам здесь предложить.

Они вновь оседлали коней и поскакали по мощеной дороге, окаймленной рядами высоких пальм. Дорога упиралась в пышные каменные ворота, гордо смотревшиеся на фоне куда более обветшалых стен. Въехав в ворота, они сразу услышали громкую музыку, доносившуюся откуда-то из центра городка.

— Это уже лучше, — сказал Конан. — Веселье в самом разгаре. Давайте-ка присоединимся!

Они двинулись по узким улочкам, привлекая к себе лишь праздные взгляды горожан. Незнакомцы, даже вооруженные до зубов, были здесь делом привычным, ибо только приезжими и кормился этот город.

Куда бы они ни взглянули, везде были солдаты: люди в остроконечных стальных шлемах с защищающими шею лаковыми пластинами, сплетенными между собою шелковистыми шнурами, одетые в подобные же короткие латы и обшитые сталью сапоги. Все кривоногие, они прогуливались покачивающейся походкой прирожденных кавалеристов. Доспехи их были отделаны шелком, окрашенным в яркие цвета, а вот лица солдат казались на редкость свирепыми и хищными. Большинство выглядело либо пьяными, либо всеми силами к тому стремящимися.

— Смотрятся так, что лучше с ними не связываться, — заметил Осман.

— Точно, — согласился Конан. — На этот раз у меня возникнут маленькие трудности, дабы убедить своих негодяев ступать полегче.

Подобно большинству городов, расположенных в бесплодных землях, Зеленая Вода был построен в форме неровного квадрата с просторной площадью в центре, что служила местом для рынка и где располагались правительственные учреждения, а также собирались местные жители и приезжие. Когда бандиты выехали на центральную площадь Зеленой Воды, они обнаружили ее куда величественней, чем можно было ожидать от столь ничтожного городка.

Она была не только обширна, но в центре ее находился прекрасный фонтан, чья главная струя высоко взлетала в воздух и падала вниз, заполняя широкий круглый резервуар, а оттуда бурно низвергалась в прямоугольный пруд, где резвились яркие разноцветные рыбки. На площадь выходило несколько таверн, каждая с прилегающим садиком, где можно было пить и закусывать, взирая на помосты с представляющими свое искусство плясуньями, извивающимися под звуки пронзительных флейт и грохочущих тамбуринов. Тут и там высокие стройные пальмы бросали тень на разноцветные плиты, коими была вымощена площадь.

— Выглядит более чем подходяще, — сказал Конан, ожидавший увидеть убогий городок, подобный многим, попадавшимся на его пути.

— Ну, — согласился Убо. — Я был бы счастлив, если бы не все эти солдаты.

На северной стороне площади Конан обнаружил большое общественное здание, над которым развевалось знамя короля Иранистана, а рядом на шесте пониже, — флаг, где на черном поле смотрели друг на друга два алых вздыбленных льва. Вдоль всего выходящего на

площадь фасада здания тянулся широкий портик под черепичной крышей, подпираемой колоннами с обвивающими их вырезанными в камне стеблями плюща, раскрашенными в естественные цвета. Вокруг стола, что находился на этой веранде, сидело два десятка мужчин, выглядящих воинскими командирами в своих серебреных или золоченых доспехах.

— Давайте поищем место, насколько возможно далекое от вон тех вот, — предложил Осман.

— Читаешь мои мысли, — сказал Конан.

Они поехали вкруг площади, пока не достигли таверны, самой далекой от месторасположения офицеров. Здесь они привязали коней и нашли место за длинным столом. Подозвав служанку, Конан распорядился принести всем еды и вина. Рядом с ними на помосте танцевало несколько женщин, кружащихся в сложных, замысловатых движениях средь множества развевающихся покрывал.

Они были ярко и пышно одеты, а руки их были унизаны браслетами. Их покрывала и головные платки окаймляли темные лица с черными глазами, носы сверкали драгоценными блестками, соединенными с вычурными ушными кольцами крошечными золотыми цепочками.

— Для настоящих плясуний на этих бабах слишком много одежд, — недовольно проворчал один из бандитов.

— Несомненно, в глубине аллей ты отыщешь заведения со зрелищами, более угодными твоему сердцу, — сказал Конан.

— Точно, — подтвердил Ауда. — В нескольких домах отсюда я заметил святилища бога похоти.

— Похоже, прежде всего тебе необходима баня, — посоветовала Лейла. — Есть некоторые вещи, с которыми не смирится даже самая падшая женщина.

— Да, — признал одноглазый Убо, покручивая кончики своих усов. — Еще неплохо бы найти цирюльника, способного вернуть мне надлежащую привлекательность.

— Это за пределами могущества самого лучшего брадобрея, — сообщил ему Чемик. — Возможно, наш колдун сможет помочь.

— Только всех ослепив, ничто другое не поможет, — сказал Осман.

Весь стол разразился хохотом.

Конана беспокоили куда более серьезные вещи. Он нагнулся, дабы обратиться к солидному по виду мужчине, сидевшему с компанией за смежным столом.

— Простите, господин, но мы чужестранцы и только что прибыли сюда. Не житель ли ты этого чудесного города?

— Так и есть, — ответил мужчина. — Я Ушор, торговец специями, а это полноправные члены моей гильдии.

И он обвел рукой прочих сидящих за столом, таких же представительных мужей, учтиво склонивших головы.

— Тогда, вероятно, ты сможешь поведать нам, что это за солдаты. Нет ли войны в этой приграничной земле?

— А, это кавалерия генерала Кэтчки, командующего северной армией. Здесь они, дабы защитить нас от мятежников, что наводнили округу в последние годы.

— А вы нуждаетесь в защите от этих мятежников? — спросил Конан.

— Ну конечно! Их неповиновение возмутительно, а мы здесь все — законопослушные подданные короля. — Эти слова, во всеуслышанье произнесенные Ушором, сопровождались

им самим и его компаньонами бесконечно циничными усмешками.

— Понятно, — заверил его Конан.

— Что это значит? — спросила Лейла, когда им принесли кувшины и блюда.

— Возможно, это значит, что нам повезло, — сказал Конан. — Если этот генерал просто преследует мятежников, вряд ли он обратит слишком много внимания на нескольких чужеземцев. С точки зрения короля, горсть доморощенных бунтовщиков — проблема поважнее целой иностранной армии. Войско это, похоже, утверждает королевскую власть на местах, где ее давным-давно не видели, и нет сомнения, что их генерал собирает тут не уплаченные за несколько лет пошлины.

— В дела королей и генералов ты посвящен куда лучше, чем я могла бы поверить, — сказала она, взяв шампур с густо приправленным специями мясом и изящно обгладывая его.

— Я не всегда бандит, — объяснил он. — Я служил командиром во многих армиях.

— Я должен навести справки, — сказал Волволикус, — нет ли в этих местах кого-либо, практикующего мое ремесло.

— Разве ты не можешь, ну… — Осман попытался подобрать нужное слово. — …не можешь чувствовать присутствие другого чародея?

Волволикус бросил на него насмешливый взгляд:

— Где ты набрался таких идей о способностях чародеев? Разумеется, я не могу ничего такого чувствовать. Вот если бы я оказался в центре чар в опекаемом мною месте, я бы тут же обнаружил ауру другого мага, творящего свои действа, но и только тогда.

— И всего-навсего? — проговорил Осман, глядя весьма разочарованно.

— Что ты будешь делать, если найдешь такого? — спросил Конан.

— Всегда приятно обменяться мыслями с коллегой, — сказал Волволикус.

Это показалось Конану странным, ведь, судя по его опыту, колдуны — племя отшельников, предпочитают одиночество, отличаются взаимной нетерпимостью и ревниво оберегают свои тайны. И если этот такой общительный, то почему живет глубоко в пустыне и ограничивается компанией только лишь своей дочери? В свои юные годы порывистый киммериец мог потребовать объяснений, но время и опыт научили его, что чаще, оказывается, лучше держать свои подозрения при себе, пока обстоятельства не прояснятся сами собой.

Разбойники мирно завершили трапезу, и началась серьезная пьянка. Кувшин ходил по кругу, когда у стола появился человек в офицерском наряде. Он был высок, сухощав и чуть более утончен в сравнении с обычной хищнической солдатской оболочкой.

— Я капитан Махак, — представился мужчина, слегка поклонившись. — Могу я приветствовать старшего в вашей компании?

Язык Иранистана был очень схож с туранским, и Конан без труда следил за словами говорящего.

— Я командир этого отряда, — сообщил он.

— Мой командующий, прославленный генерал Кэтчка, был бы чрезвычайно рад видеть тебя за своим столом, господин.

Церемонная речь капитана никоим образом не уменьшала обязательности исполнения приказа.

— Почту за честь, — сказал Конан, вставая. Затем, обращаясь к своим людям, добавил: — Не беспокойтесь.

— Удачно, не правда ли? — сказала Лейла.

— Нет повода для тревоги, — уверил ее Конан. — Совершенно нормально для командира насторожиться при виде отряда вооруженных людей на своей территории. Я бы почел необычным, если бы он не позвал меня раньше или позже. Но, похоже, этот генерал Кэтчка не из тех, кто теряет время даром.

Киммериец зашагал вслед за капитаном Махаком. Когда они пересекали площадь, порывом пустынного ветра туча охлаждающих брызг оказалась на их пути. Тот, кто установил здесь этот фонтан, подумал Конан, одарил город милостью, превышающей всякое вознаграждение. Неудивительно, что генерал выбрал это место для своей штаб-квартиры.

Они поднялись по лестнице и обнаружили полный стол уже порядком набравшихся офицеров, однако те производили впечатление матерых профессионалов, одинаково опасных и умелых при любой степени опьянения. Во главе стола сидел мужчина, казавшийся на первый взгляд жирным, но при более пристальном рассмотрении обнаруживалось, что он просто дюжий, как винный бочонок, и обманчивая оболочка скрывает железные мускулы. Он носил кольчужную безрукавку, плоские кольца были обшиты золотом с вырезанными охранными заговорами. Он указал на табурет по соседству со своим креслом.

— Садись, чужестранец. Выпей чего-нибудь. — Голос был низкий и хриплый.

Конан сел и поднял кубок чеканного серебра:

— Здоровье твоего превосходительства.

Кэтчка поднял свой кубок:

— И твое. — Оба выпили, затем генерал продолжил: — Ты и твой маленький отряд привлекли мое внимание сразу по въезде в город. Я тут же пожелал побеседовать с тобой, но вы показались мне уставшими после долгой скачки, и я решил, что лучше будет сперва позволить вам подкрепиться.

Тяжелый винный дух был способен свалить с ног, но слова генерала оказались достаточно ясны.

— Я высоко ценю твою учтивость, — сказал Конан. — Чем могу служить?

По другую сторону от киммерийца сидел высокий, пышно одетый мужчина с узким, скуластым лицом и резко очерченным носом.

— Я визирь Акба, — вступил он в разговор, — военный губернатор его величества в северном округе. Мы с генералом немного поспорили в отношении твоего отряда. Могу я узнать твое имя?

— Я Конан из Киммерии.

— Киммерия? — переспросил Кэтчка. — Где это?

— Это страна далекого севера, — объяснил визирь, — еще дальше Аквилонии. Я никогда не сталкивался с представителями твоего народа. Как ты забрался столь далеко на юг?

— Я командир отряда наемников. На севере сейчас не много войн. Я со своими людьми ищу спокойное, мирное место, где бы мы смогли потратить наше жалованье и подождать новых возможностей для нашего ремесла.

— Позволь заметить старому солдату, — сказал Кэтчка, — что твои люди обнаруживают весьма мало дисциплины, принятой среди профессиональных солдат.

— Это нерегулярное войско, — ответил Конан.

— Нерегулярное. Понимаю, — сказал визирь, ухмыляясь, будто бы все оценили шутку.

— Пока вы не будете причинять здесь беспокойств, — сказал Кэтчка, — вы можете оставаться сколь угодно долго, покуда это относится ко мне. Что же касается горожан, то они

будут оказывать вам гостеприимство, пока не кончатся ваши деньги.

— К этому я привык, — сказал Конан.

— Не сомневаюсь, что в этих краях у вас нет никаких дел с бунтовщиками, — проговорил Акба.

— До сего часа мы даже не слышали о них, — уверил его Конан. — Меня не интересуют чужие войны, за исключением тех, на которые я нанимаюсь. А судя по моему опыту, мятежники редко обладают деньгами, чтобы платить профессиональным воякам.

— Это хорошо, что ты мыслишь подобным образом, — сказал Кэтчка, вновь наполняя кубок гостя. — Продолжай в том же духе, и мы останемся друзьями.

— Кто эти мятежники? — спросил Конан. — Меня не интересуют их побуждения, ведь мы пересекли Ильбарс только вчера, и, пока не увидели этот город, нам попадались только деревни и мужики с кислыми рожами. Но раз уж здесь война, я бы хотел знать, кто с кем дерется.

— Это мудро, — сказал визирь. — Тогда знай, что Его Безмятежное Величество Ксаркас Девятый занимает свой совершенный трон милостью повелителя нашего Митры уже семнадцать лет. — Придворный выговаривал тираду с таким выражением, будто это было обязательное вступление к любым речениям, относящимся к королю. — По его вступлению во царство, в соответствии с обычаем, учрежденным шесть столетий назад основателем династии Джарисом Величайшим, он удавил всех своих братьев, дабы не возникало споров о наследовании и мир воцарился по всей этой земле. Это жестокий закон, но мудрый и справедливый. Смерть нескольких лишних принцев лучше, чем разорение всего народа в междоусобной войне.

— Это широко применяемый обычай, — подтвердил Конан, — хотя до сих пор я никогда не посещал страны, где он был бы освящен законом.

— Джарис Величайший был человеком дальновидным и проницательным, — сказал визирь, — и он утверждал, что ничто не может быть более чрезмерным, чем чрезмерность королевской семьи.

— Не берусь с ним спорить, — проговорил Конан.

— Иногда принц уходит из поля зрения, — сказал Кэтчка. — На этот раз наложница скрыла тот факт, что у нее есть ребенок. Она втайне произвела на свет звереныша, и рос он у ее родичей, здесь, на севере. Теперь, когда юноша вырос достаточно, чтобы возглавить их, семейство его матери объявило его истинным наследником и подняло бунт.

Конан застыл, не донеся кубка до рта.

— Сын наложницы? Его принимают всерьез?

— Возможно, наш закон отличен от привычных тебе, — сказал визирь. — Наследником является сын предшествующего короля от законной жены или наложницы. Вот и все. Всех принцев королевской крови обучают военному делу и управлению государством, как если бы каждый являлся единственным наследником. До неизбежной кончины короля… — Он пожал плечами, показывая самоочевидность дальнейшего.

— Когда победитель в сваре забирает все и самый безжалостный наследует трон, — закончил за него Конан. — Снова Джарис Величайший?

— Именно так, — подтвердил Акба. — Но я должен подчеркнуть, что Джарис Величайший ценил ум так же высоко, как отвагу, и победителем чаще всего оказывался тот сын, который первым накладывал руку на королевскую сокровищницу. А это требует незаурядного искусства.

— Да, это преданность солдат, которые и решают, кто будет королем, — сказал Конан. — И не только мы, наемники, верны прежде всего тому, кто платит.

— Все это верно, — согласился визирь. — В любом случае знай, что в этом округе есть бунтовщики. Мятеж невелик, и мы без труда подавим его. Но земля здесь обширна, и у взбунтовавшихся псов есть много укрытий и крепостей, а мы должны выжать всех их оттуда, дабы сокрушить гадину. Не ошибись, позволив им вовлечь себя в это дело.

Конан выбрал способ получше уверений в своей дружбе или лояльности. Он просто пожал плечами:

— Раз они бедны, мне с ними делать нечего.

— Ну и прекрасно, — сказал Кэтчка. Он подвинул к киммерийцу блюдо обвалянных в меду сладостей. — Попробуй. Они здесь особенные.

Конан откусил кусочек. И в самом деле, вкус был восхитительный. Медовая оболочка скрывала рубленые орехи и финики в нежнейшем тесте. Киммериец понимал, что касательно мятежа эти двое многое оставили недосказанным, понимал и то, что будет куда безопасней справиться об этих упущениях у кого-нибудь другого.

— Кто знает, — проговорил визирь, — весьма возможно, что нам самим понадобятся ваши услуги.

Что-то в его тоне весьма насторожило Конана.

— Я видел за стенами города лагеря его превосходительства и солдат здесь, внутри. Кони великолепны и содержатся в наилучшем боевом порядке. Люди глядят ястребами. Как можно использовать мой маленький отряд, сильно потрепанный в последней кампании? Мы даже не знаем этой местности.

— Чему быть, того не миновать, — сказал Акба с видом мудреца, провозглашающего древние истины. — Возможно, здесь, на севере, у нас найдутся дела и помимо охоты за бунтовщиками, и дела эти потребуют услуг специалиста.

— Сейчас мои люди довольны тем, что могут беззаботно спускать свою плату, — сказал Конан, встревоженный этими намеками.

— Пускай себе наслаждаются, — сказал Кэтчка. — Их золота здесь надолго не хватит, если они будут тратить его, как мои всадники тратят свое. — Генерал погладил свои усы. — С вами была хорошенькая женщина, когда вы прискакали сюда. Нет сомнения, что она не состоит в твоем отряде.

— Она моя хозяйка. Среди нашего брата старшим командирам позволено брать с собой жен.

Могли возникнуть трудности, пожелай генерал эту женщину себе.

— У тебя отличный вкус, если остальное у нее под стать личику.

Его интерес, к большому облегчению Конана, казался невелик.

— А что за старик ехал рядом с ней? Он выглядит скорей ученым, нежели солдатом. — Генерал, по сравнению с визирем, был груб и неотесан, но тоже казался проницательным.

— Тот человек — это чародей по имени Волволикус, — сообщил Конан, не видя особой выгоды во лжи.

— Чародей! — воскликнул Акба. — Как подобный оказался среди банди… то есть среди наемников?

Конан был уверен, что визирь обмолвился намеренно.

— Некая операция во время нашего последнего дела потребовала его мастерства. Он решил ненадолго остаться с нами, прежде чем вернуться к себе домой.

— У тебя интересный отряд, киммериец, — заявил Акба. — Наслаждайся стоянкой в Зеленой Воде. Разумеется, прежде чем отправиться в какую-нибудь поездку, сообщи нам заблаговременно. Провинция сейчас на военном положении, и никто не может свободно передвигаться, как в обычное время.

Поняв эти слова как предложение удалиться, Конан встал:

— Конечно, так я и поступлю. Как бы то ни было, думаю, основные усилия мне придется потратить на то, чтобы вытаскивать моих пьяниц из кабаков и борделей и разнимать их драки.

— Смотри, чтобы они не сталкивались с моими людьми, — предостерег Кэтчка. — У меня железная дисциплина, но когда мои парни ссорятся с гражданскими, я всегда на их стороне, разве что они прирежут кого-нибудь высокородного.

— Постараюсь внушить им это, — сказал Конан. — Доброго вечера, господа.

Конан возвращался через площадь среди мальчишек, устанавливающих факелы, ибо солнце опускалось все ниже, и темнота с поразительной быстротой воцарилась над городом, когда огненный шар скрылся за горизонтом. Барабан и арфа сменили флейту и тамбурин, а новые плясуньи были куда менее степенны. Купцы свернули свои навесы и упаковали товары, вечером базарная площадь целиком отдавалась на откуп зрелищам.

Большинство остановившихся в городе были караванщиками из пустынь, но Конан увидел и несколько купцов из далеких стран: темных торговцев из Черных Королевств, одетых в белые халаты и не расстающихся с длинными стальными копьями; низеньких и толстых вендийцев в ярких тюрбанах; даже небольшую компанию далеких кхитайцев с длинными, заплетенными в косички волосами и в разноцветных шелковых одеяниях. Вожаком у них был беловолосый мужчина, чьи четырехдюймовые ногти были заключены в золотые футляры, усеянные драгоценными камнями.

— Достаточно ли вы трезвы, чтобы услышать мои слова? — спросил Конан, заняв свое прежнее место за столом.

— Во имя Сета, командир, мы лишь слегка утолили жажду, — запротестовал Убо. — Дай нам время хотя бы до полуночи, чтобы напиться по-настоящему.

— Тогда слушайте меня внимательно. Наши жизни, возможно, зависят от нашего здесь поведения.

Он кратко обрисовал ситуацию, поведав о генерале Кэтчке, визире Акбе и бунте на севере страны, а также о предупреждениях этих грозных мужей.

— Клянусь Азурой, — проворчал Мамос-хорайанин. — Мы лишь искали спокойное местечко покутить вволю. Какое нам дело до забот этих парней?

— Что значат все эти слова о нужде в наших услугах? — беспокойно спросил Осман.

— Этого я не знаю, — ответил Конан. — Но я полагаю, нам лучше всего держаться подальше от их забот. С другой стороны, самоубийством было бы отказать наотрез. Тогда мы должны решить, успеем ли добежать до границы, прежде чем они догонят нас.

— Это прекрасно экипированная конница, — сказал Ауда. — Те из нас, у кого лошади из Загобаловых конюшен, может, и добегут, но даже это сомнительно, ведь у нас нет скакунов для замены.

— Мы должны быть предельно осмотрительны, — подчеркнул Конан. — Не давайте им повода для ссоры и постарайтесь вообще не привлекать их внимания.

— Будем как невинные птенчики, атаман, — воскликнул Мамос.

— Конечно, — почти беззвучно пробормотала Лейла. — Вечно бездельничать и ждать,

пока кто-нибудь подберет червячка и засунет тебе в глотку.

— Считай, что так, — сказал Конан. — Если солдаты будут грубы, смиренно улыбайся и строй хорошую рожу. Драться вам нельзя, ибо все они под защитой генерала.

— Пусть хоть матушку мою оскорбляют, — заявил Осман, — что произвела меня на свет, а затем выбрала самую прекрасную, самую мягкую и благоухающую навозную кучу в Шангаре, чтобы бросить меня там. Да услышь я, как с губ их срывается вопрос о ее добродетели, я лишь кротко улыбнусь, поклонюсь и проследую дальше.

Все остальные подобным же манером поклялись в безупречном поведении. Конан знал, насколько пусты эти уверения. Эти люди были способны контролировать себя еще менее, чем капризные младенцы. Он был бы рад не потерять нескольких еще до исхода ночи.

— Я за зрелищами поживее этих! — воскликнул, поднимаясь из-за стола, Чемик. — Кто со мной? — Большинство пылко поддержало его и вскочило с мест. — Он повернулся к Конану: — А что ты, атаман?

— Нет, я подожду здесь. Генерал не сводит с нас глаз, и не следует сохранять здравый рассудок. Остальные могут идти. Поаккуратней со своими деньгами. Нам может не хватить этого мешка серебра на весь месяц. В караванных городах цены всегда высоки.

— Что с того? — удивился Мамос. — Когда деньги уплывают, ты воруешь еще.

— Не здесь, — прорычал Конан.

Разбойники с веселым ревом отправились на поиски городских улиц, пользующихся самой дурной репутацией.

— Несомненно, ты не считаешь, — проговорила Лейла, когда они скрылись, — что генерал поведал тебе все об этом восстании.

— Разумеется, нет, — сказал Конан. — Ты что, за дурака меня держишь?

— Подожду судить об этом. Не понимаю, как это королевский бастард может надеяться отобрать трон у того, кто занимает его уже семнадцать лет?

— Возможно, он просто хочет воцариться в независимой провинции, — предположил Конан. — Это обычный путь восставших аристократов. Еще вернее, раз он так молод, что его старшие родственники желают посадить его на здешний трон и управлять через него.

— Ты человек от мира сего, Конан, — заметил Волволикус. — И достаточно мудр, чтобы не обжечь себе пальцы в этом деле.

— Будь у меня отряд настоящих наемников, — сказал Конан, — я мог бы принять чью-нибудь сторону, ибо в такой ситуации можно половить рыбку. Но требуется хотя бы сотня закаленных профессионалов, отлично вооруженных и с хорошими лошадьми. Что я могу сделать с этой бандой шакалов?

Волволикус казался смущенным.

— Думаю, мне следует пойти и поискать своих товарищей по ремеслу, если, разумеется, здесь есть хоть кто-нибудь. Дочка, я договорюсь о ночлеге. Возможно, собрат-чародей разделит с нами свое жилище. Ты расположишься на постоялом дворе, Конан?

— Нет, места, где обслуживают караванщиков, скорей всего, кишат паразитами. Я разобью лагерь в оазисе, рядом с лошадьми. Ночь обещает быть прекрасной.

— Я составлю компанию нашему бравому атаману и отыщу тебя позже, — сообщила Лейла отцу.

— Тогда доброго вечера.

Оставив их наедине, Волволикус побрел прочь.

— Он доверчив, раз оставляет свою дочь с таким, как я, — заметил Конан.

— Возможно, он полагается на твое рыцарство, — сказала она, сразу же рассмеявшись нелепости подобного предположения. — Нет, варвар, он знает, что я в безопасности. Ни один мужчина не сможет наложить на меня лапу, пока я сама этого не захочу.

— И что будет, если ты не пожелаешь?

— Его сердце, возможно, не стукнет и пары десятков раз, пока он бьется в ужасной агонии. Недаром я дочь колдуна.

— Магия дает тебе нечестное преимущество, — проворчал Конан, наливая себе вина.

— Да, а твои огромные размеры и вздувающиеся мускулы не дают? — Она взяла себе чашу. — Скажи мне, варвар, как случилось, что такой воин, как ты, живет, будто заморенный бандюга, в южном Туране или даже в Иранистане?

— Военная служба — всегда дело случая, — ответил Конан. — Иногда ты занимаешь не ту сторону и теряешь все в единственной битве, или твой наниматель решит уклониться от платы, вероломно напав на собственных наемников через минуту после окончания войны. Но чаще всего губит нас мир. Последний год, даже дольше, все западные короли и их вассалы покоятся в мире, приходя в себя после недавней вереницы войн. Солдат без работы, если ему некуда вернуться, — это разбойник. Вот так, в поисках доброй войны, я оказался в шайке бандитов и решил на какое-то время остаться с ними.

— Дело случая, как ты говоришь.

— Ну. Только есть здесь одно утешение.

— Какое же?

— Мир никогда не воцаряется надолго, — с ухмылкой поведал он. — Когда короли приходят в себя после войн, это лишь означает, что они готовятся к следующим. Мои услуги потребуются вновь, и очень скоро. А как случилось, что ты обитаешь в пустыне, довольствуясь только обществом своего отца?

— Что ж, я спросила о твоем прошлом, посему считаю справедливым твое желание узнать о моем. Я — единственное дитя Волволикуса, и это в обычаях Турана, когда дочь остается с овдовевшим отцом, пока он не решит, что ей пора вступать в брак.

Конан фыркнул:

— С каких это пор чародеи соблюдают обычаи своей земли?

— Ты достаточно видел моего отца, чтобы немного узнать его. Похож он на грозного повелителя темных сил?

— По мне, так он кажется скорее ученым, нежели колдуном, — признал Конан.

— Не следует его недооценивать. Но это правда, он не стремится призывать свирепых духов или обрушивать ужасные заклятия, хотя, как все маги высших рангов, он изучил все эти вещи. Большинство отцов выдают замуж своих дочерей ради богатства или другой выгоды. Мой отец в этом не нуждается. А я не жажду выйти замуж. Пока мне есть чему поучиться у своего отца.

— Он учит тебя чародейству? — спросил Конан, которому эта мысль не очень-то пришлась по душе.

— Я учусь у него. Он слишком привержен традициям, чтобы дать мне полное обучение, в котором я нуждаюсь, ведь за всю историю было всего несколько женщин-магов. Но когда пробьет час, он увидит, что должен уступить моим чаяниям. Есть вещи поважнее замужества с каким-нибудь назойливым оболтусом и выкармливания щенков.

— Все же, — заметил Конан, — той ночью в пруду оазиса твоего отца ты не казалась столь несклонной к мужскому обществу.

— Я и не говорила, что избегаю мужчин, — парировала она. — Я лишь не желаю становиться женою одного из них.

Они еще посидели, наслаждаясь вечерней прохладой. Когда зажгли факелы, движения плясуний замедлились, приобретя томность, и одежд у них поубавилось.

Перед самой полуночью на площадь вылетел всадник, припозднившиеся гуляки разлетались из-под копыт его коня. Человек выпрыгнул из седла прямо перед резиденцией губернатора и взбежал по ступеням, что-то вопя на ходу генералу Кэтчке. Командующий крикнул, и горнист издал серию пронзительных, беспорядочных звуков. Командиры побежали к своим лошадям, а из всевозможных увеселительных заведений повалили солдаты, устремляясь к городским воротам и лагерям, где стояли их кони. Отовсюду доносились проклятия, многие на ходу натягивали свою одежду, но двигались они со сноровкой людей, знающих, что жестокая порка — лучшее, на что они могут надеяться, если забудут свой долг.

Несколько минут вся площадь была наполнена криками офицеров и грохотом копыт волнующихся, вздыбленных коней. Затем они во главе с генералом Кэтчкой поскакали к главным воротам. Над городом воцарилась абсолютная тишь. Но сразу же плясуньи и музыканты возобновили свои усилия, а караванщики принялись болтать и смеяться куда громче, чем раньше. Казалось, всеобщее настроение подскочило, будто спал тяжелый, давящий гнет. Только кабатчики да шлюхи выглядели недовольными, ибо лишь им по душе была широкая натура солдат.

— В жизни не видела столько пьяниц в седле, — сказала Лейла. — Удивительно, что никто из них не был затоптан и не сломал шею.

— Они выглядят настоящими профессионалами, — сообщил ей Конан. — Они способны скакать и драться в еще худшем состоянии.

— Что произошло, как ты считаешь?

— Этот всадник прискакал откуда-то и поднял тревогу. Должно быть, мятежники напали на один из их аванпостов, и королевские солдаты поспешили на подмогу. — Он откинулся на скамье и потянулся. — Наконец-то я могу расслабиться. Этой ночью драк между моими людьми и солдатами не будет. Если повезет, вояки будут отсутствовать несколько дней, гоняясь за мятежниками.

— Но ты думаешь, они вернутся? — спросила она.

— Несомненно. — Он указал на знамя, что реяло над губернаторским домом вместе с флагом поменьше. — Это королевский штандарт, а рядом личные цвета генерала Кэтчки. Это его штаб-квартира, и ему не найти лучшего города за много дневных переходов отсюда. Они вернутся.

Глава восьмая

Волволикус слегка постучал в дверь, обитую толстыми досками, стянутыми выкованным затейливыми узорами железом. Дом стоял на узенькой улочке в северозападной части города. Как и прочие вокруг, он был двухэтажным, но, в отличие от других, над его плоской крышей еще более чем на четыре этажа возвышалась узкая башня. С обеих сторон к дому примыкали лавки, одна торговала маслом, другая свечами. Воздух благоухал от расположенной поблизости парфюмерной, а еще где-то совсем рядом играла лютня. Когда маг постучал в третий раз, некая древняя карга приоткрыла маленькое смотровое окошко в верхней части двери.

— Кто стучит в столь поздний час?

— Я, Волволикус, — сказал колдун. — Имя известно твоему хозяину.

Старуха заворчала и захлопнула маленькое оконце. Несколько минут спустя массивная дверь со скрипом отворилась, в проеме показался мужчина чуть помоложе своей служанки и поманил туранского колдуна внутрь.

— Волволикус? Ты действительно тот, кто собрал Верховный Сбор?

— Именно так, — подтвердил, входя, чародей. — Мир дому твоему и всем его обитателям.

— Мир и тебе, — скороговоркой пробормотал старик. — Затем: — Только вчера я узнал о твоем поступке. И вот почему: я был столь глубоко погружен в свои магические размышления, когда пришел вызов, что пропустил первую встречу. — Волволикус знал, что человек этот в своем ремесле далек от первого ранга и поэтому не был призван на Сбор. — Прости огрехи моих манер, но я никак не ожидал увидеть тебя здесь. Я — Эльма, чародей Зеленой Воды.

— Я понял, что найду здесь товарища по ремеслу, когда заметил твою башню.

— Да, в своих исследованиях я иду Путем Звезд и Воды. Но ты, несомненно, забрался далеко от своего жилища.

— Я живу всего в нескольких днях пути отсюда, — сказал Волволикус, — и некое дело привело меня сюда.

— Ты оказал честь моему дому, — сказал Эльма. — Голоден ли ты?

На этой земле даже колдуны соблюдали священные законы гостеприимства.

— Я как раз из караван-сарая, отведав тамошней еды со своими спутниками. Кстати, я могу задержаться в этом городе на несколько дней и ищу приют для себя и своей дочери.

Эльма поклонился:

— Ты оказываешь мне еще большую честь.

— Тогда я попрошу еще об одной вещи, и этот вопрос имеет куда более серьезное значение: этой ночью я вновь должен созвать Верховный Сбор.

Эльма разинул рот от изумления:

— Разумеется, ты можешь использовать мои скудные средства для воплощения подобного замысла. Насколько мне известно, никогда из этой части земли не исходил подобный призыв.

— За последнее тысячелетие не было и времен, подобных этим, — сказал Волволикус. — А сейчас, если ты позволишь, время перейти к делу.

— Пожалуйста, следуй за мной.

Эльма отдал своей карге распоряжения запереть дом и ожидать у дверей прибытия дочери своего гостя. Затем оба подошли к лестнице и начали подниматься. Два пролета вывели их к просторному саду на крыше. В пустынной ночи здесь царила приятная прохлада. На многих домах с плоскими крышами были разбиты подобные сады, где жители обычно встречались и вели беседы после захода солнца.

Эльма направился к башне и отпер ее единственную дверь ключом, пристегнутым к поясу. Отсюда наверх вела узкая винтовая лестница. Два мага поднялись и вышли на значительно меньшую террасу, откуда открывался вид на весь город, оазис и окружающую пустыню. На парапете здесь лежали бронзовые инструменты, а вокруг были расположены бесчисленные изваяния из металла, дерева и камня. В центре террасы находилась каменная чаша с кристально чистой водой. Края чаши были украшены затейливо вырезанными в камне человеческими и звериными фигурами.

Волволикус подошел к парапету и исследовал бронзовую подставку, что поддерживала гладкий, полированный кристалл размером с суповую тарелку. Глазом знатока он оценил и кристалл, и замысловато отделанную оправу. Кристалл был установлен в шарнирном гнезде, что позволяло вращать его под любым углом.

— Прекрасный звездный кристалл, — заметил Волволикус.

— И этой ночью он нам понадобится, — сказал Эльма, регулируя угол наклона. — Смотри, взошла Звезда Пса и с ней Великая Комета — самое могущественное соединение.

— Давай приступим, — сказал Волволикус.

Оба, скрестив ноги, уселись у чаши и устремили взоры на воду. Поверхность воды отражала звезды, а кристалл сфокусировал свет Звезды Пса в центр чаши. Постепенно вода ушла из их сознания, и они ощутили, будто парят среди этих звезд, которые, в свою очередь, менялись и перемещались, становясь в незнакомый строй и в конце концов образовав загадочный геометрический узор. А потом над каждой звездой появилась голова чародея. Теперь их было куда больше, чем раньше, в доме Волволикуса. Над звездой, что, казалось, сверхъестественным образом мерцает чернотой, возникло лицо Тот-Амона. Он первым подал голос:

— Вижу, что на этот раз ты притащил с собой колдуна, такого же ничтожного, как ты сам, — говорил он. — Совсем плохие настают времена, если великие свершения творятся столь мелкими магами.

— Придержи язык, стигиец, — холодно произнес Волволикус.

— Да, успокойся, — сказал Фенг-Юн из Кхитая. — Боги не выбирают свои орудия по капризу, и то, что изучающий наши искусства не погряз в черном грехе, как ты, вовсе не значит, что он недостоин занять место в высшем ранге среди нас.

Пока великий кхитайский маг выговаривал ему, стигиец весь кипел от гнева, но более ничего не сказал.

— Что произошло со времени твоего последнего сообщения, Волволикус? — спросил кхитаец. — Ты вошел в этот храм Аримана? Ты узрел его крипту?

— Я сделал это. Позвольте мне описать для вас события последних нескольких дней.

Используя тайный язык чародеев, коим можно сообщать куда больше, чем обычной речью, он выложил им свою историю, которую остальные встретили с восторженным вниманием.

— Возмутительно! — воскликнул немедиец, когда Волволикус закончил свое

повествование. — Величайшие, космические события принимают форму бандитской авантюры!

— Даже бессмертные боги, — сказал вендиец, — обнаруживают чувство юмора.

— Та крипта не была обычной брешью, — заявил пиктский чародей. — Воистину это пасть божества. Если те глупцы коснулись стен, не только они обречены на немыслимую смерть, нет, это будто дразнить голодного тигра крошечными кусочками мяса. Теперь он потребует больше и больше.

— Тот главарь твоей банды кажется дерзким малым, — молвил колдун из Куша.

— Кем он может быть?

— Это выдающийся северянин, варвар и авантюрист, — объяснил Волволикус. — Я представлю вам его образ.

Среди собравшихся медленно возникли голова и могучие плечи киммерийца.

— Тот мерзавец! — вскричал раскрашенный и утыканный перьями черный колдун. — Я знал его годы назад, когда он был пиратом Амрой!

И другие восклицали, что они тоже сталкивались с варваром.

— Ага, это более чем интересно, — сказал Фенг-Юн.

Его плотно сомкнутые глаза и рот были абсолютно неподвижны, однако лицо его непостижимым образом оживилось. — Это, должно быть, один из тех исключительных людей, что попирают мир. Ведомые роком, они лишь смутно сознают это, ни в грош не ставя величественные планы королей и чародеев. Известно, что подобные бросают вызов даже богам и живут потом, рассказывая об этом.

— Как Рустам Победитель богов! — воскликнул ужасный зингарец.

— Вот именно, — подтвердил кхитаец. — Таким был Ма-Тзу, в правление императора Лина, две тысячи лет назад. За этим же мы должны пристально наблюдать, ибо он может стать нашим инструментом спасения, но способен и причинить величайший вред.

— Какова ваша воля, господа мои? — спросил Волволикус.

— Ты должен держаться поближе к варвару, — сказал кхитаец. — Но тебе также необходимо вернуться в тот храм. Некоторые из нас направят туда свои стопы прямо сейчас, но все требует времени. Много преград лежит на наших путях, и я полагаю это зловещей работой Аримана. Сам бы я в один день смог оказаться там, имей я возможность призвать дракона, чтобы перенести меня, но он впервые за три сотни лет не внимает моему зову.

— Дело в том, что мы вскоре вернемся, — сказал Волволикус. — Разбойники собираются оставаться в этом городке полный оборот Луны, но мне известно, что это невозможно.

— Очень хорошо, — проговорил Фенг-Юн. — Остальные не имеют большого значения, но от тебя настоятельно требуется вернуться. Я полагаю, то же относится и к киммерийцу. Что до прочих, это простые смертные, и нам нет до них дела.

— Будет, как ты пожелаешь, господин, — сказал Волволикус.

— Сделаешь это, — добавил кхитаец, — и ты вступишь в Первый Круг. Потерпишь неудачу, и тебе уже не понадобится занимать какой-либо ранг среди подобных. Ибо это может оказаться концом света для каждого из нас.

— В Иранистане, так? — сказал Загобал, поглаживая бороду. — Неглупый ход, сознают они это или нет. Определенного рода бунт происходит в тамошней северной провинции, и нам категорически заказано пересекать реку.

Командир стражников и его люди расположились лагерем близ деревушки к югу от Шахпура. Они прочесывали всю местность под предлогом погони за ускользнувшими бандитами. Здесь Беритус обнаружил своего нанимателя и представил ему отчет о своих действиях.

— Ускользнуло их не более дюжины, — сообщил Беритус.

— И у них нет с собой казны?

— Во всяком случае, большей ее части, это несомненно. У них лишь усталые кони, на которых они скачут.

— Тогда возникает следующий вопрос: добрались ли они до сокровища и спрятали его? Или они по-прежнему ищут золото? Как далеко мог колдун закинуть такую массу?

Беритус пожал своими оголенными плечами:

— На этот вопрос у меня нет ответа. Мне не доводилось иметь дело с летающими сокровищами, да и с земными не особо.

Загобал задумался.

— Мог колдун отправить золото в потайное место в Иранистане? Это был бы сложный случай.

— Ты говоришь, что жилище мага недалеко отсюда? — спросил Беритус.

— Да, именно так.

— Не мог он отправить сокровища туда? А бегство в Иранистан — просто хитрость, чтобы избавиться от погони. Они могли вновь перейти реку в другом месте и вернуться в дом колдуна, чтобы поделить добычу.

— В этом есть смысл, — сказал Загобал. — Я дам тебе проводника. Отправляйся к жилищу Волволикуса и обшарь там все, затем доложи мне свои выводы. Но если ты обнаружишь сокровища, никому, кроме меня, ни слова.

— Как пожелаешь, командир. Нам нужны свежие лошади.

— Выбери среди наших запасных. Обращайся к моему интенданту за любым необходимым снаряжением и припасами. То, чего у него нет, — он указал на скопление домов поблизости, — возьмешь в деревне.

— А если крестьяне будут против? — спросил Беритус.

— Убей всякого, кто помешает тебе. Меня беспокоят дела поважнее жалких деревенщин.

Два часа спустя Беритус и его охотники за людьми уже отъехали от деревни верхом на свежих лошадях и снабженные всем необходимым. За собой они оставляли несколько зарубленных крестьян, одни из которых не пожелали расставаться со своим имуществом, а другие отказались предоставить банде убийц своих дочерей.

Вел их туранский кавалерист, коротышка с облегченным снаряжением разведчика верхом на резвом скакуне. Без устали они скакали по бесплодной равнине, лишь изредка останавливаясь, чтобы дать отдых животным. Уже ближе к ночи вдалеке перед ними предстал дом Волволикуса.

— Вот нужное место, — сообщил, указывая, проводник. — Мой командир приказал не сопровождать вас туда. Я останусь здесь до вашего возвращения.

— Вперед, — крикнул Беритус, направляя коня в маленькую долину, где у пруда стоял дом чародея.

Дым не поднимался от крыши, и нигде в поле зрения не было ни людей, ни животных. Но они знали, что тишина сия может быть обманчивой, ибо все они и сами не раз сидели в

укрытиях, не подавая при этом никаких признаков своего там пребывания. А потому двигались они с осторожностью.

Шемит Барка, чуть обогнав остальных, ехал, держа стрелу на тетиве. Он скакал босиком и, оставив стремена, цеплялся за седло скрюченными пальцами ног. Соблюдая предельную осторожность, он внимательно осматривал землю, его взгляд обшаривал каждый камень и каждый куст, где могла притаиться опасность. Ближе к водоему земля была усыпана сухими ветками с растущих вокруг кустов. Когда люди приблизились, ветки эти, казалось, заблестели и задрожали; конь Барки встал на дыбы, когда они обратились в клубок извивающихся, шипящих змей.

— Бел и Мардук! — вскричал шемит, пытаясь усмирить своего скакуна.

— Жилище колдуна под защитой волшебных чар! — В голосе Урдоса из Кофа был суеверный ужас.

— Это не опасно, — сказан Амбула. — Смотри, они вьются, как настоящие змеи, но не оставляют следов на песке. Следи за мной.

Человек из Пунта спешился и набрал полную горсть камешков. Оснастившись подобным образом, он бесстрашно подошел к скопищу гадов и начал кидать в них камни. И каждая змея, в которую он попадал, вновь обращалась в безобидный стебель.

— Это просто обман. Колдун в моей родной деревне тоже знает такой фокус.

— Я так и думал, — сказан Бахдур-гирканиец. — Но у моего коня другое мнение.

— Мы оставим лошадей здесь, — распорядился Беритус. — Даже если мы потратим время и уничтожим всех этих змей, животные тут же могут испугаться следующей иллюзии.

— Идти пешком? — переспросил Урдос. — Там могут быть враги.

— Сомневаюсь, — сказал Беритус. — Стал бы он докучать нам всеми этими ничтожными чарами, если бы сам был здесь с защищающими его разбойниками? Однако будьте начеку. Какие-то его штучки могут оказаться больше чем просто иллюзией. Змеи могли оказаться здесь просто для того, чтобы отбить охоту у местных верблюжатников пользоваться его водой. Сам дом, возможно, защищен понадежнее.

С оружием наготове они двинулись к дому. Люди с натянутыми луками ощупывали глазами верхушки пальм, а другие следили за домом и прилегающей территорией. Никто не забывал время от времени настороженно оглянуться. Эти люди знали о засадах — и тех, которые устраивали сами, и тех, которых избежали, — побольше, чем большинство профессиональных солдат, даже специально обученных. В двадцати шагах от места Беритус скомандовал остановиться.

— Амбула, Бахдур, обойдите дом.

Оба немедленно кинулись исполнять приказ, не сводя глаз со строения, с оружием, готовым немедленно поразить любого противника. Через две минуты они вернулись.

— Внутри никаких признаков жизни, — отрапортовал Бахдур. — Есть по окну с каждой стороны, еще два сзади, все закрыты ставнями. Дверь только здесь.

Он указал на деревянные двери, изрезанные магическими символами, в центральной части фасада, выходившего на пруд. Крыша была плоской, с чуть возвышающимся парапетом.

— Зайдем внутрь, атаман? — спросил Урдос.

— Пока нет. Амбула, залезь на дерево и взгляни на крышу.

Коричневый человек выбрал величественную пальму, что возвышалась в дюжине шагов от дома. Воткнув свое тонкое копье тупым концом в землю, он развернул чалму и обвил ствол широкой матерчатой полосой. Упершись в ствол своими мозолистыми ступнями, он

проворно, как белка, принялся карабкаться по дереву. Забравшись на нужную высоту, он исследовал плоскую крышу, сделанную из плетеного ивняка и залитую битумом.

— Ни людей, ни других тварей, — сообщил Амбула.

— Теперь можем идти, — сказал Беритус. Они двинулись к дому. — Углак, возьми свою булаву и выбей дверь.

Именуемый так головорез, дюжий аргосиец, взял наизготовку оружие, что нес на плече. Булава представляла собой стальную рукоять в три фута длиной, увенчанную сферой с толстыми треугольными шипами. Это оружие, предназначенное вдребезги разбивать латы и кости под ним, равным образом годилось и для пробивания дверей. Углак обрушил на вход мощный удар.

Но вместо того чтобы в щепки разбить дверь, булава будто наткнулась на стальную плиту. Она не отскочила, но застыла, а тот шип, что коснулся резного узора, вдруг вспыхнул красным. Сияние сразу распространилось по всей рукояти, и через мгновение Углак был охвачен сверкающей, извивающейся паутиной красного света. Он пронзительно завопил, когда, охваченная огнем и дымом, сгорела его одежда, а опаленная плоть почернела и покрылась пузырями. Последний вопль изошел из его горящих легких вместе с грязными, черными испарениями.

Через тридцать или сорок ударов сердца чудовищное красное пламя исчезло, и почерневший скелет Углака упал на землю перед дверью. А рядом ярко-оранжевая булава, постепенно остывая, темнела, меняя цвет на темно-красный. Охотники за людьми в изумлении застыли, онемев от ужаса. Беритус первым обрел дар речи.

— Что ж, похоже, этот путь для нас закрыт, — проговорил он.

— Ты, конечно, больше не предлагаешь пытаться проникнуть туда, — сказал Урдос. — Это уже не обманчивые призраки змей — чародей повелевает реальными силами! Давайте-ка держаться отсюда подальше!

Прочие горячо поддержали его.

— Нет, это унизит мое достоинство, позволить какому-то…

Его тирада резко оборвалась, ибо внезапно дверь со стуком распахнулась, и нечто огромное и волосатое вынырнуло оттуда, его желто-белые клыки исходили пеной. Не успел кто-либо пошевельнуться, как невероятно длинные лапы этого существа протянулись к охотникам, уродливые пальцы вцепились в шею одного из головорезов и притянули себе. Фантастические, лязгающие челюсти сомкнулись на его лице, размалывая мясо и кости, обнажая трепещущий мозг с одним глазным яблоком, жутким образом висящим на волокнистом нерве. В предсмертной судороге несчастный воткнул свой короткий меч в брюхо чудовищной бестии, кровь и внутренности выплеснулись наружу.

При виде крови охотники за людьми сбросили с себя оцепенение. Это было не сверхъестественное пламя, но живое существо, просто необычное. А они знали, как обходиться с живой плотью. Лучники пустили стрелы глубоко в шкуру чудовища, в то время как Амбула и другие с пиками воткнули в него свои острия. Человек с боевым топором обрушил свое оружие на череп существа и прикончил его — острие разрубило крошечный мозг.

Несколько ударов сердца они взирали на омерзительный труп. Обезьяноподобная туша с длинным волчьим рылом напоминала бабуина, но была в пять раз больше примата этой породы. Громкий хлопок заставил их повернуться к дому. Дверь захлопнулась вновь.

— Хватит этого, атаман, — сказал Урдос.

— Согласен, — ответил ему Беритус. — Возвращайтесь к коням, все. Не бегите, шагом. Будьте настороже. Этот колдун куда могущественней и умней, чем я думал. Возможно, он расставил ловушки и для спасающихся бегством.

Они рассыпались, и все же находились достаточно близко друг к другу, чтобы в случае чего прийти на помощь, но не настолько, чтобы стать единой легкой мишенью. Когда они шли мимо пруда, вода в центре водоема забурлила и вспенилась белыми хлопьями. Тонкие щупальца появились из воды и взметнулись в воздух, будто длинные плети. Сперва они шарили вслепую, а затем устремились к людям. Тут уж нервы охотников за людьми окончательно сдали, и негодяи, вопя от ужаса, побежали к своим коням.

Большинству это удалось, но оседлать напуганных, рвущихся лошадей — задача непростая, и один из охотников слишком долго справлялся с нею. Как раз когда он изловчился сунуть ногу в стремя, щупальце обвилось вокруг его тела и потащило его назад. Тут же и другие щупальца обвили его члены и оторвали его от земли. Некоторые из этих тонких лиан были усеяны сосочками, другие — короткими, кривыми зубцами. И каждое щупальце было увенчано зеленым глазом, подобным изумруду. Воющий от ужаса и боли охотник был утащен в пенящуюся воду. Туша этого существа была по-прежнему скрыта.

Люди не стали ждать возможности узреть, как выглядит все чудище, а предпочли пришпорить своих коней и пустить их во весь опор. Впрочем, шпоры не требовалось, ибо кони были напуганы еще больше людей. Крики постепенно затихли за ними, а они оставили много миль между собой и жилищем колдуна, прежде чем наконец замедлили бег.

— Отец? — воскликнула Лейла, увидев еле-еле бредущего Волволикуса. — Что-то случилось?

Она устремилась к нему и, взяв под руку, подвела к сиденью из верблюжей шкуры, натянутой на плетеный каркас. Они находились на базаре Зеленой Воды, на боковой улице, где между фасадами домов были натянуты тенты, дававшие тень прилавкам и коврам мелких торговцев, чьи товары загромождали все вокруг, оставляя лишь узкий проход посередине. По краям улицы падал мягкий свет, окрашенный разноцветными навесами, и только узкая полоса между ними ярко освещалась прямыми лучами солнца.

Конан, примерявший новый бурнус, при словах женщины обернулся:

— Что беспокоит тебя, маг?

— Ничего, это пройдет, — сказал Волволикус, упав на сиденье.

По знаку Лейлы Конан приблизился.

— Ведь это не жара причина твоей слабости, отец, — сказала она.

— Нет, — пробормотал он голосом столь слабым, что невозможно было расслышать. — Силы, что я оставил сторожить наш дом, пришли в движение. Когда это происходит, страхи забирают мою магическую энергию и на время истощают меня.

— Что это означает? — спросил Конан.

— Это значит, что кто-то пытался проникнуть в наш дом, — сказала Лейла.

— Да, я оставил там безобидные иллюзии, дабы пугать случайных посетителей, но это ерунда. Тот, кто пытался вломиться в дом, разбудил смертоносных стражников.

— Могли это быть грабители из пустыни? — предположил Конан.

— Грабители не так настойчивы. Эти же столь решительны, что пробудили не менее трех моих стражей. Пустынные грабители с визгом бросились бы и от первого.

— Значит, Загобал, — сказал Конан. — Или один из его поисковых отрядов.

Выходит, тебя опознали в городе.

— Возможно, и так, да только не требуется больших умственных усилий, чтобы указать на меня как на наиболее вероятного мага, унесшего сокровища. Мое могущество не секрет в округе, хотя я всегда стремлюсь к уединению. Что до налетчиков, то они своего не добились и не добьются.

С минуту Конан размышлял.

— Если Загобал думает, что сокровища в твоем доме, он вернется с осадными орудиями. Сможет твое жилище выдержать подобную атаку?

— Да, при необходимости. Сделай он такую попытку, огненные стихии сожгут его орудия, а тучи ядовитых мух из пустыни доведут его людей и коней до безумия. Все это произойдет много раньше, чем он приблизится к дому даже на расстояние полета стрелы.

Конан вновь задумался. Если этот человек не похваляется впустую, он куда более могущественный маг, чем показалось сначала. А киммериец сомневался, что слова колдуна были пустым бахвальством. У него уже была возможность убедиться, что слова свои маг подкрепляет делами.

— Доведенный до отчаяния Торгут-хан окажется в безвыходном положении, ибо король вскоре должен узнать о пропаже казны, если уже не узнал. Может ли он призвать колдуна более могущественного, чем ты, чтобы разрушить твои охранные чары?

Волволикус ответил ему холодным смешком:

— Так уж случилось, что все истинно могущественные маги заняты другими делами. Возможно, Торгут-хан вскоре будет искать их общества, но ни один не станет ему служить.

Конану нечего было сказать в ответ на эту загадочную тираду.

— Нам лучше вернуться в дом Эльмы, — сказала Лейла. — Тебе необходимо отдохнуть.

— Говорю тебе, со мной уже все в порядке, — возразил Волволикус, однако позволил дочери поднять себя на ноги. Склонившись к ее плечу, он поплелся к их временному пристанищу.

Конан смотрел им вслед, затем пожал плечами и вновь вернулся к своему бурнусу. Стук копыт заставил его обернуться к пересечению улицы с главной магистралью города, ведущей от ворот к центральной площади. Звон оружия и снаряжения сопровождал мчащихся всадников в полном боевом облачении. С уст варвара сорвалось проклятие. Генерал Кэтчка и его солдаты вернулись. Три дня Конан и его разбойники предавались беззаботным увеселениям. И произошел лишь один случай, способный привести к серьезным последствиям, когда один из его людей и какой-то караванщик уже вытащили кинжалы, а он решил, что лучше будет вырубить обоих. Теперь, похоже, беззаботные времена прошли.

В придачу ко всему его люди напропалую пьянствовали, таскались с девицами и, что хуже всего, с пугающей быстротой просаживали свои деньги с игроками. Никогда у Конана не было привычки копить богатство, и обычно он спускал свой куш так же легко, как любой из них, но на этот раз следовало быть поосмотрительней. Увы, негодяям этого не втолковать. Их серебро разлетится в несколько дней, а затем могут возникнуть трудности. И тогда они либо постараются украсть еще, что плохо, либо захотят вернуться за казной раньше времени, а это, возможно, куда хуже.

Тем вечером он встретил нескольких своих бандитов в таверне на площади. В этот час большинство его людей только вылезало из домов разврата, набитых блохами караван-сараев или лагеря в оазисе, где они продрыхли весь день. Убо и Чемик, что были постарше остальных, оказались и более сдержанны, предпочтя находиться в постоянном полупьяном

состоянии, причем в наименее буйных кабаках. Конан же, по сравнению с прочими, являл чудеса сдержанности, никогда не напиваясь до потери рассудка, играя только «по-маленькой» и отсыпаясь преимущественно по ночам. Воздержание сие было скорей вынужденным, нежели соответствовало его склонностям.

— Солдаты вернулись, — сказал Убо. — Я знал, хорошенького понемножку.

— Хотел бы я занять людей каким-нибудь делом, — сказал Конан.

— Делом? — переспросил Чемик, будто услышал это слово впервые. — Что это значит — «делом»? Пока у нас есть серебро, не может быть никаких дел, кроме как тратить его.

— В том-то и проблема, — сообщил Конан. — Если бы мы могли оставить город, возможно, устроить небольшой набег, то оградили бы людей от беды и протянули время. Я думаю о скорой стычке с этими вояками, это дорого нам обойдется.

— Здесь проходит много караванов, — предложил Убо. — Мы могли бы выбрать какой-нибудь с ценным товаром и малой охраной и, когда он тронется в путь, отправиться следом.

— Точно, — произнес Ауда, который подошел к ним, зевая и почесываясь. — Мы сможем несколько дней сидеть у них на хвосте, затем подальше от города напасть на караван, перебить свидетелей и смыться.

— Мы не можем привести сюда верблюдов, — сказал Убо. — Их могут опознать.

— Продадим в соседних деревнях, — посоветовал Ауда. — Если цена будет подходящей, никто не станет расспрашивать, откуда мы их взяли.

— Это мысль, — сказал Конан. — Все может пройти удачно, хотя мне не по душе заниматься мелким воровством, когда в укрытии нас ожидает огромная добыча.

Тут он увидел, что к ним приближается знакомое лицо. Остальные проследили за его взглядом.

— Этот хлыщ — капитан Махак, — произнес Убо, сплевывая зернышко граната на мозаичную мостовую. — Что на этот раз нужно генералову щенку?

— Он не щенок, — возразил Конан. — Скорее волк, так что будьте повежливее.

— Доброго тебе вечера, капитан Конан, — сказал Махак, с легчайшей насмешкой выговаривая военное звание. — Его превосходительство и визирь Акба мечтают об удовольствии лицезреть тебя за своим столом.

— Вновь мне оказана честь большая, чем я заслуживаю.

Конан встал, взял свой меч и пристегнул его к поясу. Вслед за капитаном он последовал через площадь и обнаружил Кэтчку сидящим на своем обычном месте. На этот раз генерал весело приветствовал Конана:

— Мое почтение, капитан! Добро пожаловать за мой стол. Надеюсь, ты еще не поел.

— Нет, — с поклоном ответил Конан.

— Тогда раздели нашу трапезу, — сказал визирь.

Киммериец без колебаний ухватил жареную индюшачью ногу, оторвал ее от дымящейся тушки, а затем обмакнул в острый, пикантный соус.

— Не сомневаюсь, что недавняя вылазка вашего превосходительства оказалась успешной?

Он откусил большой кусок мяса, затем запил его глотком сладкого финикового вина. Он не опасался быть отравленным человеком, что мог уничтожить его одним ленивым движением руки и ни перед кем не держал ответа.

— Все было вполне приемлемо, — сказал Кэтчка, хриплый голос будто доносился откуда-то из глубин его пуза. — Мы преследовали мятежников, схватили нескольких и

распяли их в назидание остальным. Но большинство переправилось через реку и засело в своей крепости.

— Через реку? — переспросил Конан. — Ты имеешь в виду Ильбарс?

— Это единственная значительная река во всей округе, — сказал визирь.

— Может ваш король обратиться к королю Турана с требованием выдать их? — спросил Конан.

— Так уж вышло, — объяснил визирь, — что земля, куда они сбежали, — это спорная территория.

— Как это? Я думал, Ильбарс — граница между Тураном и Иранистаном.

— Так и есть, — сказал визирь, — но границы, определяемые реками, иногда меняются. — Он окунул палец в вино и провел на столе волнистую линию. — Здесь Ильбарс. А здесь, — он изобразил широкую петлю, — земля, где стоит цитадель мятежников. Она вся на юге от реки, на территории Иранистана, включающей в себя землю внутри этой излучины. Затем, несколько лет тому назад, река разлилась. Поток залил узкий перешеек, и территория оказалась к северу от основного течения. Король Турана утверждает, что основное течение и является границей, так что земля эта теперь его. Наш король, естественно, утверждает противоположное: настоящей границей является извилина, что течет севернее, и земля по-прежнему его. Пока земля необитаема, за исключением коз и овец, эта перебранка может длиться из поколения в поколение. Но в данном случае возникло затруднительное положение. Его величество, будучи весьма осмотрительным монархом, приказал нам не пересекать реку даже здесь, ибо не желает спровоцировать войну с Тураном.

— Король Турана симпатизирует бунтовщикам? — спросил Конан.

— Естественно, сам он утверждает, что нет, — сказал Акба. — Так же как естественно, что симпатизирует, хотя мы не думаем, что он оказывает им сколь-нибудь значительную поддержку.

Конан недоумевал, зачем они рассказали ему все это. Впрочем, долго ему удивляться не пришлось.

— У его превосходительства есть для тебя предложение, — сказал визирь.

— Да, — сказал Кэтчка. — Поскольку ты со своими людьми — чужеземцы и не имеете отношения к трону Иранистана, вы сможете напасть на остров и захватить их оплот без всяких осложнений между двумя странами.

— Мне приятно, что вы считаете нас пригодными для такой задачи, — произнес Конан, — но мой отряд обескровлен. Несомненно, нам не подавить силу, что даже вам доставляет изрядные трудности.

— На нас напал их летучий отряд, а не основные силы, — проворчал Кэтчка.

— Действительно, там всего лишь горстка мятежников, — подтвердил визирь Акба. — Но мы и не просим тебя пойти и разбить их.

— Тогда чего же вы желаете?

— Мы хотим, чтобы вы присоединились к нам! — сказал Кэтчка и разразился хохотом, звучащим будто тигриный рык.

— Понимаю, — сказал Конан, слова генерала показались ему петлей, затягивающейся вокруг шеи. — Полагаю, тебе нужна информация об этих мятежниках, их численности и расположении, слабых местах укреплений.

— Нет, от всего этого нам толку мало, — сообщил генерал. — Я хочу, чтобы ты убил

вождя мятежников, посягающего на трон. Принеси мне его голову, и я заплачу тебе три тысячи унций чистейшего золота, которого хватит тебе и твоим головорезам на целый год беспробудного пьянства! — И снова послышался этот тигриный, кашляющий смех.

Пока генерал говорил, Конан судорожно искал выход, как бы не выдать себя колебанием и нерешительностью.

— Заметано! — вскричал он. — За три тысячи унций золота я пойду и прикончу самого туранского короля!

Услышав это, генерал и визирь от всей души рассмеялись и принялись хлопать по спине своего гостя. Генерал собственноручно наполнил кубок киммерийца.

— Известны вам имя и внешность посягателя? — осведомился Конан.

— Его зовут Идрис. Никто из нас не лицезрел юношу, но известно, что от роду ему шестнадцать лет. Если он и вправду королевский сын, то должен быть весьма невелик, с привлекательными чертами лица. Его мать была красоты неимоверной, иначе не стала бы королевской наложницей. Следовательно, можно предположить, что он красивый парень. Если они будут представлять какого-нибудь огромного, неуклюжего и уродливого малого как Идриса, знай, что это обман, которым надеются ввести в заблуждение наемных убийц. Ищи миловидного юношу, с чьим мнением считаются остальные, даже если он будет одет как попрошайка и отзываться на какое-нибудь другое имя.

— Меня им не одурачить, — уверил их Конан. — С такими штучками я встречался и раньше.

— Превосходно! — с лучезарной улыбкой подытожил визирь.

Он навалил на блюдо Конана засахаренных фруктов и велел подать вина из личных генеральских запасов.

Часом позже Конан вернулся к своему столу у таверны. К Убо, Чемику и Ауде присоединилась Лейла со своим отцом. Киммериец отцепил меч и вновь занял свое место, лицо его было мрачно.

— Вы с генералом, похоже, отлично поладили, — сказала Лейла. — Удивительно, что ты еще можешь ходить.

— Надо уметь сохранять разум, когда тебя усиленно потчуют крепким вином, — отозвался он. — А теперь послушайте меня все. Мы в смертельной опасности.

— Рассказывай, атаман, — сказал Убо.

Конан быстро обрисовал им суть предложения, сделанного Кэтчкой и Акбой. Когда он упомянул о золоте, глаза бандитов загорелись.

— Не только наемник и бандит, — проговорила Лейла, — но еще и наемный убийца! Я и не предполагала встретить человека столь разносторонних талантов.

— Не вижу, в чем проблема, атаман, — сказал Чемик. — Дело, возможно, слегка рискованное, но не более, чем налет на Шахпур. Три тысячи унций, риск стоит того.

— Точно, — сказал Ауда. — Не говоря уже об опасности при отказе.

Конан сплюнул на мостовую.

— Вы что, совсем дураки — думать, будто эта свинья в доспехах собирается заплатить нам три тысячи унций золота? Даже если мы добьемся успеха, он просто заберет голову парня и убьет нас всех, дабы скрыть свою трусость и вероломство. Затем он и этот лукавый придворный вернутся к королю, покажут ему голову и расскажут о грандиозной битве с мятежниками, в которой они захватили бесценный трофей. И они пожнут награды и титулы, а мы будем кормить шакалов в пустыне.

— Так, — проговорил Убо. — Я понимаю.

— Что же нам тогда делать? — спросил Чемик.

— Мы уезжаем, будто приняли предложение, — сказал Конан. — Затем скачем до самого острова, ибо Кэтчка способен послать своих псов следить за каждым нашим шагом. Я предлагаю проехать прямо рядом с крепостью мятежников и пересечь излучину реки с другой стороны.

— На туранские земли? — осведомился Волволикус. Казалось, он полностью оправился от дневной слабости. — Не рискуем ли мы тогда нарваться на дозоры Торгут-хана?

— Конечно, — ответил Конан, — но теперь я считаю это меньшим риском.

— Что ж, похоже, пока мы должны выполнять желания генерала, — сказал Волволикус.

На следующее утро Конан собрал остатки своей банды, поднимая некоторых с полов самых низкопробных кабаков, пинками и проклятиями заставляя их искать коней и снаряжение, седлать и садиться верхом. С хмурыми рожами, многие еле держась в седле, они выехали из города. На краю оазиса им встретился ожидавший их отряд кавалеристов.

— Капитан Махак, — проговорил Конан, поднимая руку в приветствии, — что привело вас сюда? Торжественные проводы вряд ли необходимы.

— Но мой генерал настоял на том, чтобы вы были удостоены эскорта на первом этапе вашей героической миссии. — Он обращался к ним со злобной ухмылкой, одновременно оглядывая мутноглазое войско. Затем его взгляд остановился на Лейле. — Все, кроме нее. Она останется здесь.

Рука Конана двинулась к рукояти оружия. Там она и застыла, ибо сотня солдат направила на него свои луки.

— Объяснись, капитан, — прошипел он.

— Ни мне, варвар, нет нужды объясняться, ни моему генералу. Тем не менее он любезно разрешил сообщить тебе, что эта дама останется здесь в качестве его гостьи. Она удостоится наилучшего приема и никоим образом не подвергнется каким-либо посягательствам. Но она останется здесь.

Конан весь кипел от ярости, но тут Лейла положила руку ему на плечо:

— Похоже, быть мне гостьей генерала. Глупо противиться неизбежному. Отправляйтесь выполнять свою миссию. Я буду здесь, когда вы вернетесь. — Она посмотрела на своего отца: — Со мной все будет в порядке.

Махак щелкнул пальцами, и солдат подхватил поводья ее лошади. Он повел ее обратно в город. Лейла не обернулась. Капитан еще раз оглядел банду разбойников и взорвался пронзительным хохотом:

— Нет зрелища более волнующего, нежели отборные воины, отправляющиеся на выполнение боевого задания!

Остальные солдаты радостно загоготали, бандиты же, охваченные бессильной злобой, понуро сидели на своих лошадях.

— Вперед, капитан Конан, — сказал Махак. — Я со своими солдатами буду следовать за вами, но не слишком близко. Даже у простых вояк носы для этого чересчур чувствительны!

Чуть не задыхаясь от гнева, Конан пришпорил коня и рысью проскакал мимо ухмыляющегося офицера, давая себе обет отомстить. За ним скакала его маленькая шайка.

Глава девятая

— Я этого не понимаю, — говорил Осман, все еще нетвердо покачиваясь в седле, в голове у него шумело после давешней попойки. — Почему колдун не может перенести сюда дочь своим магическим искусством? Нет ли у нее заклинания сделаться невидимой, дабы спокойно уйти из города и украсть себе лошадь?

— Вот опять, — сказал Волволикус, — ты обнаруживаешь свое полное неведение магии. Я занимаюсь вовсе не трюками мелких факиров, развлекающих толпы на ярмарках. Великая магия — это не просто вопрос знания и декламации особых слов. Я сейчас далеко от своих книг и инструментов, источников моей силы. Свинячий генерал зажал меня в тиски, как и всех остальных.

— Он и тот визирь должны догадаться, что Лейла не моя жена, тогда они поймут, что она куда менее ценная заложница, — сказал Конан.

— Я вообще в ней никакого толку не вижу, — проговорил Мамос. — Я, например, не прочь ускакать и оставить ее там.

Конан обрушился на паникера:

— Я не брошу ее и вам не позволю. Если желаешь смыться сейчас, далеко не уедешь.

Большим пальцем он указал через плечо. За ними скакал отряд Махака.

Убо, поигрывая пальцем на лезвии своего ножа, добавил:

— А рискни ты ускакать в Туран без нас, что нам останется думать, кроме того, что ты собираешься вернуться и захапать себе все сокровища? Мы останемся с атаманом, Мамос.

— Я не предатель, — угрюмо проговорил Мамос. — Но думаю, что глупо многим мужчинам рисковать своими шеями ради единственной девчонки. Колдун не в нашей банде.

— Сейчас мы все вместе, — сказал Конан. — И мы останемся вместе, пока не покончим с этим делом и не разделим сокровища. Я найду способ удовлетворить Кэтчку и вернуть женщину в целости и сохранности.

— Как? — спросил Осман.

— Все в свое время, — ответил ему Конан.

И они поскакали к реке.

— Ты хочешь сказать, что вас прогнали демоны Волволикуса? — спросил Загобал с презрительной насмешкой в голосе. — Я думал, ты из материала потверже. И почти начинаю подозревать, что ты таки нашел сокровища и думаешь теперь напугать меня, чтобы я держался от него подальше.

— Хватит молоть чепуху, — холодно проговорил Беритус. — Если бы я отыскал сокровища и решил оставить их себе, на кой мне было возвращаться сюда?

Они сидели в шахпурских покоях Загобала.

— Напротив, я потерял троих отличных парней, а теперь должен выслушивать твои оскорбления. Если ты считаешь, что обойдешься и без моих услуг, я охотно отправлюсь куда-нибудь еще.

Загобал обуздал свой гнев.

— Нет, я наговорил в сердцах. Уж очень меня раздражает, что эти подлые негодяи от меня улизнули. Торгут-хан почти обезумел от страха, ведь королевские налоговые чиновники будут здесь со дня на день. Ежедневно мне приходится выслушивать его бредни и сопли. —

Он продолжил уже поспокойней: — Итак, мой друг, этот чародей окружил свои владения ужасными заклятиями? Я полагаю, вполне возможно опрокинуть их, если отыщется другой достаточно могущественный маг.

— Я бы не стал тратить время, — сообщил ему Беритус. — Думаю, есть лишь ничтожная вероятность того, что сокровища скрыты в доме чародея.

— Почему ты так считаешь?

— Маг был вместе с бандитами, когда они ушли в Иранистан. Зачем бы ему оставаться с ними, если сокровища лежат в его собственном доме? Думаю, это потому, что он теперь в банде, а сокровища еще не поделили. В большинстве случаев бандиты разлетаются, будто пух чертополоха, — каждый идет куда ему нравится. Но они держатся вместе, будто кольца в кольчуге, когда добыча еще не поделена и каждый боится и подозревает остальных.

— Ты говоришь мудро, — согласился Загобал. — Верю, что ты зришь в корень.

— Мы должны следить за ними, — продолжил Беритус. — Думаю, что, скорее всего, сокровища спрятаны в одном из разбойничьих укрытий. Они ждут, когда поутихнут розыски, чтобы вернуться и поделить добычу.

— Тогда возвращайся со своими людьми на юг, к реке. Когда найдете их, сядьте им на хвост, но не дайте им обнаружить слежку. Пошли гонца сообщить мне, что они обнаружены, и приклейся к ним намертво.

Беритус встал.

— Будет как ты пожелаешь.

Он повернулся и покинул жилище Загобала.

Переправа оказалась легкой, река в этом месте была мелкой и течение медленным. Ближе к середине киммериец остановился, склонился с седла, горстями принялся черпать воду и поливать себе голову. День был жаркий, и заросшие берега кишели жужжащими и щелкающими насекомыми.

— Наш друг капитан Махак больше нас не сопровождает, — сообщил, оглянувшись, Осман.

— Его не видно, ты имеешь в виду, — поправил Конан. — Разумеется, заметь мятежники, что мы прибыли в сопровождении регулярной иранистанской кавалерии, это бы не облегчило нашу задачу.

Он пустил коня рысью, и животное, вздымая тучи брызг, рванулось на противоположный берег.

— Куда дальше, атаман? — спросил Убо.

— На север. Остров невелик. Чтобы увидеть крепость, долго ехать не придется. Скорей всего, мятежники перехватят нас еще раньше.

— Если они хоть чуточку стоящие мятежники, — сказал Чемик, — то в Зеленой Воде у них есть шпионы. Они уже могут знать, кто мы такие.

— Значит, все разговоры оставьте мне, — предупредил Конан.

Менее чем через час езды они увидели первый наблюдательный пост мятежников. То был единственный человек верхом на коне, расположившийся на вершине невысокого холма. Длинный красный вымпел развевался на конце его тонкого копья, солнце блестело на полированной стали маленького круглого щита.

— Самоуверенный парень, — сказал Волволикус. — Похоже, его мало заботит, что за ним наблюдают.

— Да, кажется, они уверены в себе, — согласился Конан. — Для нас это хорошо.

— Почему? — спросил чародей.

— Испуганные нападут куда скорей, нежели те, что не сомневаются в своих силах.

Еще через четверть часа они увидели крепость. Это было грубое сооружение из земли и бревен, отделанное необработанным камнем. В открытых воротах появилась шеренга вооруженных всадников.

— Торжественная встреча, — сплюнув, заметил Убо.

— Улыбайтесь и будьте подружелюбней, — предупредил Конан. — Помните, мы приехали, чтобы присоединиться к ним. Если они слабы, то вряд ли пренебрегут помощью вооруженных авантюристов, даже если нас не волнуют их дела и мы хотим драться только ради добычи.

Всадники приближались, и киммериец разглядел, что доспехи их были в точности как у солдат Кэтчки, только большей частью старые и поблекшие. На груди каждой кирасы был грубо намалеван синий дракон на черном поле. Всадников было около сорока; натянув поводья, они выстроились перед разбойниками полукругом.

— Я — Хоста, — представился мужчина в поношенных, но прочных латах, — командир в армии его величества короля Идриса Седьмого Иранистанского. Кто вы такие и что за дело привело вас сюда?

— Я — Конан, командир наемников. Мы прискакали из Турана, и до нас дошла молва, что ваш король может нуждаться в услугах профессиональных вояк в своей борьбе с узурпатором Ксарксасом. Тогда мы и прискакали сюда.

Киммериец, как и все его люди, улыбался во весь рот. Мятежники оставались хмурыми, и пики их были нацелены на непрошеных гостей.

— Его величеству служат преданные соратники, — сказал Хоста. — Впрочем, я не смею говорить за него и доставлю вас в цитадель. Вы все сейчас сдадите свое оружие.

Услышав это, бандиты возмутились, но Конан движением руки успокоил их.

— Разумеется. Мы желаем лишь выразить королю свою добрую волю и полностью вверяем себя в его руки.

Конан отстегнул пояс с оружием и передал его Хосте. Медленно и неохотно бандиты последовали его примеру. Когда они были разоружены, встречающие заметно успокоились.

В полном молчании они въехали в крепость. Настоящих ворот здесь не было. Вместо этого глубоко в землю были вкопаны бревна, а другие втиснуты между ними.

Бойцы патрулировали земляной вал, ощетинившийся деревянным частоколом. Конан, со своим долгим военным опытом, понимал, что это укрепление и дня не выдержит против решительного противника, имеющего саперов, осадные машины и обученную пехоту. Подобная оборона могла лишь с трудом сдержать кавалерию, такую, как у Кэтчки.

За грубыми стенами располагались с десяток строений и множество палаток, среди которых до четырех сотен мужчин подвергались военной муштре, в то время как женщины стирали, готовили и ухаживали за больными и ранеными. Последних было видимо-невидимо. Многие из упражняющихся были перевязаны. Другие ковыляли на костылях между палатками. Несмотря на тяжелые раны, все выглядели решительно и непреклонно.

Конана и его людей привели на открытую площадку в центре укрепления, где на деревянном помосте стоял высокий шест с длинным черным знаменем, украшенным фигурой синего дракона. На помосте столпились люди, окружившие единственную сидящую фигуру.

— Ждите здесь, — скомандовал Хоста. Бандиты в полном молчании застыли в седлах, в то время как капитан подъехал к помосту и спешился. Он что-то проговорил собравшимся, но так тихо, что Конан ничего не расслышал. Конвой теперь расположился прямо за ними, пики нацелены в спины прибывших.

— Подойди, именуемый Конаном, — громогласно позвал один из мужчин.

Киммериец пустил коня и остановился прямо у помоста. Здесь он спешился и встал перед возвышением. Единственным предметом обстановки этой платформы являлось богато украшенное резьбой массивное деревянное кресло. На этом полевом троне восседал юноша в синей мантии. Он обладал весьма дородным телосложением, вьющимися рыжими волосами и угрюмым взглядом. Его окружали люди средних лет и старше, одетые лучше, чем основная масса бунтовщиков. Конан сообразил, что это главы семейств, подвигнувших на борьбу претендента.

— Чужеземец, — произнес седобородый мужчина, — ты стоишь перед королем Идрисом Седьмым, полноправным властителем Иранистана. Что за дело у тебя к его величеству?

Конан взглянул на юношу, занимающего трон, затем его взгляд скользнул по зрелым мужчинам и дальше, туда, где между высокими стражниками стоял худенький темноволосый мальчик. Киммериец вновь посмотрел на сидящего на троне.

— Слезь-ка со стула, паренек, — сказал Конан.

Люди на помосте ощетинились, некоторые схватились за оружие. С пренебрежительной усмешкой Конан подошел к стройному, красивому юноше.

— Ваше величество, почту за честь предложить вам наши услуги.

Юноша восторженно рассмеялся и обратился к старшим:

— Я же говорил вам, что все это ерунда! Разве настоящий солдат примет пехтуру за истинного принца!

— Что до настоящего, — сказал седобородый, — это мы еще решим.

Он щелкнул пальцами юноше, сидящему на троне.

— Возвращайся к своим упражнениям с пикой, малый.

Парень сразу вскочил и стянул с себя синюю мантию. Другой юноша накинул ее на себя и занял свое место.

— С чего бы нам нуждаться в ваших услугах, чужестранец? — холодно поинтересовался белобородый.

— Одну минуту, дедушка, — перебил его мальчик на троне. — Какого ты племени, капитан Конан? — нетерпеливо спросил он. — Я раньше никогда не видел подобных тебе.

— Я из Киммерии, — сказал Конан. — Очаги моего клана горят далеко на севере, среди туманов и скалистых утесов. Мы воинственное племя, из года в год сражаемся с нашими соседями и друг с другом. В самом деле, мы величайшие воины на земле. Годы назад, когда я был примерно твоих лет или даже младше, я участвовал в разграблении Венариума, когда воины Киммерии выбили аквилонцев с нашей земли, уничтожив гландерцев и боссонийцев, с которыми аквилонцы задумали поработить наши родовые владения.

— Венариум! — воскликнул мальчик. — Я слышал об этой битве!

— Северная стычка — ничтожный опыт для того, кто мог бы служить истинному королю Иранистана, — сказал человек, к которому Идрис обращался как к деду.

Мальчик не обратил на него внимания.

— Кто твои боги, Конан?

— Наш бог — Кром, что обитает в священной горе в самой глуши Киммерии. Кром такой же, как мы, лишь битвы волнуют его. Бесчисленные столетия он сражается с Имиром, богом эзиров и ваниров. Когда мы рождаемся, он одаривает нас силой, храбростью и воинственными сердцами. А помимо того, он мало о нас заботится.

— Суровый бог. Вы молитесь ему, приносите жертвы?

— Мы не молимся, ибо он бы все равно не услышал. От Крома мало толку тем, кто просит большей силы. Его радует кровь, что мы проливаем в битвах, неважно, наша собственная или наших врагов.

— Да, он кажется настоящим богом воителей, — сказал мальчик, окинув пренебрежительным взором мужчину в облачении жреца Митры.

— Это божество примитивных народов, ваше величество, — презрительно фыркнул жрец. — Цивилизованный монарх чтит богов правосудия и порядка, что радуются достижениям искусств и ремесел. Когда король воздвигает пышный храм своему богу, весь мир признает величие властителя.

— Точно, — сказал Конан. — А жрецы приобретают прекрасную новую лавку для своих сделок. — Он заметил, что некоторые на помосте втайне симпатизировали его дерзким речам. Другие же откровенно возмущались. — Мой господин, я готов ответить на все твои вопросы о себе, моем боге и моем народе, но я бы желал знать, собираешься ли ты принять мои услуги.

Идрис с большим сомнением оглядел шайку Конана.

— Несомненно, остальные здесь не киммерийцы. Один вообще выглядит жрецом или мудрецом. Другие же похожи на свору разбойников.

— У вашего величества наметанный глаз, — признал Конан. — Действительно, это неотесанные негодяи, ни один из них не годится для парада, но никто не нанимает воинов ради их внешнего вида. Это нерегулярная кавалерия высшей пробы, разведчики и налетчики вне всякого сравнения.

— Вполне могу поверить, что в налетах они знают толк, — презрительно скривив губы, проговорил мужчина в доспехах. — Нет сомнения, что множество караванов и отрядов паломников познали это на собственном опыте. Что же до разведки, то действительно, некоторые часто выслеживают свои жертвы, скрытно, исподтишка, дабы подловить их максимально слабыми, ничего не подозревающими и почти беззащитными.

— Возможно, кузен Дунас, ты слишком суров к ним, — упрекнул говорящего мнимый король.

— Нет, ваше величество, он совершенно прав, — сказал Конан. — Только что из того? Разве мы ведем речь о хороших манерах для придворных дам и заморских послов? Нет, мы говорим здесь о кровавых делах! Это суровая работа, и ее лучше оставить суровым людям, а эти в своем ремесле истинные мастера. Дело не в том, что подобных людей никто не желает видеть в своем королевстве во дни мира. Когда придет мир, дайте им положенную плату, и они тотчас покинут пределы державы, дабы отыскать волнения где-нибудь еще, ибо эти люди не выносят мирных земель.

Идрис снова рассмеялся.

— Он нравится мне, советники! Я желаю нанять и его, и его людей. Он забавляет меня, и, возможно, они хорошо послужат.

— Ваше величество, — возразил белобородый, — это невыносимо! Истинному властителю Иранистана не могут служить подлые бандиты! Это не принесет тебе

популярности среди простого народа, а короли окрестных держав заявят, что ты не настоящий король, а просто самозванец, поддерживаемый преступными наймитами!

Юноша повернулся в своем кресле и уставился на старика.

— Дедушка, я или не я истинный король Иранистана?

— Разумеется, король — ты, внук мой, — ответил старик, лицо его вспыхнуло.

— Тогда моя воля здесь закон, а моя воля, чтобы этот Конан и его люди служили мне.

Старик согнулся в поклоне:

— Как пожелаете, ваше величество.

— Превосходно! — воскликнул Конан. — И, ваше величество, тебя не должно заботить, что о нас подумают соседние короли. Король, подобный узурпатору Ксарксасу, которому служат такие, как генерал Кэтчка и визирь Акба, все же признается таким же монархом, как и все остальные.

Человек, именуемый Дунас, шагнул к краю помоста.

— Откуда тебе известны эти люди, чужеземец?

— Что ж, до самого вчерашнего дня мы находились в городе Зеленая Вода, а там расположена штаб-квартира Кэтчки.

Конан видел, что Дунас выглядит каким-то удрученным, как будто бы это были сведения, которыми он собирался ошеломить прочих.

— И ты точно так же предлагал ему свои услуги? — спросил мужчина с суровым лицом, что стоял за троном.

— В этом не было нужды, — сообщил Конан. — Кэтчка и Акба сами меня нашли.

Старик недоверчиво рассмеялся.

— Что за прок им с их первоклассной кавалерией в таком хвастливом варваре, как ты, вместе с твоей бандой драных головорезов?

Конан взглянул на говорящего так, будто сомневался в его здравом рассудке.

— Как, они хотели, чтобы я убил вашего короля. Чего же еще? — Сзади он услышал резкий вздох своих людей. — Они посулили мне три тысячи унций первоклассного золота за голову Идриса.

На помосте воцарилась гробовая тишина. Затем вновь заговорил человек, стоящий за троном:

— Но вы не оказались настолько глупы, чтобы решить, что они выполнят договор, не так ли?

— Именно так. Разумеется, я согласился сделать это. Мы поскакали сюда вместе с отрядом под командой некоего капитана Махака, следующим по нашим пятам, ибо выбор у нас был небольшой. Если ваш монарх не предлагает мне абсурдного вознаграждения и самоубийственной миссии, я думаю, он окажется лучшим хозяином, чем его сводный брат-узурпатор.

Человек за троном кивнул.

— Вот теперь, ваше величество, я начинаю верить этому бандиту. Он как будто знает свое ремесло. Я подожду судить о его людях, пока не увижу их в деле.

— Отлично, дядя, — с воодушевлением воскликнул мальчик. Затем он обратился к Конану: — Это старший брат моей матери генерал Элтис, мой главнокомандующий. Его отец и мой дед — визирь Джемак.

Седобородый слегка кивнул.

По зову Элтиса к нему подбежал и отдал честь начальник конвоя Конана:

— Мой повелитель?

— Найди палатку для этих людей и зачисли их к нашим разведчикам. Держи их под самым пристальным наблюдением и обо всем докладывай мне.

— Как прикажешь, мой повелитель, — сказал Хоста, согнувшись в поклоне.

— Я поговорю с тобой, позже, капитан Конан, — заявил юный претендент на трон.

— К услугам вашего величества, — сказал, кланяясь, Конан.

Он повернулся и вскочил на коня. Маленький отряд последовал за Хостой к скоплению выгоревших палаток.

— Как называется эта деревня? — спросил Загобал.

— Телмак, мой командир, — ответил офицер. Он командовал одним из многих подразделений, прочесывающих округу. — Это ничтожное поселение, не примечательное ничем, кроме верблюжьего рынка. Им ничего не известно об ограбивших храм. — Юный офицер стер пот со лба, ибо день был палящий. — Здесь годы и годы не было ничего примечательного, разве что несколько дней назад, когда у них украли девяносто три верблюда, да и то жители деревни выследили животных и вернули их.

— Это пустая трата…

Тут слова капитана задели что-то в памяти Загобала. Что же это? Внезапно он вспомнил. Беритус рассказывал ему, что он со своими людьми проследил бандитов до маленького, узкого ущелья с хорошим источником воды. Там были следы пребывания великого множества верблюдов, но эти верблюды ушли в том же направлении, откуда прибыли, причем ушли порожними. Бандиты же прискакали позже, ибо все их следы лежали поверх верблюжьих, а ускакали они в другом направлении. Здесь было о чем задуматься.

— Позови мне деревенских старейшин.

Они подошли, взирая с подобающим испугом.

— Расскажите мне об этой краже, — грубо потребовал Загобал.

— Превосходнейший, — сказал человек, чья раздвоенная бородка была окрашена в желтый цвет, — буквально несколько дней назад, прямо перед полнолунием, сюда пришли разбойники и угнали девяносто три головы из самых отборных. На следующий день наши лучшие люди вооружились и пустились по следу.

— Точно, — сказал мужчина помоложе, — это было не трудно с такой уймой верблюдов, да и воры не разбили стадо на маленькие партии и не повели их разными путями, как обычно делают похитители верблюдов. Следы привели в маленький каньон, затерявшийся глубоко в холмах, место с источником на старой караванной дороге. Не многие пользуются тамошним источником, разве что пастухи, а потому последние годы бандиты устраивают там свое лежбище.

— Там мы и обнаружили всех верблюдов, — продолжил желтобородый, — охраняемых единственным разбойником, раненным в момент похищения. Его мы прикончили, раскромсали тело и развесили на кусте, дабы остальным неповадно было. Затем мы отогнали наше стадо домой.

— И никаких следов остальных бандитов вы не заметили? — спросил Загобал.

— Нет, превосходнейший. Верблюды затоптали все прочие следы.

— Кто-то из вас поведет меня на это место, — распорядился Загобал. — Я хочу видеть его.

Несколькими часами позже Загобал уже обнюхивал каньон. Ветры унесли большинство

каких-либо следов, что оставили после себя воры. Несомненно, это было превосходное лежбище для преступников. Но что здесь произошло? Загобал начал связывать воедино разрозненные сведения.

Большое стадо верблюдов было украдено и собрано вместе, потому что кому-то понадобилось перевезти огромный груз. Единственного раненого разбойника оставили присматривать за животными, в то время как остальные отправились за этим грузом. Но затем пришли жители деревни, дабы получить обратно свое стадо. Бандиты вернулись и обнаружили, что весь их транспорт уплыл. Что дальше?

И вот ключевой вопрос: были ли здесь сокровища, столь чудесным образом перенесенные из Шахпура? Или они собирались доставить верблюдов куда-нибудь еще, дабы погрузить их? Если первое верно, тогда они должны были запрятать сокровища где-то поблизости.

— Какие будут указания, превосходнейший? — прервал мысли Загобала молодой офицер.

— А? Да, сейчас мы отправляемся в Шахпур. Заманчивым было оставить людей обшарить все место, но последнее, чего он хотел, это чтобы кто-нибудь еще, нежели он, обнаружил сокровища. Если они здесь, бандиты скоро вернутся за ними. А у него есть Беритус и его непревзойденные охотники на людей, которые выследят негодяев здесь или там, где еще могут быть спрятаны сокровища.

Он оседлал своего горячего коня и поскакал в сторону Шахпура, его люди следовали за ним.

— Что ты думаешь о юном претенденте, Конан? — спросил Волволикус.

— Паренек решительный, — сказал киммериец, — но он слишком молод, чтобы судить здраво. Хорошо, что он не позволяет своим старшим родичам управлять собой как заблагорассудится, но подобное юношеское упрямство может запросто обернуться жестокостью. — Конан пожал плечами. — Он может стать могущественным королем, но точно так же он обладает задатками тирана. Мне до этого дела нет, я не собираюсь иметь его своим властелином. В любом случае большой опасности нет. Королевства мира усеяны костями претендентов, большинство из которых не кто иные, как самозванцы, выдвинутые своими родственниками.

— Думаешь, у мальчика мало шансов выиграть Совершенный Трон?

— Почти никаких, — ответил Конан. Они сидели в душной палатке, беседуя при свете единственной свечи, в то время как остальные дрыхли на улице. — Крепость едва ли достаточно сильна даже для барона-грабителя, промышляющего разбоем среди своих соседей. Солдаты Идриса кажутся преданными, но это, может быть, потому, что здесь, в приграничных землях, они считают настоящих иранистанцев чужеземцами. Я подозреваю, что Ксарксас — существо слабовольное или же он отвлечен на каких-нибудь других границах или внутри государства, иначе он давным-давно подавил бы это незначительное восстание. Он оставил здесь Кэтчку воевать с горсткой людей, скрывающихся на огромной территории. Затем он еще больше мешает ему, не позволяя захватить этот маленький остров из страха обидеть Туран. Неудивительно, что свинья искала дешевый и быстрый способ покончить со здешними проблемами, а для того нанять меня в качестве убийцы.

— Понимаю, что ты имеешь в виду, — сказал Волволикус. — Но по-прежнему не понимаю, что ты собираешься делать со всем этим. Если я вернусь домой, то смогу

употребить свои силы, дабы вызволить дочь из Зеленой Воды. Но расстояние слишком велико, это займет много времени. Пока я доеду и вернусь сюда, может оказаться слишком поздно. Как долго она будет в безопасности в лапах этих злодеев?

— Ни минуты, — отозвался Конан. — Но Лейла рассказывала мне, будто недоступна нежеланному вниманию любого мужчины. Это правда?

— Ее малые силы вселяют в нее неоправданную уверенность, — ответил маг. — Достаточно защищенная от приставаний большинства, здесь она имеет дело не с обычным мужчиной. Человек с армией под рукой способен добиться того, чего пожелает.

— Тебе недостает твоих книг и инструментов, — сказал Конан. — Но, несомненно, у тебя припасены какие-нибудь скромные чары, не требующие тщательных приготовлений.

— Какие-нибудь — да. Ты что-то замышляешь?

— Именно. Послушай меня и сообщи, как тебе это понравится.

Двое мужчин говорили до глубокой ночи. На следующий день капитан Хоста взял их в дозор вместе со своими людьми. Они поскакали к реке, дабы следить за возможным вторжением. Всех людей Конана облачили в безрукавки с намалеванными на них фигурами дракона.

— Много ли толку от этих дозоров? — спросил Конан.

— Нет, будь они прокляты! — ответил Хоста. — Мы сильны лишь настолько, чтобы заметить врага и со всех ног бежать назад докладывать об этом. Как я хочу настоящей драки!

Конан улыбнулся. На лучшее нельзя было и надеяться.

— Как бы ты посмотрел на маленькую стычку с довольно незначительным отрядом кавалерии здесь, поблизости?

— Насколько незначительным? — подозрительно спросил Хоста.

— С учетом моих людей численное превосходство будет на нашей стороне. Я приманю их, а затем ты вступишь в дело и захватишь всех.

— Ты только что присоединился к нам, — с сомнением проговорил Хоста. — Рановато позволять тебе затевать акцию против врага.

— Если тебе не нравится мой план, ты можешь ускакать и оставить нас умирать, — сказал Конан. — Решай, риск невелик, а ты говорил, что желаешь дела.

Хоста внимательно посмотрел на него, затем кивнул:

— Согласен.

— Хорошо, — сказал Конан, изучая покрытую травой землю близ реки. — Теперь нам требуется лишь одно.

— Что же это?

Конан указал на отару, пасущуюся под присмотром человека с изогнутым посохом.

— Одна из тех овец.

Бандиты гуськом направились через лощину. По обе стороны от узкого прохода на сорок футов возвышались каменистые склоны. Сверху за ними наблюдал человек, затем он побежал на юг. Зоркие глаза киммерийца отметили мимолетное движение.

— Будьте наготове, — тихо произнес он.

Послышались тишайшие звуки мечей, ослабляемых в ножнах, луков, вытаскиваемых из промасленных кожаных колчанов.

Внезапно лощина расширилась, и они оказались в открытом пространстве диаметром около двух сотен футов, по-прежнему ограниченном отвесными стенами. Когда все всадники выехали из лощины, они увидели наверху людей, бегущих к краям каменной чаши с луками в

руках. Тут послышался стук копыт, на равнину выехали и рассеялись всадники. Широким полумесяцем они встали перед разбойниками. Один из них чуть выдвинулся.

— Приветствую, друзья мои! — издал радостный вопль капитан Махак. — Как приятно снова увидеть ваши очаровательные рожи. Вы не слишком задержались на острове. Что, нервы не выдержали?

Он разглядывал их ищущим, кровожадным взглядом.

Конан выехал вперед.

— Долго ли умеючи, — сказал он. — Прошлой ночью я сделал то, что обещал, и мы тотчас прискакали сюда. — Он встал бок о бок с иранистанским офицером и, ухмыляясь, посмотрел на того в упор. — Полагаю, что сейчас осталось лишь решить дела с могущественнейшим генералом Кэтчкой и его досточтимым другом, блистательным визирем Акбой.

На жестоком лице Махака выразилось замешательство.

— Правда? Ты прикончил претендента? Ну-ка покажи.

Из седельной сумки Конан вытащил окровавленный мешок домотканого полотна.

— Я отдам это генералу Кэтчке, и никому другому.

Махак снова заулыбался.

— Отменная работа! Ты выдающийся воин. А теперь будь так добр и позволь мне удостовериться в этом убийстве. Покажи мне голову.

— Ты доставил мне женщину, Лейлу? — спросил Конан.

— Она с его превосходительством наслаждается наичудеснейшим гостеприимством и будет освобождена, как только ты доставишь голову узурпатора. Теперь показывай!

Тираду он закончил, срываясь на крик.

Конан пожал плечами:

— О, разумеется. — Он открыл мешок и протянул его Махаку. — Вот, смотри.

Офицер заглянул в мешок. А на него оттуда глядела вонючая, покрытая шерстью голова белой овцы. Послышался сдавленный вопль, и Махак схватился за рукоять меча.

— Убейте их!

Затем некий звук заставил его посмотреть наверх. По ободу каменной чаши во весь опор с гиканьем мчались всадники и сталкивали лучников Махака в каньон. В то же время позади разбойников в каньон с диким ревом влетел отряд всадников с оголенными мечами. И моментально смешались бьющиеся, раненые, умирающие.

Конан заехал Махаку по челюсти мешком с овечьей головой. Тот закачался в седле, но все же ухитрился вытащить свой меч и обрушить его на киммерийца. Удар был неуклюжим и нерассчитанным, и Конан уклонился, одновременно вытаскивая собственный меч. В течение десяти ударов сердца сходились со звоном клинки, в то время как кони кружились, а люди пытались лишить друг друга жизни. Наконец Конан заставил своего коня навалиться на лошадь Махака, сбив с толку уступающее размерами животное, и скинул на землю седока.

Киммериец выпрыгнул из седла и оказался рядом с поверженным противником, пытающимся встать на ноги. Махак успел издать лишь единственное проклятие, как Конан вытащил кинжал и вонзил его в грудь капитана. Булькая, Махак повалился на спину, кровь хлынула из раны, заструилась изо рта и носа. Несколько мгновений он бился, колотя шпорами по песчаной земле, затем замер в неподвижности.

В каньоне воцарилось оглушительное безмолвие, нарушаемое лишь шарканьем возбужденных запахом свежей крови животных да редкими стонами раненых. После

недолгого, но бешеного лязга оружия тишина казалась мертвой. Капитан Хоста подъехал к киммерийцу, на лице его играла счастливая улыбка.

— Все они уничтожены, — сказал он, — а у меня только трое раненых. Нет в бою большего преимущества, чем внезапность. — Он вытер кровь со своего длинного кривого меча. — С твоими людьми не так хорошо, но они приняли на себя первый удар.

Конан увидел, что у него осталось пять человек, не считая чародея и его самого: пузатый Чемик, одноглазый Убо, пустынножитель Ауда, неисправимый Осман, а также порочный и будто бы не подвластный смерти Мамос. Они уже обшаривали тела убитых.

— Я должен выполнить одно дело, и мудрец отправится со мной, — сообщил Конан. — Остальные вернутся с вами.

Хоста пожал плечами:

— Как знаешь. Ты заслужил право делать что пожелаешь. Мы отрубим правые руки у всех этих предателей. Его величество будет более чем доволен трофеями, что я преподнесу ему.

Конан направил своего коня туда, где его люди энергично освобождали тела от каких-либо ценностей.

— Ну-ка, ко мне, — скомандовал он.

Они подошли, распихивая в пояса и за голенища сапог монеты, кольца и драгоценности.

— Мы с Волволикусом сейчас отправимся в Зеленую Воду, дабы вернуть женщину. — Он говорил так тихо, что лишь они могли услышать его слова. — Ночью, когда все, кроме часовых, уснут, вы должны быть в пустыне. Пересеките излучину реки по старому руслу и в Туране скачите на северо-запад по направлению к нашему укрытию. Остановитесь в первой деревне и оставайтесь там, пока мы не присоединимся к вам.

Убо ухмыльнулся и кивнул:

— Ладно, этот приказ я исполню без колебаний! Эти деревенские новобранцы в жизни не услышат, как ночью мы проберемся мимо них.

Остальные радостно закивали. Довольные своей добычей, они вовсе не переживали смерть нескольких товарищей.

Конан нашел Волволикуса погруженным в думы перед мрачным побоищем. Он не принимал участия в сражении и держался в стороне, уклоняясь от мельтешащего оружия и следя за тем, чтобы кровь не летела на его одежду.

— Ты знающий свое дело убийца, друг мой, — проговорил маг.

— Часто это вопрос необходимости, — сообщил ему Конан. — Что до капитана Махака, это еще и удовольствие.

— Если убивать каждого негодяя, — заметил колдун, — мир вскоре опустеет.

— Да, и я вовсе этого не желаю, — согласился Конан. — А помимо того, именно мерзавцы делают жизнь интересной.

Двое собрались в дорогу и поскакали к оазису, на котором стоял город Зеленая Вода.

Страж ворот Шахпура встрепенулся, когда еще один странный человек вступил в город. Он уж думал, что вся эта разноцветная публика покинула город с окончанием ужасного празднества, но в город все прибывали невообразимые гости, люди наций, которых редко видели в этих краях, а некоторые из них имели вид, причудливый даже для чужеземцев из самых отдаленных уголков земли.

Накануне это был толстый вендиец, чей тюрбан, казалось, горел огнем. Затем появился

немедиец, столь худой, будто его поразила чума, однако движения его казались неестественно быстрыми. А теперь этот кхитаец в богатых одеждах и с лицом, замотанным покрывалом.

Все это было более чем загадочно, но он мигом очнулся от своих мечтаний, когда к воротам приблизился Загобал, возвращающийся из одного из своих бесконечных дозоров, похоже, в убийственном настроении. Страж ворот весь напрягся, лицо его окаменело, когда Загобал проскакал мимо. Таинственные чужеземцы были забыты.

Глава десятая

Киммериец и туранский колдун возвращались в караванный город Зеленая Вода. Все выглядело почти так, как при их предыдущем приближении к оазису. Верблюды и лошади пили у озера, что раскинулось среди пальм. Прочиеживотные паслись в загонах, разбросанных по всей зеленой поверхности оазиса. Люди разбивали лагерь, готовили еду, варили что-то на маленьких кострах. Некоторые натягивали палатки, другие предпочитали довериться погоде. Не многие обратили внимание на двух всадников. Кавалерийские лошади все так же стояли, привязанные ровными рядами.

Когда двое проехали через ворота, то снова услышали экзотические мотивы, доносящиеся с площади. Тут всадники несколько изменили маршрут, свернув на маленькую окольную улочку. В груде между двумя лавками на рынке провизии они выбрали большую вязанку хорошо высушенных дров, обмотанную ивовыми прутьями. Приторочив ее к луке седла чародея, они поехали на главную городскую площадь.

Здесь играла музыка и извивались плясуньи. Всадники не обратили на них никакого внимания и проследовали к правительственному зданию, над которым по-прежнему возвышались королевское знамя и личный штандарт генерала Кэтчки. Седоки натянули поводья у подножия широких ступеней, что вели в портик.

Как только офицеры, сидящие за длинным столом, увидели, кто подъехал к портику, разговоры смолкли и воцарилась полная тишина. Генерал Кэтчка все так же сидел на обычном месте, и когда он заметил, что люди его замолкли, то стал озираться, пытаясь обнаружить причину замешательства. Его глаза были красны и мутны, он медленно повернул лицо к всадникам. У сидящего рядом с ним визиря Акбы глаза расширились от удивления при виде киммерийца и чародея.

— Что это? — воскликнул Кэтчка голосом даже более сиплым, чем обычно. -

Киммериец! Ты недолго отсутствовал!

— Я не теряю времени, генерал, — сказал Конан.

— Где капитан Махак? — осведомился Акба. — Он должен был встретить вас на обратном пути и препроводить сюда. Для вашей же безопасности в случае погони бунтовщиков.

Он оправился от изумления, и его обычный, спокойный и лукавый, взгляд сгладил черты лица.

— Нет сомнения, что капитан в надлежащем месте, — сказал Конан. — Где женщина, Лейла?

— Где голова посягателя, Идриса? — парировал Кэтчка.

— Приведи мне женщину, и ты получишь голову, — ответил Конан.

— Мы не верим тебе, варвар, — сказал Акба.

— Тогда убедись.

И снова Конан достал из седельной сумки окровавленный мешок. Он сунул туда руку и за длинные, черные волосы вытянул голову. С лицом красивого юноши.

— Это он! — закричал Акба. — Копия старого короля!

— Точно, — прорычал Кэтчка. — Никаких сомнений.

— Женщину, — настаивал Конан.

— Момент, — сказал Акба.

Он повернулся и кинул несколько слов внутрь здания. Через несколько минут вышли две служанки и Лейла между ними. Лицо девушки было угрюмым и встревоженным, но оно тут же прояснилось при виде отца и огромного варвара.

— Теперь, — сказал Акба, — голову.

Он держал руки, будто мальчишка, ловящий мяч.

— Сначала женщина должна подойти к нам, — распорядился Конан.

— Мы теряем время, — сказал Акба. Он принялся отдавать приказы окружающей страже, но в тот же миг чародей швырнул вязанку дров на мостовую между лошадьми. Длинным пальцем он указал на дерево и провозгласил некие слова, что жутким эхом разнеслись по площади. Дерево тут же вспыхнуло мощным голубым пламенем. Кони в испуге попятились, но Конан удержал своего скакуна и по-прежнему держал над пламенем раскачивающуюся на длинных волосах голову.

— Если я уроню башку, она тотчас будет уничтожена, — сказал он. — У вас не будет трофея, которым вы сможете подкрепить перед королем свои россказни об опасности и героизме. Отдайте нам женщину.

Кэтчка не мог отвести глаз от мертвенно-бледной головы, его поросячьи глаза алчно засверкали.

— Женщина — ничто, — проговорил он. — Отпустите ее.

Акба кивнул служанкам, и Лейла двинулась вперед. Она спустилась по ступеням и подошла к отцовскому коню. Вставив ногу в стремя, она грациозно вскочила в седло позади Волволикуса. На этот раз у нее не нашлось колкости для варвара, который все так же непреклонно держал над огнем мертвую голову.

— Поезжай, — сказал он Волволикусу.

Маг повернул коня и поскакал с теперь притихшей площади.

— Очень хорошо, она ваша, — сказал Акба. — Выполни свою часть сделки.

— Как насчет моих трех тысяч унций золота?

Конан улыбнулся, заметив оцепенение на их лицах. Но волшебный огонь угасал, оставляя лишь потрескивающие, почерневшие прутья.

Кэтчка уже готов был крикнуть что-то стражникам, но тут челюсти его плотно сомкнулись, ибо киммериец кинул ему голову. Забыв обо всем прочем, генерал потянулся и с ликующим смехом подхватил мешок. Варвар повернул и пришпорил коня. Великолепное животное метнулось к ближайшему проулку.

— Убейте его! — крикнул Акба.

Затем он тоже оборотился к голове юноши.

Конан успел достигнуть одной из боковых улиц, когда двое солдат вцепились в его поводья. Он вытащил меч и разрубил череп одному, затем вонзил клинок в спину другого. Он уклонился от копья, что злобно просвистело над егоголовой, и ринулся по улице, направляясь к воротам.

Генерал и визирь не обращали внимания на суматоху, что разыгралась вокруг них, когда полупьяные офицеры устроили свалку, карабкаясь на своих лошадей и пускаясь в погоню.

— Так-то, Идрис! — проговорил Кэтчка. — Ты думал занять трон?

Он плюнул в лицо и рассмеялся.

— Это тебе награда за то, что мне пришлось тащиться сюда, — сказал Акба. — Заставить меня бросить двор и ехать в эту унылую провинцию гоняться за мальчишкой и его примитивной родней!

Затем он тоже плюнул.

Когда плевок достиг цели, лицо мертвеца начало корчиться и меняться, кожа перетекала, будто жидкость в кипящем котелке. Потрясенный Кэтчка завопил и уронил мертвую голову, словно бы она раскалилась докрасна. Глянцево-черные волосы стали жидкими и коричневыми, а аристократически-бледное лицо потемнело. Генерал и визирь кричали от ярости и ужаса. С верхней ступени на них глядело знакомое лицо капитана Махака.

С диким хохотом Конан промчался по главной улице. Люди глазели на него, недоумевая о причине столь безрассудной скачки. Маг и женщина проскакали этим путем минутами раньше и с такой же бешеной скоростью. Конан слышал раскаты горна за своей спиной и понимал, что сейчас начнется охота. За собой он оставил несколько весьма рассерженных мужчин.

Он проехал через ворота и поскакал между рядами пальм, мимо оазиса, в пустыню. В считанные минуты он догнал Волволикуса и Лейлу. Женщина уже была верхом на коне, которого они пригнали с собой и привязали близ оазиса. Это был один из скакунов, украденных у Загобала.

— Теперь, друзья, мы должны скакать во весь опор, — сказал Конан. — Они жаждут нашей крови.

Он по-прежнему заливался смехом, будто мальчишка после чрезвычайно озорной проделки.

Лейла скакала бок о бок с ним и широко улыбалась, на этот раз безо всякого ехидства.

— Прими мои поздравления, Конан, — сказала она, стараясь перекричать стук лошадиных копыт. — Это правда. Ты доказал, что ты почти герой, совершив невозможное.

— Какое удовольствие подложить свинью этим свиньям, — ответил он, ухмыляясь. — С ними у тебя были какие-нибудь трудности?

Он посмотрел назад, но не увидел ничего, кроме своего развевающегося плаща и голой пустыни. Погоня еще не показалась.

— Обязательно были бы, но и Кэтчка, и Акба напивались каждый вечер до полного бесчувствия. Хотя я не знаю, как долго это могло продолжаться. Вы подоспели вовремя.

— За нами люди! — предупредил Волволикус.

На горизонте появилась длинная шеренга всадников, люди и кони на таком расстоянии казались чуть больше черных точек.

— Смогут они поймать нас? — спросила Лейла, на лице ее появилось беспокойство.

— Похоже на то, — признал Конан. — Наши кони лучше, и пока они свежие, у нас преимущество. Но можно побиться об заклад, что у каждого из этих вояк две или три сменные лошади. Часть погони может дышать нам в спину, несясь во весь опор и заставляя нас делать то же самое, в то время как остальные будут беречь силы, держась позади. Волчья травля.

— Звучит невесело, — уныло протянула она.

— Колдун! — позвал Конан. — Можешь ты свистнуть песчаную бурю?

— Никто не может пробудить стихии свистом, северянин. Я уже говорил тебе о трудностях магических действий в подобных обстоятельствах.

— Дела, маг! — нетерпеливо воскликнул Конан. — Нам нужны дела, а не слова!

— Я постараюсь, — сказал Волволикус.

Через несколько часов непрерывной скачки тяжело дышащие кони покрылись пеной.

Конан и Лейла молчали. Волволикус громко бормотал, силясь пробудить свою магию. Похоже, он добился некоторого успеха. Когда солнце опустилось за горизонт и первые звезды вспыхнули на небосводе, внезапный порыв ветра поднял облака песка и пыли.

— Это ненадолго, — сообщил маг. — Мы должны использовать преимущество.

— Час вне поля их зрения очень бы помог, — сказал Конан.

Весь вечер преследователи приближались и приближались. Теперь, скрытые песчаной пеленой, трое могли действовать незаметно: скакать окольными путями, выбирая каменистые дороги, на которых, проигрывая в скорости, они не оставляли следов. Через какое-то время Конан скомандовал остановиться, чтобы дать отдых лошадям. И люди, и скакуны были покрыты пылью, и киммериец использовал остановку, дабы почистить животных и проверить их копыта.

— Так не может продолжаться, — сказала Лейла. — Такой скачкой мы загоним этих коней до смерти.

— Да, мне тоже жаль этих животных, — сказал Конан. — Но если нам суждено загнать их до смерти, мы их загоним, выбора у нас нет. — Острием кинжала он вытащил крошечный камешек из конского копыта. — Надеюсь, Кэтчка лично возглавил погоню.

— Почему ты желаешь этого? — спросила девушка.

— Во-первых, если они нас все-таки поймают, мне доставит огромное удовольствие попытаться зарубить его. С другой стороны, — он оставил копыто и выпрямился, — ни один конь не покажет своей лучшей скорости с такой тушей в седле. Если он с ними, то замедляет и всю погоню.

Ветер утих, и они ехали под звездами, осторожно продвигаясь вперед с Конаном во главе. Его дьявольски натренированным чувствам было достаточно призрачного света, что роняли звезды и бледный месяц. Он держался уверенной рыси. Тем не менее скачка в ночи никогда не может быть по-настоящему безопасной. Даже зоркий глаз Конана вполне мог пропустить звериную нору, достаточно большую, чтобы туда провалилось копыто. Кроме того, именно под звездами охотились самые крупные хищники пустынь. Здесь было множество рысей и лисиц. Сами по себе безвредные, неожиданным появлением они могли напугать лошадей. Один раз киммериец углядел вдалеке пару львиц, выискивающих газелей и серн, что паслись на границе пустыни у реки.

— Мы оторвались от них? — спросила Лейла, когда начал сереть горизонт на востоке.

— Никакой надежды, — сказал Конан. — Они могут рассыпаться цепью и, будто гигантской сетью, прочесать всю прибрежную полосу. Но если мы будем достаточно далеко от них, когда они увидят нас снова, то появится шанс.

Серый постепенно сменялся бледно-розовым; наконец солнце безжалостно взломало горизонт, и спасающаяся бегством троица, отбрасывая длинные тени, пустила своих уставших коней на обрабатываемые земли близ реки, где веками угрюмые крестьяне копали каналы, дабы напоить иссушенную землю.

— Они появились! — крикнул Волволикус.

Колдун был измотан куда сильнее своей дочери или киммерийца, ибо не обладал ни юностью одной, ни железной силой и выносливостью другого. Качаясь в седле, он указал налево, откуда к ним устремилась линия всадников в сверкающих доспехах. В авангарде Конан распознал звероподобную фигуру генерала Кэтчки. С победным кличем иранистанец обнажил меч и, вертя им над головой, погнал вперед своих людей. Всадники на свежих конях, несущих менее тяжкий груз, вырвались вперед.

— К реке! — завопил Конан. — Убейте коней, если понадобится!

Он глубоко вонзил шпоры, а Лейла сорвала пояс со своей узкой талии и принялась лупить свою лошадь. Но кони были не способны даже на последний бросок. Они были на пределе сил.

— Теперь и справа люди, — уныло промолвил Волволикус.

Конан взглянул и выругался. Оттуда наступала большая группа всадников.

— Мы в тисках! — Он обнажил меч. — Вы двое, скачите к реке. А я собираюсь прикончить этого борова!

Лейла умоляла его остановиться, но он уже развернул коня к приближающемуся генералу, пытаясь рассчитать свои шансы нанести смертельный удар, прежде чем неминуемо будет убит сам.

— Конан! — закричал колдун. — Те люди не Кэтчки.

Но киммериец не обратил внимания на загадочные слова мага. Весь его разум и воля были направлены на приближающегося генерала и на меч в собственной руке. Тут внезапно что-то произошло. Скачущие на него замедлили бег. Они сгрудились тесной массой вокруг генерала. Конан рискнул бросить мгновенный взгляд назад и увидел, что люди, надвигающиеся с той стороны, облачены не в сверкающие доспехи, а в грязные, потрепанные одежды мятежников. Впереди скакали Хоста и Элтис, а за ними Конан разглядел юного Идриса между двумя дюжими телохранителями.

С диким радостным воем киммериец понесся прямо на врага. Те, что были перед ним, разразились проклятиями, но, будучи несгибаемыми вояками, и вели себя соответственно. Первого, преградившего ему путь, Конан разрубил от плеча до седла, более легкий конь был опрокинут мощным жеребцом варвара. Перепрыгнув через павшее животное и его разрубленного пополам всадника, Конан, обеими руками размахивая мечом, каждой сверкающей дугой повергал вражеского воина.

Затем две вражеские линии сомкнулись и моментально перемешались. Это был сплошной хаос звенящей, рубящей, колющей стали, где каждый старался прикончить как можно больше врагов, прежде чем пасть самому. Кони и люди хрипели одинаково, в то время как оружие, сходясь, рождало убийственную мелодию с преобладанием низких полутонов: тошнотворные звуки острой стали, входящей в податливую плоть, стаккато трещащих костей.

Тут Конан увидел перед собой разъяренную, ревущую тушу генерала Кэтчки. Один из мятежников подскочил к нему и пытался пронзить копьем огромное брюхо, но Кэтчка своим мечом немедленно отбил смертоносное острие и тут же нанес удар по шее противника. Лошадь понесла обезглавленного мятежника, кровавый фонтан взмыл высоко вверх из ужасной раны.

— Варвар! — пронзительно завопил генерал. — Ты надул меня. Ты опозорил меня перед моими людьми! Собака!

Казалось, он задыхается от слов, коими пытался выразить свою ярость. С нечленораздельным воплем он ринулся к Конану. Ликующий киммериец бросился навстречу. Сталь зазвенела о сталь в быстром обмене ударами, и тот и другой держали мечи обеими руками. Ловким поворотом своего меча Конан зажал лезвие Кэтчки между своим клинком и крестообразной гардой, блокировав тем самым оба меча. Кони вертелись волчком, а люди крутились за ними, вцепившись в рукояти и пытаясь вырвать оружие из рук противника. Ощутив, что хватка его слабеет, Кэтчка не стал продолжать борьбу и выпустил свой меч. Внезапно лишившись сопротивления, Конан на мгновение потерял равновесие, и тут

иранистанец боднул его в лицо стальным шлемом, при этом одной своей огромной лапой обхватив киммерийца, другой вытаскивая кинжал.

В момент удара будто вспышка белого света взорвала голову Конана, почти ослепив его. Однако чутье оказалось быстрее мысли. Он бросил свой меч и, схватив генерала за верхний край кирасы, перехватил другой рукой руку, держащую кинжал; пальцы стальной хваткой сжали толстое запястье. Кэтчка пытался подтащить Конана к своему лезвию. Конан держал его на расстоянии вытянутой руки, выкручивая кисть противника, медленно приближая лезвие к телу генерала.

То была титаническая борьба, отнимавшая все силы, и долго длиться она не могла. Лицо Кэтчки исказилось яростью, затем глаза налились ужасом, когда кинжал дюйм за дюймом приближался к его шее. Он попытался выпустить оружие из рук, но неумолимая хватка Конана парализовала кисть генерала.

Он закричал, когда кончик кривого и острого как бритва лезвия коснулся плоти под нижней челюстью. Лезвие проникало внутрь, появилась струйка крови. Затем вопль захлебнулся, когда направленное вверх острие пронзило язык. Кровь мешалась с пеной, пузырящейся на губах, а острие уже вонзилось в небо. Но он все пытался удержать руку Конана и не сдавался, пока лезвие не пронзило мозг. Тут мышцы его разом расслабились, и генерал Кэтчка вывалился из седла, будто огромный куль с потрохами на бойне.

Неожиданно Конан осознал, что боролся он в полной тишине. Он потряс головой, дабы избавиться от светящихся пятен перед глазами, и огляделся, обнаружив себя в центре большого круга верховых мятежников, изумленно взирающих на него. Среди них был Волволикус, выглядящий утомленным, но счастливым. Лейла была в ярости.

— Я пыталась заставить их выпустить несколько стрел в эту жирную свинью, но они не слушали меня! — кричала она.

— Стрелы? — возмущенно проговорил Идрис. — Да такого зрелища я бы не пропустил, пусть бы за это лишился трона!

— Если бы только Акба был с ними, — проговорил Дунас, кузен претендента.

— Его король воздаст ему по заслугам, — удовлетворенно заметил Элтис. — Когда он доложит, что не только не смог подавить нас, но еще потерял своего генерала и половину кавалерии в придачу… — Он сделал паузу, с ухмылкой смакуя грядущую картину. — Да, ему лучше надеяться, что Ксарксас окажется в хорошем расположении духа и просто распнет его.

— Как это вы оказались здесь столь во-время? — спросил Конан, промокая кровь, что текла у него из носа.

— Прошлой ночью мы отправились в усиленный дозор, — сказал Элтис. — Ребят воодушевила победа над отрядом Махака, и мы надеялись поймать и других. Мы обнаружили двух солдат, что отбились от основной массы во время вчерашней песчаной бури. Они сообщили, что гнались за тобой и что сам Кэтчка возглавил небольшие силы.

— Мы рассчитали, что вы должны постараться оторваться от них в бесплодных пустошах поблизости отсюда, — продолжил Хоста, — и что если мы поторопимся, то сможем застать их где-нибудь здесь, так как их кони уже подустали. К счастью для вас, мы оказались здесь до того, как они вас схватили.

— Ты заметил, что твоих людей с нами нет? — сказал Элтис. — Они, похоже, бросили службу.

— Возможно, они просто пьют где-нибудь в кабаке, — сказал Конан. — Отличные, преданные солдаты, подобные им, не дезертируют.

— Если они нашли кабак, — заметил офицер, — то, подозреваю, он должен быть за много миль к северу от реки.

— Кого они заботят? — проговорил Идрис, с улыбкой глядя, как один из его солдат привязывает голову генерала Кэтчки к луке седла Идриса. — Все люди с севера стекутся теперь под мои знамена, узнав, что я разбил одного из генералов Ксарксаса в открытом бою. Здесь я укрепил свои права! — Он похлопал жуткую голову. — Конан, поехали со мной, и я сделаю тебя командующим кавалерией.

Конан увидел, как напряглись устремленные на него лица старших офицеров.

— Боюсь, что вынужден отказаться, ваше величество. Неотложное дело зовет меня в Туран.

— Этот северянин — мужественный воин, мой король, — сказал Элтис. — Но я опасаюсь, что он может оказаться самым неудобным человеком в твоем окружении, когда ты займешь свой законный трон. Его люди сбежали, но он оказал тебе добрую услугу, а мы только что спасли его шею от веревки. Будем считать, что мы квиты, и позволь ему удалиться. Оставить его было бы опасно, а убить — неблагодарно.

Мальчик выглядел угрюмо, опечаленный тем, что его лишают нового героя.

— Что ж, очень хорошо. Конан, скачи с моей благодарностью. В будущем, если тебя занесет в Иранистан, знай, что король этой страны обязан тебе.

Конан не стал смеяться в ответ на царственную тираду мальчика, окруженного оборванной солдатней. Вместо этого он сказал:

— Ваше величество оказывает мне великую честь. А теперь позволь мне оставить тебя. Удачи в борьбе за трон, принадлежащий тебе по праву.

Претендент милостиво склонил голову, и киммериец покинул мятежников, направившись следом за своими спутниками.

Переправа была легкой, и Конан остановил коня посреди течения. Повесив пояс с оружием на луку седла, он разулся, спрыгнул с коня и нырнул в воду, смывая с себя кровь, пот и пыль. Потом он встал и принялся выжимать свою пышную, черную шевелюру. Тут он заметил, что Лейла последовала его примеру. Она стояла, выкручивая локоны, а ее намокшая одежда облепила тело, обнажая не только то, что вся она так же прекрасна, как ее лицо, но и то, что никакой другой одежды под платьем у нее нет.

— Присоединяйся к нам, отец, — позвала она.

— Я подожду, пока мы не достигнем более подходящего места для мытья, — с достоинством ответил он.

Конан уже чувствовал себя новым человеком. Он быстро оправился от испытаний предшествующих дня и ночи, а также утренней схватки, недолгой, но яростной. Нос, похоже, не сломан, хотя и поболит несколько дней, так же как и вся физиономия. Единственное, что огорчало его, это присутствие Волволикуса, ибо киммериец страстно желал схватить Лейлу и отнести ее в манящий тенистый уголок на берегу.

Впрочем, не имея такой возможности в данный момент, он не собирался упускать ее в ближайшем будущем. Он вновь вскочил на коня и, оставляя за собой мокрую дорожку, поскакал прочь от реки. Остальные последовали за ним.

Учитывая то, что ты сделал для него, — сказала Лейла, — юный претендент мог бы отблагодарить тебя и получше.

Она наслаждалась прохладой влажного платья, которое утренний ветерок сушил на ее теле.

Конан мог только рассмеяться.

— Хорошо, если юноша в ближайшие годы сможет обеспечить своих всадников штанами. Это же нищий претендент, поднявший восстание в беднейшей части Иранистана. Если не счастливый случай, он так и останется непокорным бароном, процветающим лишь потому, что не платит податей своему королю. Если какие-то царедворцы, близкие к власти, решат, что для них будет лучше скинуть Ксарксаса и возвести на трон королевского бастарда… — Он пожал плечами. — Тогда тоже совершенно неизвестно, чего ожидать. Думаю, жизнь короля столь же ненадежна, как у странствующего воина.

Они достигли границы прибрежной зеленой полосы, и Конан скомандовал остановиться.

— Нам необходимо поспать, — объявил он. — Еще важнее то, что эти великолепные твари нуждаются в отдыхе. Пусть спокойно щиплют траву весь остаток дня. Мы поскачем ночью, когда станет попрохладнее.

— Это как раз по мне, — сказала, слезая с коня, Лейла. — Здесь есть тень, а я так устала, что даже не чувствую голода.

Конан расседлал и почистил лошадей, в то время как Лейла расстелила одеяло в тени под деревом и ее отец чопорно опустился на него. Вскоре он уже похрапывал, а рядом свернулась калачиком его дочь.

Убедившись, что у животных достаточно корма и они надежно стреножены, киммериец отправился на поиски подходящего тенистого дерева. Требовался хороший обзор во всех направлениях. В случае появления чужаков необходимо было проснуться, имея достаточно времени. Выбрав место, он расстелил плащ на мягкой траве и стянул сапоги. Оставив оружие под рукой, он укрылся легкой накидкой пустынножителей и наконец расслабился.

Он уже почти уснул, когда что-то дернуло его плащ. Лейла скользнула под покрывало, и стало ясно, что одежду свою она с собой не взяла.

— Мой отец слишком громко храпит, — все, что она произнесла, прежде чем окунуться в объятия жаждущих рук.

На следующий день они въехали в небольшой, но относительно процветающий городок, не обычную деревню, живущую рынком, а в шахтерскую общину, где люди зарабатывали на жизнь, добывая оловянную руду из огромного открытого карьера. В городе не было ни ворот, ни стражи, а потому Конан обратился к торговцу фруктами, чей лоток — хрупкий, матерчатый навес на тонких жердях — расположился на окраине деревни.

— Где самая грязная таверна в городе? — осведомился Конан. — Та, где собирается всякий сброд.

— Вам нужен «Трусливый воин», — ответил старик. — Это вниз по улице, рядом с общественным нужником. Ты почувствуешь носом, когда будешь поблизости. Не желаешь купить несколько апельсинов? Они сорваны только утром.

Лейла осталась торговаться, а Конан и Волволикус поехали вперед. Они миновали центр городка и наконец обнаружили низкое строение с грязными стенами. На беленом фасаде безвкусными цветами была грубо намалевана фигура человека в доспехах, спасающегося от облака стрел, копий, топоров и прочего. Как и было обещано, аромат нечистот из общественной уборной оказался просто сногсшибательным.

— Насколько я знаю своих мерзавцев, — сказал Конан, — они должны быть именно здесь.

Привязав лошадей к каменному желобу, они вошли в притон сквозь занавесь из свисающих бус, что нисколько не защищала от кишащих повсюду, назойливо жужжащих мух.

— Атаман! — радостно завопил Убо. — Ты вернулся! И колдун с тобой. Присоединяйтесь к нам.

Одноглазый туранец играл в кости с Чемиком, что же до Ауды, то он храпел на полу. Между игроками стоял кувшин с пивом, где плавало несколько мух.

Конан занял место за столом.

— Где остальные?

— Мамос в задней комнате со шлюхой, отвратительной даже для него, — доложил Чемик. — Что до Османа, мы не видели его с позапрошлой ночи.

— Возможно, он занят какой-нибудь бабой, чей муженек проводит дни на шахте, — сказал Убо. — Он ловкий говорун, этот малый. — Потом Убо швырнул кожаный стаканчик на стол, поднял его, показывая кости. Чемик с воплем сгреб серебряные монеты. — Вам удалось заполучить девку?

— Она с нами, — ответил Конан. — У вас все спокойно?

— Никто нам не досаждает, — сообщил Чемик, — пока деньги есть. Но до наших ушей дошли кое-какие тревожные вести.

— Что еще за вести? — спросил Конан.

— Группа людей объезжает реку, — объяснил Убо. — Людей разных народностей. Горожане утверждают, что они не похожи на солдат, но хорошо вооружены и свирепы. Вожаком у них огромный аквилонец, и они задают вопросы.

Конан встревожился:

— Что за вопросы?

— Они спрашивают об отряде, очень похожем на наш, — сказал Чемик, — за исключением того, что они ищут более многочисленную банду, во главе которой большой черноволосый северянин. Поскольку нас только пятеро и среди нас такого нет, нами они бы не заинтересовались.

— Я вполне верю тому, что эти люди ищут именно нас, — подался вперед Волволикус. — Но почему такой разношерстный отряд чужеземцев? Почему не солдаты Загобала или личные стражники Торгут-хана?

— Этот аквилонский вожак, — произнес Конан. — У него есть имя?

— Об этом он не шумит, — сказал Убо, — но торговец верблюдами рассказывал мне, будто он слыхал, как один из этих людей называл его Беритусом.

Хлопнув по столу, Конан прошипел проклятие.

— Ты знаешь его? — спросил колдун.

— Только понаслышке. Он охотник на людей. Это его жизнь и его удовольствие. За плату он охотится на беглых рабов и разыскиваемых преступников. Что за напасть привела его сюда, именно когда Загобал в этом нуждается?

— Похоже, ты считаешь его опаснее самого Загобала? — спросил Волволикус.

— Ручаюсь, что он и его люди куда более опасны, чем все, кто есть у Загобала. Охота на людей — обязанность и задача солдат и стражников. Некоторые справляются с ней хорошо, большинство — нет. Но отряд Беритуса состоит из отборных головорезов, каждый там — специалист. Сколько их здесь?

— Первый раз, когда они проезжали здесь немного спустя после того, как мы покинули Шахпур, — сказал Убо, — их было два десятка. Во второй раз, за два дня до нашего

прибытия, их было семнадцать.

Чародей взглянул на Конана:

— Мой дом! Несколько дней назад я ощутил это, когда пробудились мои стражи. Могу поклясться, что именно тогда Беритус потерял этих людей. И они должны быть действительно грозны, раз убито было только лишь трое.

— Семнадцать — это слишком много для нас, — проговорил Чемик, — даже если бы это были обыкновенные солдаты.

— Да, мы не в том положении, чтобы устоять против них. И это неподходящее место для нас.

— Куда же мы направимся? — спросил Убо.

— Я советую вернуться к нашей добыче, — сказал Чемик. — Каждый возьмет, сколько сможет унести, а потом мы все разбежимся.

— Это может привести их прямо к сокровищам, — предупредил Конан. — Нет, нам необходимо выждать еще несколько дней, пока король отзовет Торгут-хана, а Загобал будет позорно казнен. И тогда земля очистится достаточно, чтобы позволить нам вернуться и забрать все. Кроме того, мне необходимо время, чтобы выследить эту шайку охотников за людьми и решить, что с ними делать.

— Тогда куда? — спросил Чемик.

— В дом чародея, — сказал Конан. — Там они уже были. Там есть защита и возможность узнать о чьем-либо приближении. Что ты думаешь об этом, Волволикус? Можешь укрыть нас всего на несколько дней?

— Могу, — с некоторой неохотой согласился маг. — Будет не очень-то удобно, но вполне возможно.

По правде говоря, он чувствовал необходимость вернуться к своим книгам, к своим инструментам, к месту своего могущества.

Конан встал:

— Тогда соберите остальных, и уматываем отсюда. Какой-нибудь горожанин, возможно, прямо сейчас ведет сюда охотников на людей.

Часом позже Конан, колдун, Лейла и четверо бандитов собрались, готовые отправиться в путь, но вот Османа до сих пор нигде отыскать не удалось.

— Я знаю! — неожиданно взорвался Мамос, его покрытая шрамами, обожженная палачом физиономия, исказившись, стала еще уродливей. — Этот маленький интриган улизнул за сокровищами!

— Что с того? — сказал Убо. — Много ли он сможет утащить? Он что, поведет туда караван?

— Меня больше беспокоит, что он приведет туда охотников, — сказал Конан.

— Я поскачу за ним. Остальные отправляются в дом чародея.

— Постой! — крикнул Мамос. — Откуда мы знаем, что ты не собираешься заграбастать сокровища себе? Мы договорились, что до самого дележа остаемся вместе!

— Успокойся, болван, — сказал Убо. — Что значит «остаемся вместе», когда Осман уже был таков? Может, он лежит где-нибудь в пересохшем колодце с перерезанным горлом или разбитой башкой. Обычная участь воров и тех, кто заигрывает с чужими женами. Я доверяю нашему атаману, хотя ручаюсь, что ни на грош не верю всем остальным.

— Не могу сказать, что мне нравится идея терпеть их рядом, да еще без тебя, ты не позволил бы им распускаться, — заявила Лейла. — Но чему быть — того не миновать.

— Женщина, — сказал Чемик, — мы не так глупы, чтобы позволять себе вольности с дочерью колдуна в его собственном доме. Он же может обратить нас в скорпионов.

— Что ж, в этом случае нрав ваш не изменится, — заметила девушка, — хотя с виду вы и станете посимпатичнее.

Все от души рассмеялись, вновь придя в хорошее расположение духа.

— Я присоединюсь к вам на днях, — сказал Конан.

Он повернул коня и поскакал на запад. Остальные повернули севернее и направились к дому Волволикуса.

Глава одиннадцатая

— Трое из них переправились здесь через реку, — сказал Бахдур.

Коренастый, узкоглазый человек склонился с седла, изучая следы, оставленные на мягкой прибрежной земле.

— Это точно? — спросил Беритус.

— Они все подкованы тем же кузнецом, что кует Загобаловых коней, — доложил гирканиец.

— Но только трое? — Беритус был озадачен.

— Только трое, — подтвердил Бахдур.

Аквилонец увидел двух своих людей, скачущих по мелководью в излучине реки. Урдос и Амбула выехали на берег и направились к своему вожаку.

— Вчера там была изрядная драка, — сообщил ему огромный котианец. — Море крови на земле, но ни малейшего следа доспехов, оружия или коней. Кто-то победил, не оставив за собой никаких следов.

— Возможно, поэтому их и было лишь трое, — предположил Бахдур. — Может, остальные были убиты в сражении.

— Возможно, — задумчиво пробормотал Беритус.

Ему хотелось броситься за теми тремя, что бежали на север, но он понимал, что должен узнать что-нибудь о происшедшем на другом берегу.

— Амбула, Барка, вы двое скачите за теми тремя, что здесь наследили. Найдите их, но не приближайтесь. Может быть, это и те, кого мы ищем, а может, все они погибли в Иранистане, а эти трое просто забрали коней, украденных у Загобала. Я же скачу туда, чтобы задать несколько вопросов.

Следом за четырнадцатью своими людьми Беритус Аквилонский въехал в воду. Двое поскакали на север.

Конан держал путь на север широкими зигзагами, стараясь отыскать следы Османа. Но пустыня в этих местах была каменистой, и даже для столь искусного следопыта, как Конан, было незаурядным испытанием отыскать следы одного-единственного человека. Он скакал прямо на укрытие, следя за тем, чтобы прибыть туда после наступления темноты.

За полмили до каньона он стреножил коня и оставшийся путь проделал пешком. Перед самым рассветом он склонился у пещеры, где были спрятаны сокровища. Весь путь сюда он не услышал ничего, кроме звуков ночных зверей и насекомых. В воздухе он не учуял и намека на дым. Все это приводило в замешательство. Горожанин Осман не имел никаких навыков ускользнуть в дикой природе. Скорее всего, подумал Конан, он просто заблудился, пытаясь отыскать это место.

Солнце взошло, и Конан, убедившись, что вокруг ни души, сдвинул несколько камней и забрался в пещеру. Свет, проникающий сквозь отверстие, был достаточным, чтобы убедиться, что все лежит именно так, как они оставили. Он вылез и вновь заложил пещеру.

Потом он направился к воде, где вспугнул пару пустынных серн, пришедших на водопой. Прекрасные существа кинулись прочь, и он оглядел землю. И сразу увидел, что несколько всадников скакали через каньон всего несколько дней назад. И это были не люди Загобала, ибо кони их были подкованы не на туранский лад. Эти, понял он, должны быть охотниками

за людьми.

Быстрый осмотр боковых каньонов показал, что охотники не проводили систематического поиска по всей территории, но ускакали в том же направлении, что и убегавшие бандиты. Итак, они были здесь из-за разбойников, а не из-за сокровищ. Но где же Осман?

Киммериец едва не застонал при мысли о той задаче, что стояла перед ним. Но это было необходимо. И он пошел обратно к пещере.

— Где они? — пронзительно визжал Торгут-хан. — Где мои сокровища?

— Мои люди прочесывают всю округу, — сказал Загобал. — У меня двадцать поисковых отрядов переворачивают каждый камень, отсюда и до иранистанской границы.

— Твои люди никуда не годятся! — проревел Торгутхан. — Как никуда не годишься и ты сам, негодяй!

Этого Загобал уже не вынес. Он двинулся к своему начальнику, и Торгут-хан отступил на шаг, понимая, что зашел слишком далеко.

— Не смей говорить со мной подобным тоном, ты, жаба! — загремел Загобал. — Шелковая королевская петля уже затягивается на твоей шее, и что бы ни случилось со мной, тебе отольется тысячекратно. Я достаточно долго терпел твое высокомерие, обиды, даже твои пощечины! Я — твоя единственная надежда, Торгут-хан. Только я могу спасти тебя от ужасной смерти и великого позора. А потому, бросай-ка свои напыщенные бредни!

Физиономия вице-короля побагровела, затем он, казалось, весь обмяк, словно жаба, коей назвал его Загобал.

— Ты прав, мой друг. Королевские казначеи уже в пути, и мы должны помочь друг другу избежать монаршьей ярости. Отыщи сокровища, и с троном все будет в порядке.

Загобал улыбнулся и поклонился.

— Как прикажешь, мой повелитель.

И он пошел прочь, зная, что теперь он здесь хозяин.

В храме Аримана жрецы тайно собирались на важный совет. Вокруг отвратительного алтаря стояли Трагтан, Шоск и Никас, разрубленное чуть ли не пополам тело последнего теперь почти зажило посредством их магических искусств, а также близостью его бога. Жрец Умос по-прежнему был заключен в стене крипты; он был жив, но ощущения его были ужасны, лучше всего его было бы назвать полупереваренным.

— Все в смятении, — сообщил остальным Трагтан. — И это не только преждевременное прибытие нашего бога, нет, я чувствую приближение огромного напора вражеской силы, будто грандиозная армия осадила город.

— Я тоже чувствую это, — сказал Шоск. — Что может это означать? Ощутили ли враждебные боги возвращение нашего повелителя? Пришли они сюда, дабы удержать его от возвращения в этот мир?

— Нет, здесь роятся другие силы, — сказал Никас. — Когда я лежал при смерти, на меня снисходили видения, и в этих видениях я зрил множество огней, разноцветных огней, а некоторые из них казались горящей тьмой, и эти были ближе всего к этому месту.

— Жрецы богов, что ненавидят нашего господина? — спросил его Шоск.

— Нет, я думаю, то были колдуны, маги и чародеи сего века.

— Колдуны! — с сухим смешком воскликнул Шоск. — Мелкие кудесники этого века не

имеют подобной силы! Даже великие маги прошедших веков не могли тягаться с богом!

— Чародеи древней Стигии могли, — нараспев произнес Трагтан. — Короли-колдуны выгнали нашего господина и держали его вне этого бытия неисчислимые века.

— Им помогал Сэт, — сказал Шоск. — Жертвы, что приносили они ради приобретения подобной силы, были почти невероятны. Ни один маг нынешней эры не имеет подобной силы.

— Но столь многие вместе, со столь ослабленным нашим повелителем… — Трагтан помедлил. — Мы должны что-то предпринять.

— Какое же действо от нас требуется? — спросил Никас.

— Прежде всего нам следует искать, — сообщил им Трагтан.

Все они опустили глаза долу и углубились в созерцание клубка змей, что был алтарем Аримана. И постепенно под кровавым светом, столь неестественно струящимся из окон, змеи начали извиваться.

Загобал сидел у себя дома и в глубокой задумчивости грыз кончик своего уса. Сколько времени прошло, а в делах никаких перемен. Вопрос давным-давно должен был быть решен. Возможно ли, чтобы полудикий северный варвар перехитрил его? Невозможно! Всему виной случайные и непредвиденные обстоятельства. Тут в дверь его чуть выше пола трижды постучали древком копья.

— Входи, — сказал Загобал.

Дверь отворилась, и стражник переступил порог.

— Некий человек упорно добивается встречи с тобой, господин. Он велел показать тебе это.

Стражник протянул маленький сложенный клочок бумаги. Загобал развернул его и обнаружил единственный значок.

— Проводи его сюда, а затем оставь нас.

Стражник ушел. Несколько минут спустя в комнату вошел человек в плаще с капюшоном. Когда дверь за ним закрылась, он откинул капюшон. Открывшееся лицо принадлежало Осману из Шангарана. Он церемонно поклонился.

— Я приветствую тебя, наиотважнейший командир Загобал.

Загобал взглянул на вошедшего:

— Где ты запропастился, негодяй? — холодно осведомился он. — Ты обязан был доложить мне много дней назад… разве что ты и впрямь не знаешь то, что должен знать я. В таком случае смерть твоя будет ужасной.

Лицо Османа наполнилось притворной обидой.

— Я потрясен, что ты можешь говорить такое мне, бедному Осману, который на верной службе тебе претерпел подобные невзгоды и лишения. — Его глаза загорелись, наткнувшись на кувшин, что стоял на столе. — Кто, в самом деле, претерпевает столь неимоверную жажду в своей преданности тебе.

— Давай, — сказал Загобал, закипая от злости.

Осман наполнил кубок, осушил его и причмокнул губами.

— Ах, мой повелитель, тебе не представить, каким ужасным пойлом пришлось давиться твоему бедному слуге все эти долгие дни.

— Тебе не представить, как неприятны могут быть мои темницы, пока ты не займешь подвал как настоящий узник, а не как подсадка.

— Нет никакой нужды в этих угрозах, — запротестовал Осман. — Разве все не прошло по плану? Разве я не в точности выполнил все предписания?

— За одним исключением, — в голосе Загобала появилась угрожающая вкрадчивость. — Бандиты и сокровища ускользнули от меня. Где они?

Осман подошел к креслу и уселся поудобнее.

— Ты не доверяешь мне, Загобал.

Глаза командира стражников расширились от удивления.

— С чего бы это мне доверять тебе, злодей?

— Тем не менее ты заверил меня в том, что я буду иметь свободу действий, ведущих к нужному результату, причем безо всякого вмешательства со стороны. — Коротышка наклонился вперед и проговорил: — И все же я узнаю, что ты нанял чужеземных охотников за людьми, дабы прочесать округу в поисках меня и моих былых товарищей.

— Я поступаю так, как считаю нужным, — сказал Загобал. — Ты просто наймит. Не думай, что можешь обсуждать мои решения.

— Лучше было тебе довериться мне. Теперь Конан знает о твоих шакалах и будет действовать с большими предосторожностями. До сих пор он думал, что нуждается лишь во времени, что очень скоро тебя и Торгут-хана в цепях утащат на казнь, и он сможет спокойно распорядиться сокровищами. Теперь он встревожен, а он из тех людей, что по-своему решают проблемы.

— Моему терпению…

Загобал не окончил фразу, ибо в дверь вновь трижды постучали древком копья. И снова стражник открыл дверь, на этот раз лишь заглянув внутрь.

— Здесь аквилонец, командир.

— Пошли его сюда, — распорядился Загобал.

Громадный аквилонец ввалился в комнату, усеянные шипами пластины, что прикрывали кисти его рук, с обеих сторон оцарапали дверную раму. Он слегка пошевелил пальцами, и заскрипели кожаные ремни, перетягивающие предплечья. Холодный, ленивый взгляд его голубых глаз ощупывал Османа.

— Я вижу, твой маленький пес вернулся, — сказал Беритус.

— Чуть раньше, чем его большой шакал, — парировал Осман. — Ты никогда не видел меня так близко. Откуда же ты знаешь меня?

Беритус презрительно улыбнулся:

— Думаешь, тебе нужно напялить золотой тюрбан, чтобы я узнал тебя? Однажды бросив взгляд на человека, как бы далеко он ни находился, я узнаю его ночью на дне преисподней.

— Та стрела прошла дьявольски близко, — пожаловался Осман.

— Бахдур с луком в руках не ошибается. Я бы велел задеть ему твое ухо, но побоялся, что ты лишишься чувств от ужаса и разрушишь план моего нанимателя.

— У тебя есть что доложить? — прервал Загобал.

— За иранистанской границей идет гражданская война, — сказал Беритус, — и киммериец в нее вмешался. Где бы ни проходил этот негодяй, это становится известным. Но у него и его людей не было сокровищ, когда они пересекли границу, как не было их, когда они возвращались назад.

— Я мог бы и сам поведать тебе все это, мой повелитель, — сказал Осман. — Тебе не нужна эта чужеземная скотина.

— Но я чувствую себя много лучше, получая известия из двух источников, — ответил Загобал.

— Примерно четверо или пятеро бандитов останавливались недалеко отсюда, в деревне, где добывают олово… — начал Беритус.

— Я знаю это место, — прервал его Загобал. — Киммериец был с ними? Или колдун?

— Нет. Именно потому они могли спокойно избежать подозрений, что все спрашивали о большом киммерийце и о маге. Затем, несколько дней спустя, еще трое пересекли реку, прямо после битвы на южной стороне между королевскими войсками и шайкой мятежников. Трое были верхом на твоих скакунах. По их следам мы дошли до шахтерского городка. — Большим пальцем он пихнул в сторону Османа. — Этот был с ними, до того как они снова не смылись.

— Именно, — подтвердил Осман. — Когда Конан уехал, а остальные напились, я увидел возможность бежать и доложить тебе обо всем, мой повелитель.

— Был киммериец среди тех троих, кто скакал из Иранистана? — спросил Загобал.

— Да, — подтвердил Беритус. — То были он, колдун и женщина.

— Женщина? — переспросил Загобал. — Мы видели женщину, когда они выбирались из храма, но я посчитал ее заложницей.

— Она дочь чародея, командир, — сообщил Осман.

Загобал засопел своим хищным, крючковатым носом.

— На моей территории свободно орудует странная банда!

— Теперь там всего лишь четверо разбойников, не считая Конана, — указал Беритус. — И колдун со своей дочерью. Семеро против моего отряда — неплохие шансы.

— В бою Конан больше чем один человек, — заметил Осман.

— Кого заботит, семеро их или семь сотен? — сказал Загобал. — Все дело в том, где находятся сокровища. Осман, можешь ты поведать мне это?

— Да, мой повелитель, я — могу, — лениво ответил шангариец.

Загобал склонился над столом, его пальцы тянулись к Осману.

— Так говори быстрее, иначе я попрошу Беритуса резать тебе пальцы, пока ты не выложишь все, что знаешь.

— Ну, разумеется. Тоже мне, великая тайна. Я удивлен, что ты сам до сих пор не догадался.

— Говори! — рявкнул Загобал.

— Сокровища в доме чародея Волволикуса.

Загобал поднял голову и уставился на Беритуса:

— Ты это слышал, пес. И ты заявлял, что его там нет!

Осман повернулся и посмотрел на возвышающегося над ним аквилонца.

— Вот как говоришь, командир? Дай-ка я угадаю, что произошло. Это громадное животное и его приспешники прибыли к дому колдуна и осторожненько, на цыпочках подкрались к двери. Затем, напугавшись призраков, они в панике отступили — сдрейфившая, суеверная братия. Говорил он тебе, что обыскал дом?

— Нет, — сказал Загобал. — Не удосужился.

Беритус схватил Османа за шею и поднял его над креслом, одновременно вытаскивая из-за пояса широкий, кривой нож. Он приставил острое как бритва лезвие к носу шангарийца.

— Я могу доставить себе большое удовольствие, отстругав этот нос, — произнес он почти нараспев. — И человек без носа сможет прожить попрошайкой, уверяя, что потерял

свой отросток в результате какой-нибудь отвратительной болезни. Правда, у него возникнут затруднения, если он имеет склонность к хорошеньким женщинам.

— Хозяин! — возопил Осман. — Неужели ты позволяешь этому злодею так обращаться со своим верным слугой?

— Ну-ка тихо, оба, — приказал Загобал. — Осман, ты уверен в этом? Ты видел его там собственными глазами?

Беритус медленно опустил Османа на место, и коротышка принялся потирать шею, на которой отпечатались толстые пальцы аквилонца.

— Ну, хозяин, что и говорить, на самом деле я не видел его с тех пор, как оно столь чудодейственным образом улетело из храма.

— Состричь тебе голову с этих костлявых плеч за подобные утверждения, — рычал Беритус. — Ибо я точно знаю, что ни один из вас не был в доме колдуна с тех пор, как вы сбежали из Шахпура.

— Успокойся, Беритус, — проговорил Загобал. — Продолжай, Осман.

— Но у меня острый слух, и ночами я подслушивал, что за козни строят киммериец и маг. С самого начала они замышляли перенести сокровища в дом чародея, но никто другой не должен был знать об этом. Другие думали, будто сокровища отправятся в их укрытие на краю пустыни, а потому украли множество верблюдов и доставили их туда ожидать прибытия сокровищ, так чтобы каждый погрузил свою долю и отправился восвояси.

Но когда мы прибыли туда, верблюдов не оказалось! Киммериец и чародей изобразили удивление, хотя на самом деле Волволикус своими чарами провел мужиков к украденным верблюдам. Хитрецы, они убедили людей, будто сокровища переправлены в близлежащую пещеру и что мы должны вернуться к ним с другими животными, когда прекратится погоня.

— И эти мерзавцы поверили? — с сомнением проговорил Беритус. — И не потребовали показать эту пещеру, дабы увидеть сокровища собственными глазами?

— Разумеется, они поворчали, — сказал Осман. — Но колдун заявил, что погоня совсем близко. Мы даже видели столбы пыли, поднимавшиеся над ближайшими холмами. Мы даже могли слышать топот копыт и звон оружия. — Осман пожал плечами и развел руками. — Конечно, теперь-то я понимаю, что это был очередной фокус чародея, но тогда был уверен в обратном. Конан убеждал, что мы должны бежать прямо в Иранистан и не возвращаться, пока Торгут-хана не сменит новый вице-король, а тебя самого не казнят. А уж затем, пока новые начальники будут изучать свои владения, у нас появится благоприятная возможность вернуться и забрать добычу. Мы были сбиты с толку и напуганы, а потому приняли его слова близко к сердцу и убежали.

— Не ожидал от этого грубого варвара подобного ума, — признался Загобал.

— Он не так прост, как иногда кажется, — сказал Осман. — Он много где побывал и служил во многих армиях. И у него в советниках колдун. Несомненно, именно чародей подсказал ему, что нет нужды делить сокровища на всех. И я полагаю, что заговор удался, исключая два неизвестных им обстоятельства: в Иранистане гражданская война, а у тебя среди них шпион. Думаю, смело могу похвастать, что они ни разу не заподозрили меня.

— Я думаю, он лжет, командир, — сказал Беритус, не сводя ледяного взгляда с шангарийца. — У него язык змеи. Я по-прежнему не верю, что маг стал бы убегать с ними, лежи сокровища в его собственном доме.

— Но бандюги не оставили ему выбора, — возразил Осман. — Они сказали, что до дележки все остаются вместе.

— Ты сам говорил, что они могли решить именно так, — указал Загобал.

— Почему тогда киммериец с чародеем не убили всех прочих? — спросил Беритус.

— Ты заметишь, что сейчас бандитов куда меньше, чем когда они прискакали в Шахпур, — заявил Осман. — Их число сократилось наполовину в городском сражении, а затем еще наполовину во время бегства. С остальными тоже проблем не будет. Возможно, маг собирается отделаться и от Конана, вот только дочка его уж слишком вьется вокруг варвара.

— Тогда мы должны проникнуть в дом колдуна, — сказал Загобал.

— Мне это не нравится, командир, — возразил Беритус.

Загобал презрительно уставился на него:

— Ты что, просто ищейка, да? Для драки кишка тонка?

— Я не боюсь киммерийца и его дружков, — сказал аквилонец. — И с удовольствием сражусь с вами. Но у колдуна могущество, это я видел собственными глазами. Его стражи не просто фантомы, что бы ни утверждал этот жалкий червяк.

— Возможно, есть выход из этого тупика, — вмешался Осман.

— Коли так, охотно почерпну мудрости, — сказал Загобал, — даже из такого грязного источника.

— Лучшее оружие против мага, — указал Осман, — это более могущественный маг, не правда ли?

— Да, это так, — ответил командир. — Но этот Волволикус — единственный более или менее могущественный маг во всей округе. Мне некого призвать.

— Не так, хозяин, — возразил Осман.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты должен пойти в новый храм и добиться помощи жрецов Аримана.

Загобал уставился на него, будто усомнился в здравом рассудке этого человека.

— Что? Те жалкие шуты своего нечестивого бога? Уймись! Прежде всего, они оказались беспомощны против осквернения собственной крипты. Кроме того, в день налета я зарубил одного из них, багроворожего жреца, именуемого Никас.

— И все же я слышал, как Волволикус говорит своей дочери, что эти жрецы наводят на него неимоверный ужас. Когда он был в крипте и творил заклинания, дабы поднять находящиеся там сокровища, он понял, что эти — не простые жрецы-дармоеды грязного божества, но чародеи великой силы. Разгневанные осквернением своего храма, они жаждут мести. Они могут прислушаться к твоему зову о помощи. Вполне возможно, что в своем страстном желании уничтожить Волволикуса они забудут о твоей вполне объяснимой вспышке гнева.

— Мне это не нравится, начальник, — сказал Беритус. — Не слушай его.

Загобал ткнул аквилонца обвиняющим перстом.

— Заткнись. Сейчас ты невысоко стоишь в моих глазах. До сих пор ты сделал немногим более, чем просто вынюхивал следы передвижений этих подлых негодяев, в то время как Осман просочился в их ряды. Если он прав, ты полностью ошибался, исключив дом колдуна как наиболее вероятное место, где спрятаны сокровища.

— Я по-прежнему считаю, что прав, и даже если эти жрецы окажут тебе помощь, ты станешь им обязан, а я не сомневаюсь, что они потребуют возмещения долга, и в самых неприятных формах.

— Оставь мне эти беспокойства, — сказал Загобал. Он встал и начал пристегивать

оружие. — Пойдемте, вы оба. Придется обратиться в храм Аримана.

Осман улыбался, Беритус ворчал, когда они оставили покои командира стражников и по ночным улицам Шахпура направились к великому храму. Когда они пересекали площадь, залитую светом луны, будто бы приколотой к острию древней башни, за ними наблюдали оценивающие глаза.

Поднявшись по ступеням, они обнаружили железную решетку опущенной. Беритус заколотил по ней своими усеянными шипами полуперчатками. Глухо звенел металл, многократное эхо наполняло подобное пещере неестественно красное нутро. Несколько минут спустя с другой стороны решетки появилась высокая, скелетообразная фигура.

— Что вам угодно? — осведомился жрец, именуемый Шоск; в красном свете его бугристое лицо казалось еще более отталкивающим.

— Я желаю говорить с Трагтаном, — сообщил Загобал. — Пусти нас!

— Вы осмелились прийти сюда, — сказал жрец. — Что ж, я позволю вам войти.

Он не произнес ни звука, не шевельнулся, но решетка стала подниматься со скрипом, пока отверстие не оказалось достаточным, чтобы трое вошли. Они ступили внутрь, и тут же зубья поползли вниз.

— Следуйте за мной, — сказал Шоск.

Они прошли мимо прекрасных терзаемых кариатид, коих Осман изучил со всем вниманием. В задах, у мрачного алтаря, высились еще две фигуры.

Загобал весь содрогнулся, осознав, что один из жрецов — это Никас.

— Ты! — невольно воскликнул он. — Я думал, ты мертв!

Ледяные, змеиные глаза жреца не мигая смотрели на него.

— Ты думал, что твой ничтожный меч способен умертвить жреца Аримана?

В его смешке не было ничего человеческого. В открытом рту они видели язык, и он казался раздвоенным и мерцал черным в этом ужасном свете.

— Что вам угодно? — спросил Трагтан.

— Ваша помощь, жрец, — ответил Загобал.

— После того, что вы сделали этому храму и нам, ты приходишь просить нашей помощи?

— Я не пришел просить, жрец, — сплюнул Загобал, озлобленный, но все еще не способный унять дрожь при виде целого и невредимого Никаса. — Я пришел предложить вам способ отомстить колдуну, что осквернил вашу крипту.

— Говори, — сказал Трагтан.

— В оазисе недалеко отсюда у чародея Волволикуса есть дом. Именно там он хранит казну, украденную из вашей крипты.

— Так отчего тебе самому не поспешить туда и не забрать сокровища? — осведомился Шоск. — Почему ты пришел к нам, коим нанес столь тяжкие оскорбления?

— У колдуна там могущественные охранные заклятия. Кроме того, он вполне может сам оказаться там, а вместе с ним остатки мерзкой банды грабителей. Мне нужны встречные заклятия, обезоруживающие мага, чтобы я смог войти в этот дом и вернуть казну моего короля. Долгие минуты жрецы не сводили с него глаз.

— Почему ты решил, что жрецам великого бога интересна такая мелочь, как возмездие?

На это Беритус рассмеялся:

— Какая же тварь с душой не жаждет мести? Конечно, вы не обычные люди, но обладаете всеми признаками колоссальной гордости. Бандиты и их колдун оскорбили вас, и

точно так же они оскорбили вашего бога! Вы должны сгорать от желания отомстить, дабы доказать свое превосходство. Ваш бог не поблагодарит вас, если вы оставите подобное действо безнаказанным.

— Что ты на это скажешь? — спросил Загобал.

И снова текли минуты, а жрецы молчали, будто бы общаясь на уровне, недоступном простым смертным.

Наконец Трагтан заговорил:

— Очень хорошо, мы поможем вам. Один из нас будет сопровождать вас к дому этого колдуна и сражаться с охранными чарами во время вторжения.

— Один? — возмущенно проговорил Загобал. — Почему не все трое?

— Определенные дела удерживают нас здесь, в Шахпуре. Наш внушающий ужас повелитель был чрезвычайно потревожен кощунственным вторжением в святыню его храма. Его необходимо умиротворять.

— Он требует жертв? — спросил Загобал. — Если так, мы можем схватить большинство преступников, что сбежали в хаосе дня празднества. Вы можете взять их.

— Наш повелитель нуждается в ином умиротворении, — сказал Трагтан. — Но успокоение требует величайших усилий на сверхъестественных орбитах. Того из нас, кто отправится с вами, будет достаточно для ваших целей.

— Превосходно. Мы выезжаем на рассвете. Ваш представитель должен быть готов отправиться в путь.

Не видя нужды в дальнейших беседах, командир развернулся и зашагал прочь, сразу за ним следовали Осман и Беритус. При их приближении ворота поднялись, будто открылась пасть, и закрылись за ними, судя по всему, без всякого человеческого вмешательства.

Когда они шли через площадь, глаза по-прежнему наблюдали за ними, но провожать не стали, ибо именно храм владел вниманием наблюдателей. Когда троица покинула площадь, низенькая, круглая фигура, закутанная плащом, приблизилась к высокому, более аскетичному человеку, чье лицо было закрыто покрывалом.

— Что бы это могло означать, почтеннейший? — спросил вендиец, чей тюрбан еле различимо блестел в благоухающей цветами ночи.

— Готовится большое зло, у меня нет сомнений, — сказал кхитайский мастер. — В этих троих нет ничего магического, но раз у них дела с теми, кто внутри, это может предвещать следующий этап в попытке жрецов вернуть Аримана в этот мир. Мы должны наблюдать за ними и быть настороже.

— Истинно, мастер, — сказал вендиец, который и сам был чародеем Первого Круга.

Как только над горизонтом занялся рассвет, цепочка всадников выехала из ворот города. Во главе их был Загобал, а за ним скакали Беритус и охотники за людьми. Замыкал шествие жрец Шоск, неуклюже сидящий в непривычном ему седле.

Еще через час высокий человек, облаченный в одежды пустынножителя, вышел из караванного стана, что расположился близ ворот. Он был закутан до глаз, необычно голубых для представителя кочевых племен. Подойдя к воротам, он остановился рядом со стражником.

— У меня донесение для Загобала, командира стражников, — объявил обитатель пустынь. — Не знаешь, в городе ли он?

— Ты лишь немного с ним разминулся, — сказал страж. — Он ускакал только час назад с шайкой чужеземных стервятников и некоторыми другими.

— Стервятников? Ты подразумеваешь аквилонца, о котором я слышал? Охотника за людьми?

— Именно. Они прочесывают округу с самого празднества, все ищут бандитов. Я считаю, что это хорошо, что они оказались под рукой, когда все это произошло, а то для наших людей в этом мало радости.

— Ты подразумеваешь, что они были в городе до большого празднества?

— Ну, — сказал страж. — И все это было странно. — Было совершенно очевидно, что ему до смерти наскучило стоять на посту, и он рад был поговорить. — За несколько дней до празднества те отталкивающие типы въехали в город через эти ворота. И в тот же день они выехали отсюда. Но ходят слухи, что следующей ночью сюда пришел один из командиров, целый час стоял на воротах, и кое-кто утверждает, будто в это время вернулись все те же люди. После того никто в городе их не видел, пока не пришли грабители за королевскими доходами. И тогда эти люди сидели в засадах на крышах вместе со стражниками вице-короля.

— Это действительно очень странно. Не знаешь, куда они поскакали?

— Нет, но как бы то ни было, Загобал не доверил это своим собственным людям, ибо среди покинувших город не было ни одного стражника вице-короля, только чужеземцы. И хотя я с трудом этому верю, но могу поклясться, что видел вместе с ними одного из жрецов проклятого храма, пытающегося укрыться, закутавшись в такие же одежды, как у тебя. Но это был не житель пустынь, потому что он еле держался в седле, да и движутся эти нечестивые жрецы не как нормальные люди. Хорошо бы город очистился от них, а также от их омерзительного храма.

Конан распрощался с говорливым стражем и зашагал обратно к оазису. Он понимал, что облачение пустынножителя вполне способно обезопасить его от разоблачения, но не рискнул доехать до самого города на скакуне из Загобаловых конюшен. Он подумывал совершить очень осторожное убийство, возможно, застав вместе Беритуса и его нанимателя и сразу устранив их обоих. Что ж, похоже, не получилось. Теперь он прокручивал в голове только что услышанное.

Охотники за людьми были в городе уже за несколько дней до нападения на храм! Это означает, что Загобал заранее планировал операцию. Было бы непростительным легковерием посчитать, будто чужеземный отряд случайно оказался в городе, именно когда в этом возникла нужда. Итак, Загобал использовал. Конана, дабы завлечь всех бандитов в город!

Он сидел и размышлял у пруда оазиса, не обращая внимания на шумных караванщиков и их вонючих верблюдов. С того самого бешеного налета он постоянно или сражался, или убегал, и не было времени все хорошо обдумать. Неужели все это просто для того, чтобы захватить бандитов? Не может быть. Загобал с Беритусом, так подготовившись, вполне могли переловить всех, а не половину, позволив остальным сбежать.

— Прокляни меня Кром за дурость! — вслух проговорил он, уставившись на мальчика-бедуина, что держал поводья пьющего коня. Киммериец вскочил на ноги. Загобал не собирался возвращать эти сокровища Торгутхану и королю. Он намерен оставить их себе! Теперь многие незначительные события прошедших дней складывались в единую картину, обнаруживая смысл там, где его раньше не было.

Те стражники, что стояли за окном его темницы и так вовремя обсуждали грядущее празднество и местонахождение всех королевских податей — тот разговор был частью Загобалова плана, а люди, возможно, нанятые актеры.

А затем стала понятной и основная часть загадки.

— Осман! — вскрикнул он, еще больше встревожив паренька, поившего коня.

Конечно! Этот угодливый маленький воришка как раз оказался в соседней темнице, откуда он мог переговариваться с киммерийцем через дыру в стене. Он был уверен, что сможет поднять тяжелую наковальню. А ее вместе с молотом и зубилом оставили прямо на лестнице, а не в караулке, где обычно находятся подобные вещи. Командир стражников пошел на все, чтобы поймать и надежно заточить Конана, он знал, что это единственный разбойник, способный перебить стражу и выбраться из темницы, дабы вернуться в свою банду и спланировать ограбление храмовой крипты. Но почему он был так уверен, что киммериец найдет способ вытащить сокровища?

Он вспомнил вечер в укрытии, когда они обсуждали план. Встала проблема перемещения огромного веса, и… Снова Осман! Именно он посоветовал Волволикуса в качестве выхода из затруднительного положения. У Загобала не просто был свой человек в стане Конана, командир стражников разработал весь план! Конан почти невольно восхитился человеческим коварством. Ведь Загобал годы должен был потратить, замышляя это, собираясь баснословно разбогатеть за счет Торгут-хана. Новый храм с его криптой и присутствие в округе грозного киммерийского разбойника обеспечили дальнейшее.

Лишь одну вещь не мог предвидеть Загобал: куда прилетят сокровища. А потому ему был необходим Осман, чтобы доложить об этом. Но бандиты с самого грабежа следили друг за другом, словно коршуны, и у Османа не было возможности бежать. Ему доверяли еще меньше, чем прочим, ведь до налета на храм он не был членом шайки.

Мысли все вертелись у него в голове, а киммериец уже был в седле и скакал во весь опор. Не удивительно, что Осман напялил этот бросающийся в глаза тюрбан! Он опасался, что по ошибке его могут убить в заварухе, и обезопасил себя. Конан вспомнил и стрелу, что просвистела так близко от тюрбана. Должно быть, она была не случайной, а выпущенной для правдоподобия. Он вспомнил того, что выпустил стрелу в его собственное седло. И это тоже была уловка? Хотел ли Загобал дать ему выбраться живым, чтобы он мог привести остатки банды, включая Османа, в место, где укрыты сокровища?

Все это в прошлом. А теперь есть более насущный вопрос: куда отправился Загобал? С ним ли Осман? Если так, не ведет ли их маленький вор к пещере, где укрыты сокровища? Все это очень возможно, судя по тому, что командир стражников не взял никого из своих людей, только наемников. Действительно, он не может рисковать, чтобы хоть один человек, преданный Торгут-хану, узнал месторасположение сокровищ.

Но при чем тут жрец из нового храма? Тут Конан оказался в тупике. Возможно, страж ворот обознался. Конан ясно понимал одно: он должен мчаться к дому колдуна и застать там своих уцелевших людей, а также колдуна, и скакать с ними к укрытию. Вдруг они смогут застигнуть Загобала и его людей, пока те вытаскивают сокровища.

Он понимал, что схватка будет безрассудной, ибо его банда куда как уступала числом, а люди Беритуса, несомненно, лучшие воины, чем его собственные. С другой стороны, он знал, без ложной скромности, что сам может восполнить численное превосходство противника. Если колдун сможет помочь им своими смертоносными чарами, наступит равновесие. Конану отвратительно было использовать колдовство для победы, но слишком уж серьезная сложилась ситуация, чтобы позволить сомнениям так или иначе ослабить свое положение.

Он скакал до глубокого вечера; когда вдалеке показался дом колдуна, глазам варвара предстало жуткое зрелище.

Глава двенадцатая

— Остановимся здесь, — сказал Беритус.

Они были в лощине под высоким, каменистым земляным хребтом. Прямо за хребтом стоял дом Волволикуса.

— Почему так далеко? — удивился Осман. — Мы можем подъехать гораздо блюке.

— Мы должны оставить коней здесь, — сказал Беритус. — Стражи колдуна достаточно ужасны и для людей. Для лошадей они еще страшнее. Когда мы убирались отсюда несколько дней назад, многие из нас не могли оседлать коней, так напуганы были животные.

— Он преувеличивает, — сказал Осман.

— Тем не менее, — проговорил Загобал, — это разумный совет. За последнее время я потерял слишком много коней и больше предпочитаю не терять. Если мы останемся здесь без лошадей, нам предстоит долгое-предолгое возвращение в Шахпур.

Люди спешились, и Беритус оставил с животными тощего пуантенца, сущего по виду разбойника. Дальше они пошли пешком. С Беритусом во главе все они быстро и бесшумно вскарабкались по хребту; даже змееподобный жрец оказался куда более подвижен на ногах, нежели на конской спине. Лежа за гребнем, они посмотрели вниз.

Под ними лежал окаймленный деревьями водоем, мерцающий в свете восходящей луны. Маленькие окна дома светились меняющими цвет огнями. У пруда были привязаны кони, а от крыши дома поднималась струйка белого дыма.

— Похоже, они вернулись. — В словах Загобала мелькнуло удовлетворение.

— Точно, — сказал Беритус. — До того мы бились только со стражами, которых маг оставил охранять место в свое отсутствие. Теперь он дома, и кто знает, какого рода демонов он способен призвать.

— Лежа здесь, мы ничего не добьемся, — сказал Загобал. — Аквилонец, тебе лучше известно, как использовать своих людей. Нам нужно проникнуть в этот дом.

— Да, я знаю, как использовать их, да и прочих твоих псов. — Он повернулся к Шоску. — Жрец, можешь ты сказать, обнаружил ли нас колдун, и наготове ли у него заклятия, чтобы встретить нас?

— Ты думаешь, такие вещи, блестя, распространяются в воздухе, дабы их можно было обнаружить, как сигнальные огни, горящие на вершине холма?

— Мне до того дела нет, но были же какие-то причины взять тебя с собой. Настолько серьезные, что пришлось замедлять ход, терпя твою идиотскую езду. Без тебя мы были бы здесь час назад.

— Когда Волволикус пустит в ход свои чары, ты, дурачина, будешь очень рад, что я с вами.

— Смотри уж, постарайся, жрец, — предупредил Беритус.

— Похоже, что тебе возглавлять нападение, — сказал Осман аквилонцу. — С воином, подобным тебе, это не выглядит сложной задачей.

— Нет, это буду не я. Ты пойдешь первым, шангариец.

— Я? — в тревоге воскликнул Осман. — Я не лезу в великие драчуны или герои.

— А тебе и не нужно. Нет, ты открыто подойдешь к двери, выкликая имена своих товарищей и крича, что ты заблудился в пустыне. У такого вероломного негодяя, как ты, не возникнет трудностей предать их дважды.

— Но они убьют меня! — запротестовал Осман.

— Это будет хорошее испытание твоему гладкому, лживому языку. Все последующие годы ты будешь гордиться собой и этим представлением.

Осман повернулся к Загобалу:

— Хозяин, я согласился быть шпионом и фальшивым членом их банды. Вот этот чужеземный головорез взял на себя обязанность служить рубакой и наемным бандитом! Вели ему прекратить эту трусливую болтовню, и пусть идет в атаку.

— Не будет вреда, если мы сможем убедить их уменьшить защиту. Иди, Осман. Мы будем близко, держась вне поля зрения за деревьями.

— Но…

— Иди! — прорычал Загобал.

Объятый ужасом коротышка встал и принялся спускаться с гребня холма. Остальные поступили так же, следуя в нескольких шагах за ним. Они сходили со склона к оазису, камешки разлетались под их ногами. Беритус и его люди, опытные охотники, двигались абсолютно бесшумно. От жреца Шоска тоже не доносилось ни звука, но это не выглядело результатом долгого опыта, а будто бы являлось свойством его натуры, ибо он казался скорее змеем, нежели человеком. По сравнению с ними продвижение Османа сопровождалось оглушительным шарканьем. Последним шел Загобал, его зоркие глаза держали под наблюдением их всех, уши ловили легчайший звук. Наконец они подобрались достаточно близко, казалось, оставшись незамеченными.

— Конан! — позвал Осман, приблизившись к дому. — Убо! Ауда! Вы там, друзья мои? — В нескольких шагах от двери он остановился. — Почтенный Волволикус! Обворожительная Лейла! Вы дома?

Дверь отворилась, и в проеме показалась громоздкая фигура с обнаженной сталью в руке. Это был Чемик, его огромное брюхо свисало над алым поясом, глаза щурились во тьму.

— Кто еще там? Осман, это ты?

— Чемик, мой друг! Я все дни напролет блуждал в пустыне, страдая неимоверно. Наш атаман здесь? — Он сделал еще несколько пробных шажков к дому.

— Не так быстро, — предостерег разбойник. — Почему ты исчез из деревни, пока мы бражничали?

За Чемиком появился Убо и стал вглядываться через плечо товарища своим единственным, недоверчивым глазом.

— Ах, друзья мои, вы же знаете мою привычку влипать в истории с женщинами. Жена мастера с рудника оказалась очень хорошенькой и меня нашла столь же привлекательным. Ее муж весь день проводил на руднике, оставляя нам полную свободу для развлечений. Но он вернулся домой не вовремя, и мне пришлось бежать через окно. Много миль он гнался за мной по бесплодной пустыне. Когда в конце концов я потерял его из виду, то обнаружил, что и сам потерялся. Со временем я набрел на стойбище кочевников, украл коня и определил свое местоположение. Я не посмел возвратиться в деревню, а потому направил стопы сюда, зная, что вы прибудете в дом колдуна.

— Сюда? — сказал Убо. — Мы считали, что такой подлый шакал скорее направится к…

Рука Османа медленно ползла за пазуху. И в этот момент он стремительно выдернул ее, занес за плечо, рука рванулась вперед и вниз. Как только нечто крутящееся сверкнуло в воздухе, Чемик, быстрый, как кошка, невзирая на свои габариты, прыгнул назад и захлопнул дверь. Кинжал Османа попал в створку, на мгновение завис там, трепеща, а затем докрасна

накалился. Он менял цвет от темно-красного до ярко-оранжевого, и, наконец, осыпался потоком белых искр.

За деревьями кто-то пронзительно вскрикнул. Загобал резко обернулся и увидел одного из охотников, обвитого гигантской змеей, толстой, как мужское бедро. Нечто человекообразное и волосатое обрушилось с пальмы на другого и раздирало его зубами и когтями.

— Они среди деревьев! — крикнул Беритус. — Уходим из-под крон!

— Делай что-нибудь, жрец! — приказал Загобал.

Но Шоск уже бормотал, его голос звучал так тихо, что люди во внезапно взорвавшемся оазисе едва слышали его, хотя он заставлял дрожать деревья и скалы. Узоры на двери накалились и засверкали, кромка ее задымилась.

Ставни окон резко распахнулись, хлопнув о стены так, что полетела штукатурка. Яркие лучи света вылетели из проемов, окрашенные непрерывно меняющимися огненными цветами, лучи стремительно двигались с места на место. Голубой сразу менялся желтым, а в это время зеленый становился алым, затем фиолетовым, и все это со скоростью неуловимой. Цвета некоторых были совершенно неестественны, они сбивали с толку глаз и делали все вокруг еще менее реальным. Загобал увидел человека, попавшего в луч чистого белого цвета. Пойманный таким образом, тот с воплем застыл на месте. Затем плоть потекла с его костей кровавыми, дымящимися клочьями. Через три удара сердца там стоял лишь почерневший скелет, затем он обрушился шипящей черной грудой.

— Стрелы в окна! — крикнул Беритус.

И немедленно его лучники нацелили свое оружие; лучи, казалось, не влияют на стрелы, ибо те влетали в раскрытые окна, не отклоняясь и не сгорая. Изнутри донесся пронзительный вопль.

— Наконец что-то и к нашему благу, — промолвил Загобал.

Сверкающее, изменчивое существо с распростертыми конечностями выросло из земли у его ног. Меч Загобала, быстрый, как мысль, мелькнул сквозь бестию. Командир почувствовал легчайшее сопротивление, затем существо рассеялось исчезающими частицами тусклого света.

— Некоторые из стражей колдуна — просто иллюзии, — сказал он.

— Где Осман? — спросил взбешенный Беритус. — Он действовал слишком поспешно и обнаружил нас! Я перережу ему глотку!

Тут как раз одно из обезьяноподобных чудовищ напало на аквилонца, и Загобал увидел быстроту, хладнокровие и мастерство охотника за людьми. Беритус не делал ненужных движений, не позволял страху ни в малейшей степени завладеть им.

Его левая рука вылетела вперед, и он погрузил пальцы в горло существа, держа его на расстоянии вытянутой руки. Не обращая внимания на клацающие челюсти и загребающие лапы, он орудовал коротким, тяжелым лезвием своего кривого меча. Он пропихнул лезвие в брюхо и повернул его, моментально выпотрошив животное. Затем он выдернул дымящуюся сталь и обрушил ее на покатый череп, раскалывая кость и рассыпая зубы. Тварь билась в судорогах несколько мгновений, затем стихла. Беритус бросил тушу и огляделся в поисках следующего врага. Загобал знал, что обычный боец рассек бы себе вторую руку этим последним ударом.

Шоск вытащил из сумки, висящей у него на запястье, нечто, похожее на травяной шар, и швырнул его к дому, где шар стал расти, твердеть и выбрасывать побеги, что вытягивались,

обвивая все стены; красные искры ползли по сети щупалец, пока все сооружение не покрылось движущими, мерцающими красными точками. Световые лучи, что били из окон, заколебались и угасли.

— Это уж слишком, — невозмутимо заметил Беритус при виде троих своих людей, сражающихся с чем-то, похожим на краба размером с быка. Огромной клешней существо ухватило руку одного из них, в то время как остальные двое обрушивали топоры на хрупкий панцирь, обрубали лапы и обнажали вываливающиеся внутренности. — Нам следует вернуться к лошадям!

— Я в считанные минуты уничтожу всю его защиту! — прошипел жрец.

— Многие из нас могут умереть за эти минуты, — возразил Беритус.

Загобала поколебали сверхъестественные призраки, но он жаждал сокровищ. В любом случае убивали не его людей. Как раз когда мысль эта пронеслась у него в голове, один из охотников за людьми наступил на нечто невидимое и был тут же охвачен зелеными языками пламени, лижущими его тело. Он закричал, рухнул на землю и продолжал метаться, даже когда зеленое пламя угасло. Обожженный человек выл, пока товарищ не избавил его от мучений, перерезав горло кинжалом. На мгновение хлынула кровь, и несчастный замер.

— Мы остаемся, — решительно произнес Загобал. Затем он огляделся по сторонам. — Осман! — крикнул он. — Где ты, шакал?

Над грядой огни освещали небо, будто далекие молнии, но молнии невиданных цветов. Конан слышал грохот и слабые крики. Некое существо с крыльями летучей мыши взметнулось в воздух с извивающейся фигурой в зубастой пасти и полетело на север. Прямо перед собой киммериец услышал стук копыт, затем около двух десятков лошадей проскакало в лощине. Конан натянул поводья, и когда лошади пробежали мимо, он увидел единственного человека, скачущего среди оседланных коней без седоков. Наездник, пригнувшись, хлестал лошадь по крупу. Затем они скрылись из виду, и Конан поехал дальше.

На земле лежало человеческое тело, окруженное многочисленными следами копыт. Конан остановился и спешился. Он сел на корточки и исследовал труп. Он не знал этого человека, но у того были пуантенианские пояс и кинжал, а также прическа, хотя широкое одеяние пустынника было обычно для этой местности. Человек был заколот сзади, кинжал аккуратно прошел между ребрами и вонзился в сердце. Если это один из охотников за людьми, размышлял Конан, тогда он убит кем-то знакомым, ибо никто другой не мог быть в засаде в этом месте.

Он въехал на вершину гряды, и перед ним предстало разыгравшееся внизу побоище. Лучи, идущие от дома, гасли, а само строение казалось окутанным сверкающими угольками. Несколько человек, по-прежнему окружавших хижину, сражались с жуткими, сверхъестественными существами, но эти жестокие схватки вскоре завершились, и внизу почти все стихло. Он увидел маленькую группу людей, стоящих перед дверью. Один был Загобал. Другой выглядел как жрец из храма. Третий — огромный человек, по виду очень опасный. Его движения подсказали Конану, что это грозный боец. Похоже, атакующие одержали верх.

Его внимание привлекло негромкое ржание. Несколько лошадей стояли, привязанные у дальнего от дома конца водоема. Жестокое сражение, непривычные зрелища, звуки и запахи взволновали коней, но они были надежно стреножены и быстро успокоились. Конан направился к лошадям.

— Ты можешь сделать эту дверь безопасной для нас? — спросил жреца Загобал.

— Сейчас паутина Аримана высасывает силы отсюда, — ответил жрец. — Когда последние красные огни потухнут, вся магическая энергия этого места иссякнет, и вы сможете войти.

— Какие ловушки могут ожидать нас внутри? — осведомился Беритус.

— Вся магическая сила будет выкачана отсюда, — сказал Шоск. — Если вы не способны справиться с людьми, что заперлись там, это ваша проблема, и я не могу вам помочь. А мощь колдуна исчерпана.

— С людьми я справлюсь, — сказал Беритус.

— Тогда действуй, — скомандовал Загобал.

Беритус начал расставлять своих людей, основную массу перед дверью. Остальные, с натянутыми тетивами, заняли места у окон. Двое повалили пальму и принялись обрубать листья, готовя таран.

— Мы готовы, — объявил Беритус.

— Подожди, — велел Загобал, в то время как последние красные искры гасли на кажущейся хрупкой паутине, как умирающие светляки. Наконец потухли все, и паутина распалась, будто сделанная из пепла.

— Пора! — скомандовал Загобал.

Беритус взмахнул рукой, и люди с тараном кинулись вперед. Мягкий и сочный пальмовый ствол был не столь эффективен, как настоящий таран из твердого дерева, но постепенно прочная дверь начала поддаваться, провисая на петлях и засове. Люди нервно мусолили оружие. Лучники стреляли в окна, но не желали тратить слишком много стрел, ибо не видели цели.

— Скоро она слетит, — злорадно проговорил Загобал. — И тогда — сокровища мои.

Конан вел лошадей задами постройки. Он двигался осторожно, но люди, окружившие дом, были так заняты, что никто даже не взглянул в его сторону. Привязав лошадей на безопасном расстоянии, он скрытно начал приближаться к задней стене дома. На этой стене было единственное окно, и в нескольких шагах от него стояла пара стрелков с луками наготове.

Они не услышали, как сзади подобрался киммериец. Его кинжал уже вонзился в горло одного, когда второй только поворачивал голову. Конан выдернул свой нож из шеи первого и жестоко полоснул по гортани другого, отделяя плоть и хрящи, пронзая тело до самого спинного хребта. Двое упали почти одновременно, кровь их мешалась на песчаной земле. Он вытер лезвие о рубаху одного из них и бесшумно подошел к самому окну.

— Убо! Чемик! Волволикус! Вы живы? — произнес он громким шепотом.

Он отпрянул в сторону, когда длинный кривой меч, удерживаемый рукой с серебряным браслетом, вылетел наружу. Ударом кулака Конан выбил оружие.

— Это я, дурачина! Конан!

— Как ты сюда попал? — спросил Убо, потирая ушибленное запястье.

— Не в этом дело. В тылу никого нет, и у меня поблизости лошади. — Тяжелые удары доносились со стороны фасада. — Сколько вас осталось в живых?

— Ауде в ногу попала стрела, но все мы можем держаться в седле.

— Тогда быстро идите со мной. Они вскоре ворвутся через дверь.

Четверо разбойников, не задерживаясь, вывалились из окна и направились к лошадям, туда, куда указал палец Конана. Ауда сильно хромал, но от прочих не отставал. Лейла толкала в проем отца, отягощенного узлом с книгами и инструментами.

— Брось это, — настойчиво зашептал Конан.

— Я не могу, — заявил маг. — Это вся моя жизнь.

— Они сейчас предоставят тебе всю твою смерть, — сказал Конан. — Женщина, поторопись!

— Я кое-что оставлю для них, — сказала она. — Это займет лишь мгновение.

В ожидании киммериец кипел от злости; наконец она, будто голубка, выпорхнула из окна, и Конан подхватил ее. Она звучно поцеловала варвара, выскользнула из его рук и побежала. Он бежал сразу за ней.

— Что ты оставила им? — спросил он.

— Просто кое-какие вещи, что больше нам не понадобятся… немного пакли, старого масла и огоньку.

Они бежали в ночь, где остальные, уже верхом, ожидали их.

Беритус велел остановиться.

— Она слетит через три или четыре удара. Будьте наготове.

Но все и так были насторожены и возбуждены.

— Что это за дым? — спросил Загобал, принюхиваясь.

В ночном воздухе явственно ощущался запах дыма.

— Возможно, один из моих людей догорает, — сказал Беритус.

— Свет внутри! — крикнул лучник, стоявший у одного из окон. — Пламя!

— Они подожгли дом, — пробормотал Беритус. — Продолжайте!

Изготовленный на скорую руку таран ударил о дверь еще три раза, когда дым повалил из окон. С четвертым ударом толстая преграда была сокрушена. С напором воздуха пламя поднялось высоко вверх, охотник, державший таран впереди, отпрыгнул, сбивая пламя с рукава.

— Несите воду! — крикнул Загобал. — Используйте все, что под руку попадется. Шлемы, сумки, все, что держит воду! Кто-то ищет ведра или кувшины!

Вместо предполагаемой схватки все охотники занялись тушением пожара. Но тщетны были их попытки сбить пламя, ибо та малая толика воды, что они могли выплеснуть, только шире разливала горящее масло. Огонь достиг сухого дерева стен и крыши из пальмовых листьев и с ревом поднялся на пятьдесят футов в небо.

— Отойдите назад, — крикнул Беритус. — Это бесполезно.

Люди отступили и сели на землю, некоторые из них перевязывали свои раны. Жар, исходящий от горящего дома, все усиливался.

— Зачем они сделали это? — удивился Загобал, подергивая ус.

— Наверное, не пожелали встречаться с твоими казематами и орудиями пыток, — предположил Беритус.

— Мошенники и бандиты? Никогда не видел такого, что добровольно распростился с жизнью. Они всегда стараются продлить свое жалкое существование еще хоть на день, хоть на час.

— Это мог сделать колдун или женщина, — заметил аквилонец. — А все разбойники могли быть убиты нашими стрелами. Что бы ни случилось, у тебя мало поводов для

беспокойства. Если сокровища там, такое пламя не слишком их повредит.

— Пожалуй, — проговорил Загобал, несколько успокоенный.

— Я должен осмотреть своих людей.

Беритус отправился считать мертвых и оценивать раненых.

— Ну, жрец, — сказал Загобал, — ты удовлетворен своей ночной работой?

— Так я мог бы сказать, окажись я в доме и видя, что находится внутри. Если колдун мертв и если я не увижу признаков того, что он способен принести нам еще больший вред, тогда, пожалуй, я буду удовлетворен.

— Это странные слова, — проговорил Загобал. — Его дом разрушен, а сам колдун почти наверняка мертв. Чего еще ты можешь пожелать? И что ты подразумеваешь, говоря «еще больший вред»?

— Это имеет отношение только ко мне и моим собратьям, — ответил жрец.

Затем его изрытое лицо вновь обратилось к горящему дому.

Беритус вернулся к ним, когда пламя уже утихло.

— У меня шестеро убитых, а четверо так изранены, что не один месяц от них не будет никакого толку! Осталось всего семеро, считая меня самого!

— Мне-то что до этого? — холодно сказал Загобал. — Люди дешевы. Пойдем посмотрим, что там.

— Двое моих людей лежат у задней стены с перерезанными глотками, — сообщил Беритус. — Они следили за единственным задним окном. Кто-то должен был подкрасться к ним со спины. Это означает, что та сторона дома оставалась без наблюдения, возможно, еще до того, как мы заметили пламя. — Он разглядывал наливающееся яростью лицо Загобала. — А вот теперь пойдем посмотрим, что там.

Первые лучи солнца осветили разорение, что постигло маленький оазис. Трупы людей и ужасных существ валялись повсюду. Пальмы были ободраны, а дом лежал разоренной, обугленной грудой. Только пруд оставался нетронутым, воды его спокойно мерцали в утреннем свете.

Беритус впереди, они вошли в обгоревший остов без крыши; горячие твердые угли хрустели под их сапогами и сандалиями.

— Амбула, — сказал Беритус, — это не подходящее место, чтобы ходить босиком. Возвращайся за гребень холма. Вместе с пуантенцем приведи наших лошадей.

Темнокожий человек отсалютовал пикой и поспешил выполнять приказание своего командира.

Они осмотрели главную комнату, затем маленькие. И ничего не нашли, кроме пепла. Там не было человеческих останков.

— Где же они? — спросил Загобал.

— Здесь лестница, — сообщил шемит Варка, поднимая обуглившуюся крышку люка. — Там подвал.

— Если кто-то и укрылся там, то должен был задохнуться, — сказал Беритус.

— Но на всякий случай будьте начеку. Урдос, ты первый.

Массивный котианец вытащил из-за пояса свой топор с короткой рукояткой и спустился по лестнице; шаги его были необычайно легки для такой туши. Минуту спустя он крикнул снизу:

— Здесь никого, но это странное место.

— Они смылись! — разъярился Загобал. — Эти болваны, что были сзади, позволили

убить себя и дали сбежать бандитам!

— Успокойся, туранец, — презрительно вымолвил Беритус. — Много с собой они унести не могли.

Вспомнив истинную причину, по которой он находится в этом месте, Загобал бросился вниз по лестнице и остановился посреди рабочего кабинета чародея. Помещение казалось пустым, если не считать странного каменного стола; света, падавшего сверху, было достаточно, чтобы увидеть сплошь покрытые удивительным резным узором стены и потолок. В остальном место было еще более пустым, чем комнаты наверху.

— Где мои сокровища? — изо всех сил завопил Загобал. — Я хочу, чтобы твои люди перевернули здесь все, пока не найдут их!

— Его здесь нет, — сказал Беритус, спускаясь по ступеням. — И никогда не было, как я тебе и говорил. Все это было напрасно, потому что ты предпочел слушать этого лживого, подлого негодяя Османа. Которого, между прочим, нигде не могут найти. Вряд ли есть надежда, что его унесло одно из этих чудищ.

— Отправляемся за ними!

— Именно это я и собираюсь сделать, — сказал Беритус, — ибо раз я задался целью поймать человека, я должен схватить его. Но это единственная причина, так как поручение твое уже обошлось мне дороже вознаграждения.

— Меня не волнуют твои проблемы, охотник, — сказал командир стражников. — Просто выполняй свои обязательства.

Аквилонец поднялся по лестнице, а вниз спустился жрец. Не обращая никакого внимания на разъяренного туранского воина, Шоск подошел к столу, пробежал своими отвратительно длинными, гибкими пальцами по изрезанной запутанным узором поверхности. Загобалу показалось, будто у пальцев этих куда больше суставов, нежели имеет обычный человек.

Оставив в покое стол, жрец принялся исследовать стены и потолок; при этом, следуя за линиями орнамента, он издавал негромкие, свистящие звуки. Почувствовав отвращение, Загобал вернулся наверх. Он обнаружил Беритуса, как раз когда вернулся Амбула.

— Где лошади? — спросил аквилонец.

— Они ускакали, — ответил человек из Пунта. — А пуантенец мертв, заколот в спину.

— Теперь нас шестеро, — сказал Беритус. — Шестеро, и мы пешие.

— Здесь ты ошибаешься, — сообщил Загобал. — На другом конце водоема есть несколько лошадей. Сходите за ними, и мы можем отправляться в Шахпур. За остальными пришлем потом.

— Тех коней тоже нет, — сказал Беритус, спокойный тон его скрывал безумную злобу. — А как, ты полагаешь, убежали бандиты и колдун? Бахдур нашел место, где они вскочили на коней и были таковы. Один человек прискакал, забрал тех лошадей, отвел их за дом и убил моих людей. Возможно, именно он убил пуантенца, а возможно, то сделал Осман. Но первый, безусловно, киммериец. Среди них только он способен проделать такое незамеченным.

— Конан! — Загобал с трудом сдерживал душащую его ярость. — Неужели этот варвар будет преследовать меня до самой могилы?

— Могу добавить, что он прискакал на одном из твоих коней. Некоторые из тех, что были привязаны на том конце пруда, тоже из твоих конюшен. Это видно по их подковам.

Загобал побагровел и чуть было не обнажил меч. Беззлобный взгляд и ровный голос

аквилонца заставили его остановиться.

— Не путай меня с безоружным жрецом, Загобал, — предупредил он. — Ты труп, если поднимешь на меня оружие. Нам нужно идти, пока утро хранит прохладу. Возьми себя в руки, и давай отправляться. Если пойдем по следу, то, возможно, встретим наших убежавших коней.

Загобал резко отвернулся и пошел в сторону разрушенного дома. Ему необходимо было успокоиться. Он понимал, что нуждается в этом человеке, если хочет когда-нибудь увидеть сокровища и убить киммерийца. Он вновь спустился в подвал и обнаружил жреца все так же изучающим кабинет чародея.

— Мы должны идти, — сказал Загобал.

— Так идите, — ответил Шоск, не глядя на него.

— Коней нет. Мы идем пешком. Пора оставить это место.

Тут жрец повернулся и вперился в него своими змеиными глазами.

— Возвращайся в свой город как можешь, туранец. Я остаюсь здесь. У меня есть работа, которую я должен завершить. Я сам найду обратный путь. Можешь обо мне не беспокоиться.

— Будь уверен, не беспокоюсь, — сказал Загобал. Он поднялся по лестнице и вышел из руин. Мысли его были черны.

Убо, Чемик и Мамос долго смеялись, осчастливленные этим неожиданным бегством, когда все, казалось, было кончено. Ауда тоже был счастлив, но раненая нога так болела, что ему было не до смеха. Колдун был хмур, а Конан молчал. Лейла казалась довольной этой скачкой в ночи и, похоже, совершенно не переживала о разрушенном доме.

— Что там произошло? — спросил Конан, убедившись, что они отъехали на безопасное расстояние.

Он скомандовал замедлить ход, и они ехали рысью под звездами пустыни.

— Маг предупредил нас о их приближении почти за час до того, как Осман позвал из-за…

— Осман? — перебил Конан. — Он был там?

— Да, и это он привел их! — сказал Убо. — Он позвал нас из-за двери, и мы собрались убить его, но колдуну еще нужно было время, чтобы завершить свои чары, а потому мы немного поговорили с коротышкой. Потом он метнул в Чемика кинжал, и тут началась потеха!

— Хотелось бы мне увидеть побольше, — сказал Мамос, — но в окна летели стрелы, и выглядывать было небезопасно. Звучало так, будто они крутятся в огромной мельнице!

За этим последовал новый взрыв хохота. Даже Ауда издал слабый смешок.

— Мы должны остановиться и осмотреть ногу Ауды, — сказала Лейла.

— Мужчина моего племени способен скакать день и ночь с ранами потяжелее, — возразил обитатель пустынь.

— Как только будет достаточно света, мы устроим привал, — сказал Конан. — Их коней угнали, а потому пройдет немало времени, прежде чем они смогут организовать серьезную погоню. К этому времени мы уже будем недосягаемы.

— Куда теперь, атаман? — спросил Убо.

— В самую глубь пустыни, — сказал Конан. — Нам следует держаться каменистых мест, чтобы оставлять за собой как можно меньше следов. Будем останавливаться у малейших источников воды и избегать населенных мест. Так и вернемся к нашему старому

укрытию.

— Что, уже пора делить добычу? — спросил Мамос, его злобная рожа расцвела, будто у счастливого ребенка.

— Да. И нам следует проделать все с величайшей осторожностью, ибо тайна сокровищ может быть раскрыта. Осман оказался предателем, и кто знает, на что способен этот негодяй?

И они поскакали в ночь.

Глава тринадцатая

Перед самым полуднем Конан объявил привал. Они далеко углубились в бездорожье, и много часов на глаза им не попадалось никаких человеческих следов. Они спешились и принялись разминать затекшие мышцы. Лейла проверила повязку, что наложила этим утром на ногу Ауды. Местность здесь была полупустынной, поросшей кустарником. Не было ни овец, ни других домашних животных, только случайные пустынные газели или величавые сернобыки — осторожные существа, с тревогой изучающие этих странных пришельцев, готовые ускакать при первом намеке на опасность.

— Рана могла быть и хуже, — сказала Лейла. — Но она не заживет, пока он будет в седле. Я знаю целебные травы, возможно, они растут здесь. Есть у меня время поискать их?

— Да, — сказал Конан. — Мы можем переждать здесь дневную жару и отправиться вечером. У нас явный недостаток продовольствия. Будь у меня лук, я подстрелил бы газель.

— Отличная идея, — сказал Убо, потирая воспаленную задницу. — Все эти драки и побеги возбуждают аппетит. Вряд ли чародей сможет наколдовать нам лук и несколько стрел?

Волволикус вздохнул:

— Нет, но раз уж выдалось несколько спокойных часов, я обращусь к своим книгам. Думаю, что, когда мы отправимся, я смогу вызвать несколько маленьких вихрей, что заметут за нами следы.

— Что ж, это будет полезное времяпрепровождение, — одобрил Конан. Он нагнулся, подобрал несколько камней размером с кулак и положил их в поясную сумку. — Я пойду за травами вместе с Лейлой. Возможно, мне удастся подбить камнями несколько зайцев. В Киммерии десятилетний мальчишка считается совершенно никчемным, если он не способен добыть себе обед парой камней.

— Я думаю, это лучше, чем ничего, — сказал Чемик, раскатав одеяло и растягиваясь на земле. — Женщина, когда будешь искать свои целебные травы, посмотри и какие-нибудь пряные, чтобы скрасить наш обед.

— Хорошо, что вы так умелы в воровстве, — заметила Лейла, — ибо большинство из вас слишком лениво, чтобы прожить как-то иначе. Я не удивлюсь, если по возвращении обнаружу вас мертвыми из-за того, что вы забудете дышать.

— Женщина с острым языком отвратительна богам, — сказал Мамос, устраивая себе навес из плаща, дабы преклонить голову в тени. — Но на этот раз я прощаю тебя.

— Ауда, — сказал Конан, — одолжи мне свое копье. — Если я застану врасплох животину покрупнее, попытаюсь подбить.

— Возьми, — сказал обитатель пустынь. — Пока оно мне не понадобится.

Конан и Лейла покинули лагерь. Они прошли с полмили, женщина время от времени останавливалась, чтобы рассмотреть некоторые растения. Каждый раз она отбрасывала находки, оказывающиеся либо негодной разновидности, либо негодного возраста. Конан швырнул камень в зайца, но на дюйм промахнулся и попал в большой валун. С громким треском разлетелись осколки, а быстрый зверек убежал целый и невредимый.

— Должно быть, голодные мальчишки живут в Киммерии, — заметила Лейла, — если ты им пример. Ты распугал всех зайцев за мили вокруг.

— Я примериваюсь, — ответил раздраженный Конан. — Я… Кром! Что это там?

Он указал на северо-запад. С той стороны прямо по направлению к ним вышагивала одинокая, издалека казавшаяся крошечной фигурка.

— Можно попробовать угадать, — сказала Лейла. — Я бы сказала что это человек.

— Да, но… но что делает здесь человек, один-одинешенек? Он идет прямо сюда, будто знает, что мы здесь.

— Почему бы и нет? Мы же знаем, что он там. Он может оказаться отшельником или странствующим благочестивцем. Такие не являются чем-то необычным в пустынных местах. Они ищут уединения, дабы предаваться размышлениям вдали от людской суеты.

— Не знаю, — сказал Конан, почесывая свой заросший щетиной подбородок. — Есть в нем что-то внушающее беспокойство.

— Вскоре мы узнаем, — ответила она. — Еще немного, и он будет здесь.

Они наблюдали за приближением незнакомца. Что-то в его движениях казалось киммерийцу неправильным. Человек шел так, будто под ногами у него была превосходная мостовая, не обращал никакого внимания на неровности почвы, все эти колдобины, холмики и камни. По одежде Конан признал кхитайца. На нем, невзирая на палящее солнце, не было никакого головного убора, только длинные белоснежные волосы.

Когда человек подошел ближе, Конан вздрогнул, поняв, что тот идет с закрытыми глазами. Несомненно, подумал он, слепой не может шествовать так уверенно, даже без посоха, чтобы нащупывать дорогу. Его удивление сменилось ужасом, когда он увидел, что веки пришельца сшиты крошечными стежками. Такая же шелковая нить держала плотно сжатым его рот.

— Кром и Лир! — воскликнул Конан, поднимая для броска копье.

Человек шевельнул пальцами, и мощный удар неизвестного происхождения, пройдя через стальное копье, болью отозвался в кисти и по всей руке Конана, не обжег, но мгновенной судорогой свел мускулы. С невольным криком он выронил копье.

— Мои извинения, — сказал человек, — но ты был близок к тому, чтобы совершить серьезную ошибку. — Лицо его было абсолютно неподвижно, но слова слышны превосходно и, казалось, произносились нормальным голосом.

— Мое имя Фенг-Юн. Я чародей из Кхитая, верховный мастер Первого Круга, Нефритовая Персона Ордена Белого Совершенства. Я пришел посовещаться с туранским колдуном Волволикусом.

— Я дочь Волволикуса, — как ни в чем не бывало сказала Лейла, будто подобное было ей не в новинку. — Я провожу тебя к нему, но сначала я должна найти хорошо высушенную Луну Аштарот. У нас в лагере раненый, и я должна перевязать его рану.

— А, тебе нужно то, что мы называем Цветком Красного Восхода. Я только что прошел мимо такой травки. Я дам ее тебе.

— Это было бы очень любезно с твоей стороны, достопочтенный господин.

Конан потер сведенную судорогой руку, затем подобрал копье и последовал за ними.

— Что за дела у тебя с Волволикусом? — спросил он. — Как ты отыскал нас?

— Это к тебе никак не относится, — сообщил ему кхитаец. — Ты варвар с севера, не так ли?

— Я один такой во всей округе, — признал Конан.

— Ты человек рока. Было бы у меня время, я с удовольствием побеседовал бы с тобой о смысле истории. Но время поджимает, и вместо этого я должен посовещаться с моим коллегой, уважаемым Волволикусом.

— Что же это за срочность? — спросил Конан, совершенно озадаченный.

— Дела наши столь весомы, что, если мы не достигнем успеха в наших потугах, дальнейшей истории может просто не быть, а потому нет и необходимости говорить с тобой.

Конан в этих словах не обнаружил никакого смысла.

— Все, чего я хотел, это совершить большое ограбление и отомстить, — сказал он. — Как же дела могли так усложниться?

— У тебя были достойные цели, — одобрительно вымолвил Фенг-Юн. — Я и сам совершил несколько блестящих грабежей, хотя подозреваю, что украденные мною вещи не показались бы тебе ценными. Также я знаменит такой местью, что вызвала всеобщее восхищение даже в Кхитае, где месть почитается за искусство. А, вот мы и пришли.

Длинным, заостренным, украшенным драгоценностями ногтем он, не наклоняя головы, указал на землю. Лейла нагнулась и принялась дергать траву, осторожно, чтобы не повредить корни.

— Превосходно! — воскликнула она. — Растение погибло и начало сохнуть, будучи в самой силе, как раз после минувшего полнолуния. Такого экземпляра я бы не отыскала, броди хоть целый день. Я благодарю тебя, кластер Фенг-Юн.

— За три или четыре столетия, дитя мое, — сказал он, — можно наловчиться в этих делах. А теперь я должен идти и поговорить с твоим почтенным родителем.

— Я пойду с тобой, — сказала она.

— А я поохочусь, — сообщил Конан.

Он-то надеялся иначе провести время с девушкой, раз уж они удалились от всех, но пришествие этого причудливого чужеземца выбило из его головы все игривые мысли.

Двое удалялись в сторону лагеря, а Конан возобновил охоту. Глаза его ощупывали окрестности, но мысли были далеко. Дела приобретали какой-то сверхъестественный оборот, и это ему не нравилось. Он чуть было не собрался пойти куда попало и вовсе не возвращаться в лагерь. Не то чтобы он нуждался в остальных. Своим мечом он мог проложить себе путь в любом уголке мира. Он мог спать на земле и бесцельно бродить, пока не уйдет подальше от этих отталкивающих чудес.

Но он знал, что завершит свою авантюру. Нет, он не жаждал сокровищ. На самом деле они мало что значили для него. А что до мести, то скоро все будет кончено, король Турана покарает Торгут-хана и Загобала. Колдун был нужен только для того, чтобы унести сокровища, а женщина… что ж, мир полон женщин.

Нет, думал он, он дойдет до конца, пусть это глупо, но не в его обычаях оставлять товарищей и бросать дело на полпути. Конечно, разбойники — народ никудышный, как он неоднократно убеждался, но когда Конан из Киммерии с кем-то объединяется, он остается честен… пока не предают его.

Думы о предательстве заставили его вспомнить об Османе. Что-то сейчас поделывает порочный, маленький вор? С первого разговора через стену, что разделяла их темницы, Осман занимался только кознями, столь сложными, что от постижения их у Конана закружилась голова. Каков будет его следующий шаг? Он мог поскакать прямо к сокровищу, но коли так, на что ему надеяться, ведь он способен унести лишь мизерную часть добычи. А потом будет схвачен. Даже если он верит, что все разбойники убиты в доме Волволикуса, ему известно, что Конан по-прежнему на свободе и вскоре вернется к разрисованной пещере.

Или он собирается заручиться чьей-нибудь поддержкой? Чтобы погрузить всё, ему нужен изрядный караван, но тогда придется делиться. Он не получит больше своей

справедливой доли, что досталась бы ему, останься он верен своим товарищам, даже если его новые компаньоны не перережут ему глотку и не заберут себе все. На собственном горьком опыте Конан знал, что очень немногим можно доверять вблизи огромного богатства.

Он совсем запутался в этих мыслях, как вдруг вспугнул одинокую газель. При его приближении она выскочила из-за куста и быстрыми скачками понеслась прочь. Но Конан оказался еще расторопнее. Единым движением он вскинул за плечо правую руку и выбросил ее вперед. Сверкающее копье, нацеленное в точку далеко впереди скачущей газели, описывало изящную дугу. Животное успело прыгнуть еще один раз. В воздухе пути газели и копья пересеклись. Острие вонзилось под лопатку, газель упала на бок и несколько мгновений брыкалась в агонии. Потом она замерла.

Киммериец ухмыльнулся. Хотя бы некоторые вещи по-прежнему просты и убедительны.

Он отнес небольшую тушу в лагерь, где обнаружил Волволикуса и кхитайца погруженными в беседу на языке, который он никогда не слышал. Лейла разводила маленький костер, а остальные дрыхли. Конан подошел к Убо и пихнул его носком сапога. Одноглазый туранец заворочался и, щурясь спросонья, посмотрел на киммерийца.

— А! Обед! — наконец сказал он.

Конан сбросил тушу на широкое брюхо Убо.

— Можешь выпотрошить ее.

Убо сел, ворча при этом:

— Чего не сделаешь, чтобы осчастливить атамана.

Он встал и вытащил кинжал.

— Отойди подальше от лагеря, — сказала Лейла. — На требуху слетятся мухи со всей округи.

— Как прикажешь, моя госпожа, — проворчал Убо.

Взвалив на плечо газель, он поплелся в пустыню. Конан выбрал не самое каменистое место и растянулся на земле, накрывшись от солнца своим бурнусом. Через минуту он уже спал.

Без всякого проблеска чувств в своих змеиных глазах Трагтан слушал отчет Шоска. Они и Никас стояли в крипте под храмом. От окружающих стен доносились тяжелые вздохи, а жуткие, колеблющиеся стены, казалось, сами по себе движутся, пульсируют, сжимаются, будто нутро огромного желудка. Вдобавок к неестественной геометрии этого пространства зрелище для простого смертного было совершенно безумным. Но жрецы Аримана не выражали эмоций, только отмечали действительно ощутимые изменения.

— Это беспокоит, — наконец произнес Трагтан. — Но уверен ли ты, что правильно разобрал иероглифы?

— В этом не может быть сомнений, — настаивал Шоск. — Колдун, именуемый Волволикусом, — мастер стигийского искусства Кхелкхет-Птеф. Самого древнего и самого могущественного из всех стигийских искусств, хотя стигийцы этого века и забыли об этом. Много веков они применяли его в основном, чтобы двигать огромные камни для своих бесконечных тщеславных строительных проектов. Они ценят это мастерство немногим больше, чем магическое подспорье каменщику.

— Глупцы! — проговорил Никас. — Неужели они не понимают, что это древнейшее из магических искусств, управляющее кристаллом, истинная сущность которого неизмеримо превосходит твердое вещество, что образует его грани.

— Наше счастье, что они не сознают этого, — сказал Трагган. — Достаточно могущественный мастер Кхелкхет-Птеф при желании способен расколоть этот мир на части, разорвав его кристаллическую структуру. Подозреваю, что древние стигийцы так и не поняли этого. Они предпочитали покорять своей воле демонов и добиваться расположения мелких богов.

— Означает ли это, что наши планы меняются? — спросил Шоск.

— Нет, — ответил Трагтан. — Прежде всего, мы уже не способны остановить события. — Своей паучьей рукой он обвел омерзительную крипту. Тяжелые стоны, доносящиеся от стен, будто принадлежали огромному чудовищу, изнемогавшему от голода. Трое содрогнулись, даже на их бесстрастных лицах проступила тревога. — Вы видите? Вы слышите? Мы не можем остановить происходящее. Но я думаю, у нас мало причин опасаться этого Волволикуса. Несомненно, в своем искусстве он разбирается не лучше стигийцев, ибо именно они наставляли его, а сам он довольствуется затворничеством в этом заброшенном углу этой туранской страны выродков. Нет сомнений: если бы он понимал, какими силами может распоряжаться, то царствовал бы, подобно жрецам-королям Стигии.

— Будем надеяться, что ты прав, — сказал Никас. — Между тем каковы наши дальнейшие действия?

— Мы должны всеми силами помочь нашему ужасному господину в его возрождении в этом мире. Это уже не может быть пришествием во всей славе, которого мы ждали так долго, но теперь я думаю, что героическими трудами последних дней мы избежали катастрофы, которой боялись.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Шоск. — Эта чрезмерная поспешность его возвращения почти гарантирует, что наш повелитель не только окажется необычайно слаб, но еще и почти безрассуден, не способен осознавать даже самого себя.

— Да, но недолго, — уверил Трагтан. — Нашими трудами во имя повелителя, с помощью призываемых нами сил он быстро обретет все свои способности. Конечно, разрушения будут ужасны, но это обычный путь повелителя Аримана. Что за дело нам до уничтожения миллионов смертных, до разрушения земли и воздуха? Важно, что мы, его верные рабы, будем жить, служа ему в его новом царствовании, и он сделает нас повелителями нового творения.

— Слава ужасному повелителю Ариману, — в один голос пропели остальные.

— Превосходно, — сказал Чемик, своими редкими зубами обрывая с кости полоски мяса жареной газели. — Наш атаман — великий охотник, а госпожа Лейла — превосходная стряпуха.

— Избавь меня от своих похвал, — отозвалась Лейла. — Ауда, ты можешь есть?

— Немного, — проговорил тот.

Обитатель пустынь был в лихорадке, его бедро воспалилось, раздувшись почти вдвое. Лейла сообщила, что так и должно быть, и пообещала, что теперь, с припарками из трав, рана быстро заживет. Она вырезала несколько тонких полос мяса из мягкой части и передала Ауде.

Конан ел, погрузившись в думы. Разбойники же, даже Ауда, поглощали пищу совершенно беззаботно. Они впивались зубами в огромные куски и кинжалами отсекали лишнее, чуть не лишаясь при этом собственных носов. Энергично причмокивая, они жадно жевали, сало и кровь струились по их подбородкам на штаны и рубахи.

В другой раз и варвар мог так же легко забыться, не думая о будущем. Но сейчас он не мог не думать обо всем этом. Разрывая жесткое, но вкусное мясо своими сильными, белыми зубами, он наблюдал за двумя чародеями. Те не прервали своего разговора, и ни один из них не проявил ни малейшего интереса к еде.

Убо швырнул в кусты обглоданную кость, и тут же притаившийся шакал побежал, крепко сжав ее в зубах. Трое его сородичей кинулись за ним, пытаясь отнять добычу. Убо рассмеялся:

— Эти существа мне по сердцу! Сражайтесь, братья!

— Я заметила сходство, — сказала Лейла.

— Атаман, — проговорил Мамос, на мгновение отрываясь от еды, — похоже, это неплохое место. Отсюда далеко до Загобала и охотников за людьми. Здесь некому следить за нами. Если мы отыщем поблизости воду, почему бы не остаться здесь и не дать королю еще несколько дней, чтобы он успел содрать шкуры и сжечь Торгут-хана и его пса?

— В этом есть здравый смысл, — согласился Конан. — Но я не могу отдыхать, зная, что Осман где-то строит свои козни. Либо он уже в нашем укрытии, либо направляется туда. Если первое, то мы должны застать его там и убить. А если второе, нам следует ждать там его прибытия.

— А что, если он покажется не один? — спросил Чемик.

— Здесь есть о чем подумать, — признал Конан. — Мне кажется, он должен стремиться заграбастать все сокровища себе, но он слишком много раз доказывал свою сообразительность. Он может считать всех вас мертвыми и думать, что лишь мы с ним знаем, где лежат сокровища. Возможно, он надеется убить меня.

— Эта маленькая крыса? — удивился Убо. — Он видел тебя в деле. Несомненно, он придумает что-нибудь поумнее.

— Есть много способов убить человека, не только в открытом бою, — сказала Лейла. — Отравленная стрела в спине так же смертельна, как любой меч. Дюжина наемников способна повалить величайшего воина. Впрочем, не мне вам рассказывать о возможностях убивать.

— Тут ты права, — сказал Конан. — Но вот что сейчас пришло мне в голову: прошлой ночью он привел Загобала и охотников к дому колдуна и убедился в том, что все вы должны умереть. Мог он надеяться, что стражи Волволикуса убьют также и всех остальных?

— Точно, и многие были убиты, сам можешь подтвердить! — воскликнул Чемик.

— Хотел бы я знать, многие ли остались в живых, — проговорил Конан, — ибо теперь я не сомневаюсь, что на нашем пути стоят только они. Загобал стремится сам получить все золото, а потому не может использовать свою армию, иначе Торгут-хан узнает, где находятся сокровища.

Чародеи завершили свою беседу. Кхитаец встал и повернулся к остальным.

— Вы все отправляетесь в Шахпур, — объявил он.

Бандиты ошеломленно посмотрели друг на друга. Затем они расхохотались.

— Ты выжил из ума, старичина, — сказал Чемик. — Чего мы не видели в Шахпуре? Никогда больше я не удостою своим посещением этот город, ибо не жду там радушного приема, а если его жители вдруг почувствуют ко мне расположение, то просто повесят меня.

— И тем не менее, — повторил Фенг-Юн, — вы должны отправиться в Шахпур.

Мамос лениво поднялся и вытащил из-за пояса кинжал — кривое десятидюймовое, безжалостно заточенное лезвие.

— Думаю, пора его успокоить. Расстроенные мозги противны богам.

Приближаясь, он злобно глядел на кхитайца и поигрывал лезвием. Фенг-Юн сделал единственный жест, и руку бандита скрутило судорогой. Нож вылетел из онемевших пальцев, чуть не задев Убо.

— Митра! — завопил Мамос. — Что это? Гадюка впилась в мою руку.

Он тер мускулы, вздувшиеся узлами от запястья до плеча.

— Я мог бы предостеречь тебя, — сказал Конан. — Но я решил, что тебе следует убедиться самому.

Затем он обратился к Фенг-Юну:

— Почему мы должны ехать в Шахпур, кхитаец? У всех нас есть серьезные причины никогда больше не смотреть на этот город. Убо прав.

— Происходят события куда более важные, чем ваши ничтожные сокровища. Определенные вещи должны совершиться в Шахпуре, и вы поможете нам довести их до благополучного финала. Вы будете скрыты куда надежнее, чем теми маскарадными костюмами, что вы напялили, когда были там последний раз. Волволикус доставит вас куда пожелаете. Прислушайтесь к моим словам. Я убежден, что вы не хотите навлечь на себя проклятие.

— Нисколько не хотим, — с отвращением проговорил Убо. — Что мне простое сказочное богатство, когда вместо этого я могу послужить диковинному чародею из Кхитая?

Ирония не коснулась ушей Фенг-Юна. Не произнеся больше ни слова, он повернулся и зашагал по пустыне в сторону Шахпура.

— Я рад, что он наконец ушел, — сказал Чемик, убедившись, что кхитаец уже не может его услышать. — От этих глаз и этого рта у меня мурашки по коже бегали. А от его речей их становилось еще больше. — Он повернулся к Конану. — Атаман, мы действительно собираемся выполнить его требование?

— Вы должны, — сказал Волволикус. — Насколько сила моих чар превосходит силу уличного факира, настолько сила кхитайца превосходит мою. Даже среди чародеев Первого Круга Фенг-Юн выделяется устрашающей силой. Может быть, он даже могущественней Тот-Амона.

Это имя было знакомо Конану.

— Тогда нам действительно не стоит рисковать навлечь его проклятие. Волволикус, его маскировка действительно защитит нас?

— Защитит. Он не желает вам зла, но ужасные дела творятся сейчас, и он нуждается в помощниках. Когда вы похитили из крипты сокровища, то изменили ход некоторых колдовских упражнений, что вершились там. Это делает вас… Трудно выразить мирским языком, но это делает вас единственными, кто может вернуться в крипту и завершить разрушение тех дел, которым нельзя позволить свершиться.

Убо изумленно посмотрел на него:

— Вернуться в крипту?

— Слушай его, — сказал Ауда. — Может, там лежит еще одно сокровище.

— Ага, — вымолвил Мамос, гримасничая и сгибая пальцы правой руки. — Наверное, этот новый колдун призовет одного из знаменитых кхитайских драконов, чтобы унести наше золото.

Со злобным ворчанием он принялся за поиски своего кинжала.

— У вас нет выбора, — сказал Волволикус. — И у меня тоже. Моя дочь также должна

идти туда, а вы понимаете, что мне это вовсе не по душе.

— Что ж, раз мы должны ехать, значит, должны ехать, — заявил Конан. — Но нет нужды скакать по дневной жаре. Когда закончите трапезу, я хочу, чтобы все вы осмотрели своих коней. О скакуне Ауды я позабочусь сам. Затем можете поспать, ибо ночью не удастся. Мы прибудем к стенам Шахпура до рассвета. Возможно, способность этого мага замаскировать нас и велика, но у меня все равно нет никакой охоты въезжать в ворота средь бела дня. Мы должны проехать рано-рано, в сумрачном свете.

— Вашу маскировку обеспечит вендийский маг Азока, — сообщил ему Волволикус. — Он мастер иллюзий.

— Кхитай, а теперь Вендия? — проговорил Конан. — Что означает это сборище чародеев, Волволикус?

— Кое-что, чего бы ты знать не пожелал, — ответил маг — Но завтра все откроется вам.

— Почему не сейчас? — с подозрением осведомился Чемик.

— Не спрашивай, — с улыбкой сказала Лейла. — Ибо я подозреваю, что, знай мы правду, никто из нас не смог бы заснуть.

Этим они и удовлетворились.

Глава четырнадцатая

В серых утренних сумерках Волволикус велел остановиться. Они находились внутри гряды невысоких холмов, рядом с дорогой на Шахпур. Все вздрогнуло, когда некая фигура отделилась от валуна, что лежал всего в нескольких шагах перед ними. Человек сидел на камне, скрестив ноги, и так неподвижно, что даже зоркий Конан принял его за часть валуна. Но это оказался маленький круглый мужчина, просто одетый и с большим тюрбаном на голове. Он домиком соединил ладони у подбородка и низко, от пояса поклонился.

— Приветствую, друзья мои. Я Азока, скромный чародей из Каликхата, что в Вендии. — Когда он говорил, его тюрбан чуть светился. — Я здесь, дабы обеспечить каждому из вас новое обличье, ибо я считаюсь сведущим в искусстве айя, что на вендийском языке означает «иллюзия».

— Надеюсь, что ты считаешься более чем просто сведущим, — сказал Конан, — ибо все наши жизни в твоих руках.

Вендиец улыбнулся:

— Действительно, некоторые столь великодушны, что полагают меня более чем сведущим.

Солнце все еще было за горизонтом, когда они подъехали к большим воротам Шахпура. Те как раз со скрипом открывались, и рядом толпились крестьяне, торговцы, караванщики, что ночевали в становище за стенами города. Киммериец и его спутники терпеливо ждали своей очереди, ибо теперь им не годилось ломиться вперед. Ведя на поводу своих лошадей, они лениво прохаживались позади толпы.

— Имя и дело? — вопрошал чиновник у ворот.

Он оглядывал вновь прибывших и наконец остановился на маленькой группе туранских крестьян. Старшим был Волволикус, его длинная белая борода опускалась на грудь. Конан был крепким чернобородым кузнецом. Лейла оказалась шестнадцатилетним мальчиком. Остальные были крестьянами и ремесленниками. Иллюзия была полной. Даже кони стали деревенскими клячами, а когда Конан открывал рот, любой слушатель отнес бы его выговор к туранской глубинке.

— Мы из деревни Ухвас, — сказал Волволикус. Он перечислил их вымышленные имена. — Мы пришли подать прошение Торгут-хану об уменьшении наших податей. Урожай в этом году скудный, да еще болезни овец и коров.

— Можете просить все, что пожелаете, — сообщил чиновник. — Но предупреждаю вас, что сейчас не лучшее время говорить с вице-королем о податях. Так, четверть динара с каждого человека и четверть динара с каждой лошади. Всего с вас три с половиной динара.

Волволикус покопался в своей суме и вытащил несколько монет. Он внимательно пересчитал их и отдал затребованную плату.

— Следующий! — крикнул чиновник.

— Все прошло гладко, — сказал Ауда.

Он сильно хромал, но мог идти, опираясь на плечо Чемика.

— Надеюсь, все остальное пройдет так же гладко, — сказал Конан. — Теперь мы должны отыскать конюшню. Ауда, ты останешься с лошадьми. Я не знаю, чего добивается от нас колдун, но если придется покидать город в такой же спешке, как в последний раз, человек с раненой ногой бежать не сможет. Но ты должен держать лошадей наготове.

— Можешь на меня положиться, атаман, — с облегчением проговорил Ауда.

Как и все остальные, он совершенно не желал принимать участия в том, что бы там ни задумал колдун.

Подобно большинству городов, зависевших от караванной торговли, в Шахпуре был участок для содержания и торговли лошадьми, верблюдами, ослами и мулами. Он находился поблизости от городских ворот, и здесь разбойники обнаружили подходящее стойло.

— Я возьму ваши деньги и позволю вам пользоваться стойлом, — сказал конюх, презрительно оглядывая лошадей. — Но я не понимаю, зачем вам тратить деньги. Эти мешки с костями можно было привязать где угодно.

Одна из лошадей встала на дыбы и стала брыкаться, не желая заходить в стойло. Передним копытом она разнесла тяжелую перекладину.

— Они сильны духом, — сообщил Конан изумленному конюху. — Тебе не придется иметь с ними дело. Наш товарищ позаботится обо всем.

— Как пожелаете, — сказал конюх, роняя монеты в кошель.

Они шли от загона, где находились конюшни, по направлению к центру города. Площадь была оживленной и шумной, но по сравнению с толкучкой в день празднества казалась полупустой. Какое-то время они бродили между прилавками, делая вид, что разглядывают товары и убеждаясь в надежности своей маскировки. И нигде они не вызывали ни малейшего подозрения.

— Не думаешь ли ты, — спросил Убо, — что нам бы очень пригодился этот вендийский маг? Похоже, его искусство пришлось бы кстати в нашем ремесле.

— Убо, — сказал Мамос, — в твоем новом обличье у тебя два глаза. Ты сейчас видишь обоими?

Убо взял с прилавка крошечную фигурку божества Бес с телом карлика и головой льва, поднес ее к левому глазу, повертел так и сяк. Правый глаз он закрыл.

— Нет. Слепой, будто камень.

Мамос пожал плечами:

— Тогда его магия не так уж велика.

— Что мы будем делать? — спросил Конан у Волволикуса.

— Мы должны ждать. Не думаю, что днем нам предстоит что-либо важное. Полночь — более подходящий час. А пока мы играем роль неотесанных деревенщин, приехавших в огромный город. Глазейте на красивые здания, восхищайтесь рыночными фиглярами, только не напивайтесь до бесчувствия.

— Он думает, что мы пьяницы, — обиделся Чемик. — Мы рыцари коня и меча, но при нужде можем сыграть простых работяг или мужиков, что роются в земле.

— Твоя снисходительность — прекрасный пример для нас всех, — сказала Лейла.

Конан подтолкнул ее:

— Говори поосторожней. Деревенский паренек не посмеет дерзить старшим.

— Я вижу, мне предстоит тяжелое испытание, — вздохнула она.

Они отыскали на площади тенистое место и уселись там, держась поближе друг к другу и время от времени заговаривая с горожанами и приезжими. Было совершенно очевидно, что простой народ сторонится храма Аримана. Перед ним оставалось широкое открытое пространство, ибо люди, приходящие на площадь, избегали приближаться слишком близко и широкой дугой огибали храм. Деревья, что росли у храма, высохли, хотя все остальные на площади цвели. Фасад выглядел еще более дряхлым, чем раньше. Казалось, зданию этому не

меньше тысячи лет.

— Смотрите! — воскликнул Мамос, когда вечерние тени вытянулись через всю площадь. Семь всадников на запыленных конях единой шеренгой выехали на площадь. Впереди был Загобал с лицом мрачным, как песчаная буря в пустыне. За ним следовал огромный аквилонец, такой же хмурый. Остальные были людьми угрожающего вида и разных наций.

— Возможно ли, что это все, что осталось от них? — пробормотал Убо. — Нет сомнения, мы великие воины, раз так сократили их число!

Остальные согласно хихикали.

— Они умудрились поймать несколько лошадей, — сказала Лейла. — Конан, что это за люди? Я узнаю гирканийцев, но остальные мне не известны.

— Тот великан за Загобалом — аквилонец, — объяснил Конан, — и на нем отметины гладиатора. Следующий человек из Кофа. Тот, что в белом халате, — из Шема, страны выдающихся лучников. Смуглый, что скачет босиком, судя по виду, из Кешана или Пунта. Ты видишь, как глаза его ощупывают землю даже здесь, в городе. Он следопыт. А еще один — замориец.

Конан внимательно изучал Беритуса, впервые увидев его так близко. Этот человек выглядел одним из самых грозных противников, что когда-либо встречались на пути Конана. Все его оружие было высшего качества, а минимум доспехов указывал на то, что в бою он полагается на умение и скорость больше, чем на пассивную оборону. Затянутые кожей и сталью кисти и плечи остались ему в наследство от гладиаторских времен, и это тоже было немаловажное оружие.

Остальные были мастера, каждый своего дела, и, вероятно, превосходные бойцы. У Конана не возникало иллюзий по поводу боевых качеств его собственных людей, куда более привычных нападать и убивать из-за угла, нежели в открытом бою. Доведись вступить с ними в схватку, охотники за людьми имели бы явное преимущество даже в столь урезанном составе.

— Они не выглядят такими уж ужасными, — сказал Мамос.

— Ты думаешь? — откликнулась Лейла. — Когда они были рядом, ты лежал на брюхе, прижавшись к полу и съежившись от страха.

— Лейла, — предупреждающе сказал Конан.

— Мои извинения, — пробормотала она без всякого раскаяния в голосе.

— Знаешь, — лениво протянул Убо, — сейчас, возможно, хороший случай уничтожить их. Учти, насчет нас у них нет никаких подозрений, ведь мы просто грязные крестьяне, не стоящие их внимания. Можем подождать, пока они спешатся, как бы невзначай зайти с тылу, а потом каждый из нас всадит кинжал в спину.

— Одному из нас придется очень поторопиться, — заметил Мамос. — Их семеро, а нас только шестеро. Атаман, почему бы не прикончить Загобала и аквилонца? — Его взгляд стал еще более злобным, чем обычно.

— Я запрещаю! — сказал Волволикус. — У нас здесь куда более важные дела, нежели драка с Загобалом.

— Как ты сказал? — Мамос совсем рассвирепел. — Молю тебя, объясни, что же это за дело, более важное, чем убийство врага? Либо эти свиньи будут преследовать нас, пока мы все не умрем, либо убьем их первыми! Убо прав. Почему бы не расправиться с ними прямо сейчас, когда измененное обличье дает нам преимущество?

— Успокойтесь, вы все, — сказал Конан. — Мне тоже хотелось бы всех их прикончить, но это известные и понятные нам враги. Мамос, помнишь, что случилось, когда ты поднял сталь на кхитайца? Думаешь, он не мог и убить с такой же легкостью? Здесь такие вещи, с которыми не следует шутить.

— Атаман прав, — поддержал его Чемик. — Один враг за раз. Человеку больше не нужно.

Смеркалось. Лейла прошла вдоль прилавков и вернулась с хлебом, фруктами, сыром и легким пивом. Все принялись за еду, ожидая, что же произойдет.

— Ну и стол, — проворчал Мамос, с отвращением морща нос при виде скудной еды и кислого пива. — Как бы я хотел запить крепким вином несколько пухленьких жареных курочек! Пойдемте поищем таверну.

— Мы что, развлекаемся? — осведомился Конан. — Помни, ты бедный крестьянин и должен жить на гроши, заработанные тяжелым трудом. Ты больше не разбойник, что отбирает заработанное у других.

— Вот и стемнело, — проворчал Мамос. — Кто же обратит на нас внимание?

Сетования утихли, и они задремали, сидя на том же месте. Они не привлекали внимания прохожих, ибо в залитых солнцем южных городах не редкостью были просители, много дней проводившие в ожидании, прежде чем быть услышанными. Перед каждым казенным зданием можно было увидеть сидящих на скамьях или просто на земле людей, ожидающих аудиенции. Но в этом случае долго ждать не пришлось. Незадолго до полуночи к ним подошел кхитаец.

Конан очнулся от дремоты, когда взошла луна, будто наколотая на шпиль башни, а за луной сияли звезды, подобные россыпи бриллиантов, сапфиров и рубинов на пелене из черного шелка. По положению этих звезд Конан понял, что время близко к полуночи.

Перед ними предстали загадочный кхитайский маг и вендиец. Были здесь и другие: туранец, не отличающийся от местных жителей, но только худой как скелет, а также иноземцы, происхождения которых Конан распознать не смог.

— Время настало, — сказал кхитаец.

Тут и остальные, проснувшись, стали разглядывать пришельцев.

— Время для чего? — осведомился Конан.

— Внимайте мне, — сказал Фенг-Юн. Казалось, он сидит, паря в воздухе, в то время как его спутники образовали плотное кольцо вокруг ожидавших. — Азока, примени свое искусство.

Вендиец быстро что-то произнес нараспев, взмахнув руками, казалось, без какого-либо результата.

— Теперь никто не увидит и не услышит нас, — сказал Фенг-Юн. — Подойди кто-то даже совсем близко, он не заметит ничего.

— А что, если они пойдут прямо через нас? — равнодушно спросил Мамос.

— Тот, кто приблизится, просто обойдет нас, — объяснил Азока, — сам не понимая почему. Так же, как они огибают пространство перед этим проклятым храмом.

— Я думал, люди просто полагают, что он выглядит зловеще, — сказал Конан.

— Тебе и твоим людям по душе барахтаться в зловещих местах, — заметила Лейла.

— Так то простое и понятное зло смертных, — объяснил ей Убо. — Этот вид зла мы любим.

— Давайте вернемся к делу, — терпеливо проговорил Волволикус. — Полночь близится.

— Да, — сказал Фенг-Юн. — К делу. Знайте теперь, что жрецы этого храма стремятся вернуть бога Аримана в сей мир.

— Минутку, — перебил его Конан. — Я много раз видел храмы Аримана и Ормазда. Чем же отличается этот?

— Культ Аримана и Ормазда — не более чем память о праведном боге, — объяснил Фенг-Юн. — Борьба между богами света и тьмы всеобъемлюща, непрерывна и вечна. Всегда созидание бьется с разрушением. Величайший из разрушителей был Ариман, столь пагубный, что даже боги Стигии восстали против него. Во времена настолько далекие, что лишь немногие легенды остались от них, жрецы-короли Стигии при помощи своего бога Сета прогнали Аримана за пределы этого мира, разрушив его храмы, убив его почитателей и жречество. Его считали изгнанным навсегда, а его жрецов уничтоженными.

— Но ничто не вечно, — продолжил вендиец. — Ничто на самом деле не может быть уничтожено в этом мире. Некие вещи просто ждут своего часа.

— Именно так, — подтвердил Фенг-Юн. — И в этом году неизвестная сила, возможно, определенное расположение звезд и планет, которого не заметили даже мы, пробудило к жизни нескольких жрецов Аримана, долгое время погребенных в своих древних склепах. Даже самые ученые из стигийских магов изумились, узнав об этом. Эти нечестивые жрецы давно, как полагали, угасшей мерзкой расы полулюдей-полузмей поселились как раз в городе Шахпуре.

— Что же привело их сюда? — спросил Конан.

— Я исследую это место два дня, с момента моего прибытия сюда, — сказал немедиец. — Я Пиатар из Аграпура, и, подобно всем моим землякам, считал Шахпур простым караванным городом и столицей округа, подобно десятку городов Немедии. Теперь я знаю, что это немыслимо древний город. То, что мы видим, — не более чем верхушка, построенная около тысячи лет назад и лежащая на куда более древних руинах. И самая старая часть тех руин — вот этот храм.

И он указал на зловещий храм Аримана.

— Вернее, — продолжил Пиатар, — основание его невероятно старо. А в центре — алтарь и крипта, но к ним неприменимы слова о возрасте, ибо на самом деле они не существуют в этом мире.

Конану это совсем не понравилось:

— Не существуют? Но мы же видели алтарь! Мы спустились в крипту и украли оттуда сокровища Торгутхана!

— Я сказал, что они не существуют в этом мире. Они всецело принадлежат другому уровню бытия, и самое жуткое в том, что они все-таки видимы. На них трудно смотреть?

— Мозги за мозги заходят, — признал Конан.

— И еще, — сказал Фенг-Юн, — действительно ли вы видели крипту или смотрели только на сокровища?

— Мы спустились по лестнице, — сообщил Конан. — Пока Волволикус поднимал золото, мы держали на остриях мечей жреца и прочих. Чемик, это ты заставил их отойти к стенам?

— Именно я, атаман! Я размахивал перед ними мечом, и они отступили, унеся с собой жреца, которого ты плашмя ударил мечом.

— Значит, ты видел стену? — спросил Пиатар.

— Ну… я не могу сказать, что на самом деле видел ее. Там не было ничего, кроме

глубокой тьмы. Свечи стояли только вокруг сокровищ. Заложники начали кричать, будто от ужаса, но я вскоре отвлекся всеми этими волнениями нашего бегства.

— А! — произнес Фенг-Юн. — Это объясняет многое! Если смертные действительно тронули стены этой крипты… — Он замолк, будто погрузившись в думу. — Друзья мои, крипта сия — брюхо Аримана!

— Я заподозрил это, когда спустился туда, — сказал Волволикус. — Это не обычное место из реального камня, да и алтарь — нечто совершенно иное. Это не естественное вещество.

— Брюхо Аримана! — воскликнул Конан.

— Да, — подтвердил Фенг-Юн. — Когда стигийцы пытались вытеснить бога из этого мира, он оставил себе средство для возвращения. С его помощью он должен был наливаться силой, как человек должен есть, чтобы жить. Можно сказать, что крипта — это его желудок в этом мире, куда следует приносить жертвы Ариману, дабы он мог набраться сил для возвращения туда, откуда так давно был изгнан.

Кхитаец хлопнул себя по коленям:

— Теперь многое становится ясным. Волволикус, когда в крипте ты вершил свою магию, то всколыхнул бога, пробудил его от вековой дремоты. Многое ты описал мне вчера. Но ты столь был захвачен своими чарами, что не заметил, как заложников отогнали к стенам! Это будто бросить крохи голодному льву. Теперь бог неистово алчет!

— Обычный был грабеж, как и все прочие, — возразил Чемик. — Откуда мы могли знать?

— Эти жрецы тщательно разработали свой ритуал, — продолжил кхитаец. — Они ждали верного расположения звезд, планет, а возможно, и других сил, неведомых ученым этого века. И, подготовив все, они бы принесли свои ужасные жертвы, исполнили ритуалы и с триумфом вернули своего повелителя. Но когда вы колдовали в крипте и принесли Ариману несвоевременную жертву, то нарушили неустойчивое равновесие, что сохраняли жрецы. И это дает возможность полностью разрушить их планы.

Впервые какие-то эмоции обозначились на лице кхитайца. Его сшитые вместе губы искривились в призрачном подобии улыбки, а сам он, казалось, оглядывал присутствующих.

— Мои собеседники, я думал, что действия этой ночи будут лишь актом отчаяния. Теперь же чувствую, что появилась реальная надежда!

— Ты хотел швырнуть наши жизни только из отчаяния? — с жаром воскликнул Конан.

— Это даже не обсуждалось, — сказал маг. — Или мы добьемся успеха, или умрут все. Я хочу отыскать лучший способ предотвратить катастрофу, с минимальными жертвами и тратой магических сил. Считайте, вам повезло, что здесь распоряжаюсь я. Тот-Амон хотел взять на себя эту миссию, а он бы без колебаний пожертвовал целыми народами ради малейшего успеха.

— Мудрейший Фенг-Юн, — сказал Волволикус, — ты говорил о крипте. А что ты мыслишь об этом ужасном алтаре? Даже глупейшие из рабочих, что трудились на строительстве храма, не могли вынести взгляда на него.

— Это вещь устрашающей силы, — ответил Фенг-Юн. — Вполне возможно, что точно так же, как крипта — это брюхо Аримана, алтарь — это его голова.

— Его голова? — переспросил Конан. — Я уверяю тебя, что эта штука отвратительна, но она — всего лишь огромный клубок каменных змей!

— Это не камень, — сказал Волволикус. — Я говорил тебе это.

— Я использую слово «голова» в более чем символическом смысле, — объяснил кхитаец. — Но как крипта была оставлена, дабы пожирать жертвы для восстановления сил бога в этом мире, так и алтарь стоит наготове, чтобы впитать его разум, дабы божество могло явить свою волю этому миру смертных.

— Теперь более или менее ясно, — сказал Конан. — Неясно другое: чего ты добиваешься от нас? — Он махнул в сторону своих людей; все они вытянулись вперед, внимательно слушая, лица их были искажены унынием и страхом. — Мы всего лишь обыкновенные разбойники. Мы не чародеи, чтобы соперничать с богами. Мы люди, использующие свой разум, свою сноровку и свое оружие, дабы заработать на жизнь. Судьи и покорные жители городов считают наши пути нечистыми, а деревенские жители и караванщики полагают нас истинной чумой, но никто не думает, что мы чем-то необычны. Кто мы такие, чтобы брать на себя эту работу?

— Осквернив святыню божества, — сказал вендиец, — это так называемое жертвенное брюхо, вы приобрели некую силу, превосходящую любую другую. В магии хорошо известно правило, что контакт с колдовскими материями дарует некую близость к сверхъестественному.

— Возможно, это объясняет, — уныло проговорил Конан, — почему я вечно сталкиваюсь с колдовством, как бы ни старался избежать этого.

— Вполне возможно, — сказал вендиец, довольно кивая.

— Вам надлежит войти в храм. — Наконец Фенг-Юн ответил на вопрос Конана.

— И вы убьете жрецов.

На мгновение воцарилась тишина, затем Конан сказал:

— Я понимаю. Мы идем туда. — Он указал на портал с его подъемной решеткой, еще менее привлекательной, чем пасть дракона, и сейчас плотно закрытой. — Мы убиваем тварей, которые на самом деле настолько не люди, что вся магия стигийских жрецов-королей не смогла уничтожить их. Эти существа живыми пролежали в своих склепах тысячи лет, и вы предлагаете нам убить их?

На протяжении всей тирады Конан повышал голос, пока наконец на последних словах не перешел на крик.

— Скажи, скажи ему, атаман, — одобрительно вымолвил Убо.

— Нет уж, я ничего такого не желаю, — согласился Чемик.

— И вправду, — сказал Азока, — никто не может по-настоящему умертвить этих злобных жрецов, кроме их собственного бога. Отсюда следует, что вы должны заставить божество убить их.

— Как же это сделать? — спросила Лейла.

Единственная среди них, она, казалось, спокойно отнеслась к грядущим испытаниям.

— Перед днем празднества там было четыре жреца, — сказал Фенг-Юн. — После него появлялось только трое. Пропал именуемый Умосом, и это именно тот, которого вы заставили прикоснуться к стене крипты. Его бог сожрал его. Вот так вы и должны уничтожить остальных.

— Вы колдуны, — сказал Убо. — Почему бы вам самим не заняться этим?

— Мы могли бы, — проговорил Пиатар из Аграпура. — Но они бы узнали нас, переступи мы только порог храма, и успели бы подготовиться. Необходимо, чтобы вы, такие умельцы, вломились в храм и уничтожили этих жрецов, прежде чем они успеют воспользоваться своей магией.

— А ты что будешь делать, колдун? — ожесточенно поинтересовался Мамос.

— Мы будем иметь дело с их богом, — ответил Фенг-Юн.

— А если мы откажемся? — спросил Конан.

— Вы не можете, — ответил Фенг-Юн. — Вы пойдете добровольно или по принуждению, но вы пойдете. Вы лучше справитесь, если сами будете повелевать своими членами и разумом.

— Вы не оставляете нам выбора, так? — сказал Конан.

— Никакого.

— Вы слышали их, — обратился киммериец к своим спутникам. — Вам известно, что у них не бывает пустых угроз.

— Выглядит так, будто мы должны идти, — возмущенно сказал Убо. — Но до чего ж досадно, что нам придется совершить такое опасное вторжение без всякой надежды что-нибудь похитить!

— Сможете вы поднять решетку? — спросил Конан.

— Запросто, — сказал Азока. — Но тем самым мы выдадим себя преждевременно.

— Я осмотрел все это место, — сообщил Конан, — и не смог найти никаких других проходов.

— Есть один путь, — сказал Пиатар. — Вы должны забраться туда через крышу. В фонаре есть входы.

— Что еще за фонарь? — удивился Мамос.

— В больших зданиях, — объяснил Водволикус, — свет часто поступает через ряд окон, расположенных прямо под крышей. Это и называется фонарь.

— О! — воскликнул Мамос. — Я влезал через многие такие. И никогда не знал, что это так называется.

— В этом храме, — сказал Фенг-Юн, — фонарь состоит из рядов круглых окон, сделанных из твердого вещества, не являющегося настоящим стеклом. Эти окна заливают храм багровым сиянием, но это не естественный свет сего мира. Колдовское стекло несет свет далекой красной звезды, откуда, возможно, происходит раса жрецов Аримана.

— Вам, люди, никогда не проникнуть через такое стекло, — сказал Азока. — Но досточтимый Волволикус, мастер всех вещей кристаллического происхождения, справится с этим. Он последует с вами на крышу и извлечет из гнезда одно из окон. Затем вы спуститесь и выполните свою задачу.

— Нам понадобится веревка, — сказал Конан. Теперь, когда решение было принято, он не терял времени на жалобы и обвинения. — Нам понадобится очень длинная веревка.

— У меня как раз есть такая веревка, — сообщил вендиец; его тюрбан нежно засветился в темноте ночи.

— Тогда ближе к делу, — сказал Конан, вставая.

— Целеустремленность и воля, — произнес Фенг-Юн. — Это вызывает мое одобрение.

— Только будь готов заняться Ариманом, — предупредил киммериец. — Если мы спустимся в брюхо божества тьмы, я хочу, чтобы вы отсекли ему голову.

Конан, Волволикус, Лейла и трое разбойников направились к храму. Чародеи растворились в окружающем мраке, все, кроме Азоки, сопровождавшего бандитов.

— Меньше всего света на западной стороне, — сказал Конан. — Там и полезем. — Они прошли к стороне, что выходила на глухую стену городского суда, и остановились. — Где твоя веревка, Азока?

— Здесь, — сказал вендиец.

Из недр своего одеяния он извлек огромный моток веревки, куда больший, чем мог там поместиться. Вендиец уронил его на землю.

— Не буду спрашивать, как ты сделал это, — сказал Конан. — Спрошу, не можешь ли ты произвести абордажный крюк?

— В нем нет нужды, — улыбнулся Азока. — Это старая вендийская специальность.

Он наклонил голову к сложенным пирамидкой ладоням и запел тихим голосом; его песня была последовательностью угрюмых, вибрирующих завываний, весьма действующих на нервы. Конец веревки медленно вырос из центра мотка и начал подниматься.

— Я однажды видел такой фокус, — сообщил Убо, стараясь не выдать своего возбуждения. — Это было на шадизарском базаре.

— Тише! — прошипела Лейла.

С приближением смертельного предприятия даже она, похоже, занервничала.

Когда вендиец завершил свою песнь, Конан шагнул к веревке и дернул за нее. Казалось, будто это не туго натянутая веревка, а железный стержень.

— Волволикус, — сказал киммериец, — когда последний из нас поднимется, мы будем держать веревку, и Азока вернет ее в нормальное состояние. Обвяжись вокруг пояса, и мы поднимем тебя.

— Именно это я и собирался предложить, — ответил колдун. — Я не юный атлет, и вся сила понадобится мне, когда я буду взламывать окно.

— А как насчет тебя? — обратился Конан к Лейле. — Я знаю, как ты сидишь в седле. Сможешь вскарабкаться с той же сноровкой?

Вместо ответа она скинула сапоги и прыгнула на веревку. Сжав ее руками и ногами, она проворно, будто обезьяна, полезла вверх. Минутой позже она вскарабкалась на кромку крыши и скрылась из глаз. Затем появилась снова и махнула рукой.

— Все туда, — приказал Конан.

Он взялся за веревку и подпрыгнул. Оторвавшись от земли, он уперся ногами в стену и, перебирая руками веревку, будто бы пошел по вертикальной поверхности прямо на крышу. Он перелез через парапет и огляделся, в то время как Мамос начинал подъем. Крыша была плоской, сработанной из белого камня, тут и там были разбросаны статуи загадочных существ. В нескольких шагах от края крыши на семь или восемь футов возвышался фонарь с круглыми окнами, намертво вделанными в стену. Крыша пострадала в той же степени, что и фасад, ибо скульптуры оказались истерты, будто вынесли дожди и зимы столетий.

Через десять минут трое бандитов уже лежали на крыше, отдуваясь и хрипя. Поскольку они на какое-то время выбыли из строя, Конан сам взялся за веревку и махнул Азоке. Веревка ослабла, и Волволикус обвязал нижний конец вокруг пояса, а затем показал, что он готов. Одной ногой на крыше, а вторую уперев в парапет, Конан принялся поднимать колдуна, его огромные мускулы на руках, на плечах и спине надулись под бронзовой кожей. Лейла восхищенно наблюдала за ним.

Когда колдун оказался на крыше и освободился от веревки, они подошли к фонарю и припали к одному из окон. С этой стороны оно казалось непроницаемо-черным диском. Волволикус пробежал пальцами по поверхности, а Убо в это время скручивал веревку. Конан указал на ближайшую статую, и разбойник привязал к ней один конец веревки.

— Укрепите оружие, — тихо предупредил Конан. — Один кинжал, упавший во время спуска, прозвучит будто тревожный набат.

Волволикус что-то бормотал нараспев, глаза его были закрыты, кончики пальцев творили невидимый узор на поверхности стекла. Последовал легкий скрежет, и с кромки окна посыпалась песчаная пыль. Затем очень медленно, будто пробка, неохотно вылезающая из плотно закупоренной бутылки, окно начало выходить из своего гнезда.

Когда оно постепенно вылезло, тонкий ободок красного света обозначился по его окружности. Красная линия превратилась в четко очерченный обруч, а затем в пучок красных лучей, бьющий изнутри. Стекло оказалось толщиной с человеческую руку от кисти до локтя. Внешняя сторона была иссиня-черной, а в центре — зловеще красной. Внутренняя ослепляла мертвенно-багровыми лучами.

— Митра! — воскликнул Убо. — Что же это за нечестивая штука?

Торгут-хан не мог заснуть в своих покоях. Он почти обезумел от страха и крушения всех надежд. Казначеи королевской сокровищницы должны были прибыть два дня назад, и его жизнь, возможно, зависела только от ветров Вилайета, что задерживали их. Его дальнейшая судьба предрешена. Подумав об этом, он принялся неистово рвать на себе волосы, зная, что королевские палачи не задержатся явиться вслед за казначеями. Где же его сокровища? Как же случилось, что кучка грязных бандитов смогла так долго ускользать от преследования?

Он глядел в окно, и вдруг что-то смутило его глаз. Какой-то пустяк, мимолетная цветная вспышка, но Торгут-хан был доведен до такого отчаяния, что сосредоточил на ней внимание, только бы отвлечься от тягостных дум. Что бы это могло быть? Затем он снова увидел ее, будто летнюю зарницу, но в странном месте и красную, а не белую. Он встал и вышел на террасу, дабы получше разглядеть странное явление.

Окруженный тишиной и ароматами цветущих растений, он подошел к балюстраде, окружающей террасу, и перегнулся через нее. Там! Снова появилась вспышка, осталась сиять, и наконец поток красного света устремился в небо. Невольно он содрогнулся от столь жуткого зрелища. Что же это такое? Что за источник у этого луча?

Затем он понял, что свет исходит от ненавистного храма Аримана.

Его никогда не удовлетворяла эта сказка о том, как колдун проник в крипту в сопровождении блохастой шайки висельников и просто перенес сокровища по воздуху. Выпустил его, будто сокольничий коршуна! В голове Торгут-хана зародились подозрения. Возможно, сокровища никогда не покидали храм? Возможно, все это представление с летающими мешками и сундуками было просто иллюзией? Раз возникнув в его мозгу, идея эта прилипла намертво, как пиявка. — Да! Теперь он был уверен в этом. Именно жрецы похитили сокровища! Его спасение находится в храме Аримана!

Красного света больше не было видно, и он понял, что должен действовать незамедлительно. Он побежал с террасы и широко распахнул двери.

— Стража! — заревел он. — Загобал! Ко мне! Мы должны проникнуть в храм Аримана!

— Накройте его! — настойчиво потребовал Волволикус.

Толстое окно лежало на крыше черной стороной вниз и отбрасывало прямо в небо яркий луч. Если набросить сверху какую-нибудь одежду, на ней лишь проступит кровавое пятно. Убо швырнул на стекло свой черный плащ, и теперь свет только слабо проникал сквозь покрывало, угрюмо тлея, будто полупотухший уголек. Но теперь окно не посылало свои лучи на всеобщее обозрение.

Конан сунул голову в круглое отверстие и посмотрел вниз. Внутренность храма заливал

неестественный красный свет из остальных окон. Люди были почти прямо над одной из обнаженных кариатид.

— Есть там кто-нибудь? — спросил Чемик. — Мы обнаружены?

— Никаких признаков жизни, — ответил Конан. — И нет смысла ждать. Дай мне веревку.

Он вынырнул из окна, схватил обеими руками моток и перекинул его в отверстие. И тут же последовал за ним.

Веревка полетела вниз, рвалась из рук, несколько секунд раскручиваясь. Затем она лениво закачалась в нескольких дюймах от пола.

Киммериец со свойственной ему сноровкой во всех видах лазанья быстро спускался, отталкиваясь время от времени от кариатиды, и менее чем через минуту бесшумно спрыгнул на пол. Он отошел от веревки и вытащил меч; лезвие, покидая ножны, издало легкий шорох.

Напрягая все свои чувства, он оглянулся по сторонам. Полная тишина царила в этом обширном пространстве. Никакого движения. Казалось, место это совершенно необитаемо.

Убо, Чемик и Мамос быстро спустились по веревке. Каждый несколько секунд дул на горящие ладони, потом обнажал оружие и вставал рядом с атаманом. Лейла проворно соскользнула и держала конец, пока спускался ее отец. Когда он наконец достиг пола, его ладони кровоточили, но он не обращал на это внимания. Он встал рядом с Конаном и принялся обозревать храм; казалось, глаза его пронзают насквозь каменный пол и стены. Он махнул рукой и медленно пошел к дальней стене здания.

Со всей осторожностью прочие последовали за ним. Пригнувшись, они скользили ногами по полу, стараясь двигаться совершенно бесшумно. Оружие они прижимали к себе, дабы случайно не задеть сталью пряжку или рукоять зачехленного кинжала. Они приближались к ужасному, отвратительному алтарю.

Казалось, страшный клубок змей каким-то непонятным образом изменился. Когда они последний раз видели его, он был наполовину скрыт тяжелым покрывалом. Теперь, полностью открытый, он представлялся как-то выросшим, и змеиные головы будто бы вытянулись и тоже претерпели едва уловимые изменения: глаз не было, но рты теперь были открыты. Обычно невозмутимый Волволикус, казалось, содрогнулся от этого зрелища, на лбу его выступил пот. Почему-то Конан понимал, что это вызвано вовсе не напряженным спуском по веревке. Он склонился к самому уху чародея.

— Где они? — прошептал он.

Колдун медленно вытянул длинный тонкий палец. Он указывал прямо на лестницу, ведущую в крипту.

— Это решает часть проблемы, — шепнула Лейла. — Ту, как загнать их вниз.

Бандиты в ужасе вращали глазами. Даже проклятие чародеев казалось ничтожным по сравнению с возвращением в крипту. Конан махнул перед ними клинком и указал на проход. Его свирепый взгляд объяснил им, что нет опасности большей, чем немедленная смерть от его руки. Задыхаясь, беспокойно сжимая рукояти мечей и кинжалов, они крадучись начали спуск.

Лейла шла за разбойниками, а за ней следовал ее отец. Конан перед тем, как начать спуск, в последний раз оглядел храм. И тут что-то в алтаре заставило его остановиться. То была одна из змеиных голов, та, что вытянулась дальше остальных. Она тоже стала больше, и, в сравнении с остальными, будто изменились схематичные черты. Голова, казалось, приобрела человеческий облик, но очертания были расплывчаты и будто превращались в

ничто. Мороз прошел по коже киммерийца, когда тонкая горизонтальная линия появилась на страшном лице. Линия расширилась, подобно углубляющейся трещине, а затем края стали растягиваться. И то, что предстало перед варваром, ужасающим образом походило на глаз.

Не ожидая дальнейшего, Конан устремился вниз по лестнице. Там он обнаружил своих спутников и услышал громкое пение на говоре совершенно непостижимом, целиком состоящем из звуков, что недоступны человеческому языку и небу. Трех жрецов Аримана омывал отвратительный зеленый свет, и свет этот открывал, что стены зала искривились под углами, невозможными в естественном мире, так искажаясь в человеческих глазах, что нереально было даже сосчитать, сколько же здесь стен. И это не все, они находились в постоянном колеблющемся движении, волнуясь, будто колония актиний. Но ни на что это не походило больше, нежели на внутренность гигантского желудка.

— Что нам теперь делать, Конан? — в ужасе завизжал Мамос.

Все разбойники, казалось, были парализованы страхом.

— Вы должны делать то, что велел Феng-Юн! — провозгласил Волволикус, перекрикивая грохочущее пение и даже мерзкие звуки, что доносились от стен. Конан не мог понять, почему наверху они не слышали никаких отзвуков этой смертельной какофонии.

— К стене их! — крикнула Лейла.

Тут жрецы будто бы впервые обратили на них внимание. Их лица выглядели еще менее человеческими, чем обычно. Они продолжали петь, но некое подобие ужаса проступило на их лицах. Конан прыгнул к тому, которого звали Шоск, и приставил лезвие к его животу.

— Назад! — приказал Конан. — Отойди к стене!

Тут Трагтан оборвал свою песнь.

— Нет! Вы не должны! Это будет…

Но киммериец не слышал его. Он страстно, как никогда в жизни, желал оказаться подальше от этого места. Движением меча он заставлял жреца пятиться медленными, неохотными шажками.

— Этого не может быть! — вопил жрец. — Повелитель Ариман вас всех…

В этот момент спина жреца коснулась отвратительно пульсирующей стены, и лицо его исказилось болью и ужасом. Голос перерос в протяжный вой, дым и омерзительная жижа изверглись из его рта. Бесформенная, движущаяся масса стены начала обволакивать жреца. Он все еще выл и булькал.

Бандиты наконец сбросили с себя оцепенение и кинулись вперед. Убо и Чемик схватили за руки Никаса и швырнули его лицом в неземную, полуорганическую массу. Оттуда изверглись щупальца, которые, будто пальцы, стиснули жреца и принялись обволакивать его жидкостью, подобной кислоте. Разбойники изумленно глядели, как жрец начал дымиться и разжижаться.

Мамос схватил Трагтана за горло и пихнул его назад, упирая в живот острие кинжала.

— Назад! — Мамос зашелся истерическим хохотом. — К стене!

Он толкал жреца, но Трагтан не сдавался, сопротивляясь со змеиной силой доведенного до отчаяния питона.

Лейла подбежала к Трагтану, добавив свой вес к весу Мамоса. Сражаясь за каждый шаг, верховный жрец отступал к стене.

— Нет! Повелитель Ариман пробуждается! Мы должны следить за его пришествием, иначе…

И тут нечеловеческие глаза вылезли из своих орбит, ибо спина жреца коснулась стены и

погрузилась в нее, будто в трясину. Лейла отскочила назад, но когти клешнеобразной лапы Трагтана глубоко вонзились в плечо Мамоса, в агонии жрец прижал к себе разбойника. Черное вещество стены обволокло их тонкими щупальцами, и пронзительный смех Мамоса сменился резким воплем, когда две фигуры, человеческая и получеловеческая, начали сливаться воедино.

— Прочь! — закричал Конан. — Уходим отсюда!

Что он мог сделать? Перехватив меч левой рукой, он правой вытащил кинжал и швырнул его, расколов затылок Мамоса и обнажив мозг. Он надеялся, что мгновенная смерть избавит бандита от страшных мук поглощения немыслимым бытием Аримана.

Убо и Чемик не нуждались в понуканиях. Они кинулись к лестнице. Когда они выбрались наверх, то обнаружили, что даже здесь стены и потолок, обработанные из настоящего камня, начали волноваться, теряя свои четкие очертания, становясь чем-то омерзительным и заливаясь болезненно-зеленоватым светом.

— Пойдем! — крикнул Конан, толкая Волволикуса, застывшего в трансе. Его дочь подхватила отца под руку и потащила к меняющейся на глазах лестнице. Колдун, похоже, очнулся и, спотыкаясь, побрел к выходу. Киммериец следовал прямо за ними и подталкивал Волволикуса в спину.

Мурашки побежали по телу Конана, когда он ощутил, что ступени движутся и проваливаются под ногами. Из-за спины доносились порывистые, булькающие звуки, будто бы крипта погружалась в густую, вязкую жижу. Ужасный шум перекрывали пронзительные вопли жрецов; затем они, захлебнувшись, сошли на нет. Стены лестницы покрылись рябью и начали смыкаться.

Как раз когда Конан подумал, что больше не может выносить окружающего кошмара, они прорвались в храм.

И в тот момент, когда киммериец вынырнул из отверстия, оно сомкнулось за ним с отвратительным чавкающим звуком. Он вскочил на ноги и увидел, что Убо и Чемик пятятся назад, показывая куда-то за его спину. Они казались еще более испуганными, чем были в крипте. За ними тоже был какой-то шум, но Конан не обратил на него внимания. По-прежнему сжимая меч, он обернулся, и ужасная картина, представшая перед ним, приковала его к месту.

Бывший алтарь теперь метался в абсурдных корчах, змеи стали извивающимися щупальцами, что заканчивались подвижными, беззубыми пастями, окруженными волнующимися багровыми усиками. Самое толстое центральное щупальце обладало огромным, сияющим желтым глазом, кишевшим крошечными зрачками.

Чудовищное око вздымалось вверх на своей толстой шее, складчатой, будто покрытой грубой древесной корой. Тошнотворное зловоние наполнило воздух, когда дыра разверзлась на конце этой шеи и изрыгнула пылающие испарения. С растущим страхом Конан понял, что эта отвратительная пасть и была дверью крипты. Лестница была глоткой ужасного существа.

Конан очнулся от внушающих ужас мыслей, когда понял, что окружен чужеземными колдунами. Они не обращали на него никакого внимания, занятые своими запутанными чарами, что сопровождались странными жестами, пением и работой с непостижимыми инструментами. Впереди стоял Волволикус; с распростертыми вверх руками, с расширенными глазами он выкликал могущественное заклятие. Над ними сдвигались глыбы храма. Круглые, сверкающие окна выпадали из фонаря и разбивались вдребезги, взрываясь мощным багровым сиянием. Огромный камень упал на чудовищную голову Аримана,

расплющив несколько щупалец.

Часть нижних щупалец беспорядочной головы божества вытянулась и стала толще, превратившись в тянущиеся лапы. Они ощупью пробирались по полу храма к стоящим фигурам. Чары заморийца воздвигли недостаточную защиту, он был схвачен, и разинутая утроба поглотила его.

Волволикус повернулся и направил свое заклятие в сторону одной из кариатид. Постепенно изменения коснулись каменной женщины, и она пришла в движение. Ее голова со скрипом повернулась в сторону божества, боровшегося за свое возрождение в мире людей. Ее нога вытянулась, и скульптура сошла с постамента, оторвав массивную капитель, которую она поддерживала. Большой кусок потолка над капителью обвалился и, долетев до пола, разбился вдребезги.

Изумительная обнаженная мраморная великанша зашагала к чудовищу, пол храма ходуном ходил под ее стопами. Над головой она держала тяжелую каменную глыбу, и резные мышцы ее спины напряглись, когда она швырнула капитель в гущу извивающихся щупалец. Ужасная голова содрогнулась от удара, и зловонная жижа хлынула из раздавленных щупалец. Каменная женщина устремилась вперед и схватилась с чудовищем, раскачиваясь в бесстыдном объятии.

— Атаман! — молил Убо, вцепившись в рубаху Конана. — Пойдем! Это место не для нас!

Оглушительный треск заставил их обернуться. Еще одна кариатида под каменным градом сошла со своего постамента.

— Скоро все здесь обвалится! — крикнул Чемик. — Если этот бог прежде не сожрет нас!

— Да уж, — согласился Конан. — У нас здесь дел больше нет. Давайте-ка отсюда. — Он огляделся в поисках Лейлы и увидел ее, прислонившуюся к пьедесталу одной из пока неподвижных кариатид. Вжимаясь в твердый камень, она не отрывала глаз от растущей головы божества; ужасные события вконец расстроили ее железные нервы. Конан бросился к ней и потащил прочь, как раз когда начала шевелиться высящаяся над ней обнаженная каменная женщина.

— Бежим отсюда! — кричал Конан, выхватывая Лейлу из-под опускающейся ступни великанши. Они побежали, оставляя за собой падающие глыбы, а в это время кариатида зашагала к борющейся массе, мраморные цепи стучали по ее обнаженным бедрам.

— О нет! — закричал Убо. — Неужели этого недостаточно!

Он застыл, резко прервав бешеную гонку к порталу, ибо теперь в открытые ворота ломились вооруженные солдаты, над ними виднелись подобные клыкам прутья подъемной решетки.

— Сюда! — проговорил Конан, загоняя спутников за уже покинутый постамент каменной великанши. — Они не обратят на нас внимания, когда увидят, что здесь творится.

И в самом деле, солдаты резко затормозили при виде схватки, что кипела в дальнем конце нефа. Уже четыре каменные кариатиды сцепились с божеством, отрывая щупальца сверхъестественного чудовища, вгрызаясь в него мраморными зубами; их блестящая каменная кожа покрывалась тошнотворной слизью.

— Что все это значит? — раздался истеричный вопль. — Мне это не нужно! Я должен вернуть свои сокровища!

Кто-то растолкал разинувших рты солдат и выбежал вперед.

— Что это…

У Торгут-хана челюсть отвисла при виде ужасной картины. Он оглядывал гигантское помещение, неистово борющихся колоссов, вращающиеся фигуры магов, силою своих заклятий озаряющих храм вспышками света. Большинство окон рухнуло вниз, и свет далекой звезды взорвался осколками по всему нефу. Повсюду валялись каменные глыбы. Не в состоянии постигнуть увиденное, глаза Торгут-хана застыли на Конане, что все еще стоял, пригнувшись, за пьедесталом вместе со своими спутниками.

— Ты! — завизжал вице-король. — Ты все это натворил! — Он вырвал копье у стражника. — Умри, варвар! И он изо всех сил швырнул свое орудие в киммерийца. Конан не бежал, не пытался укрыться, а ринулся прямо на летящее копье. Когда беспощадное, раздирающее плоть острие оказалось всего в трех футах от него, Конан чуть отклонился в сторону и поймал древко точно в центре тяжести.

— Благодарю, — сказал он, поворачиваясь к Ариману и каменным женщинам. Его рука пошла вверх и назад, ясеневое древко балансировало на ладони, стальное острие на мгновение застыло у правого уха. Затем всей мощью своего тела он бросил копье; каждый мускул отдал свою силу, каждая кость была рычагом.

Наблюдатели с изумлением увидели, как копье высокой дугой летит на всю длину нефа — расстояние немыслимое для обычного человека. Копье достигло высшей точки своей траектории и стало опускаться, казалось, на лету набирая скорость. Оно пролетело над прекрасным, лоснящимся плечом мраморной женщины и всей своей длиной вонзилось в зловещий широко раскрытый глаз.

Ужасный, неземной стон пронесся по храму; высокие тона разрывали уши, низкие еще больше сотрясали глыбы разоренного храма. Извивающиеся щупальца начали менять окраску, и тонкие струйки желтого и синего света поползли по телу чудовища; пересекаясь, они вспыхивали зеленым. Каменная женщина впихнула всю свою руку и плечо в открытую пасть существа и извлекла огромную горсть чего-то, походящего на серое вещество мозга. Она швырнула на пол тошнотворную массу и потянулась за следующей порцией.

Вновь обретя контроль над своими членами, солдаты развернулись и с воплями, бросая щиты и оружие, расталкивая и топча друг друга, забыв обо всем на свете, ринулись из храма. Столпившись в воротах, они заклинили выход. Торгут-хан оказался в самой гуще, он рубил людей, мечом пробивая себе дорогу.

— Это наш шанс! — сказал Конан. Сейчас снаружи будет такой хаос, что нам удастся сбежать незамеченными.

— Мой отец! — закричала Лейла, вцепившись в Конана.

— Мы ничем не можем ему помочь, — сказал Конан. — Он либо выживет, либо нет. Мы должны уходить.

— Я не оставлю его!

Бормоча проклятия, Конан сгреб ее в охапку, кинул на плечо и побежал к выходу, будто пастух, несущий в стадо отбившуюся овцу.

— У женщин иногда бывают странные прихоти, — посочувствовал Убо, бегущий бок о бок с варваром. Они подбежали к воротам, как раз когда последние солдаты вывалились наружу.

— Подождем, пока они раздуют панику, — предупредил Конан.

— Ага, — сказал Чемик. — Это мудро.

Площадь была полна; горожане пробудились ото сна и вышли посмотреть, что

случилось. По всему городу били пожарные гонги, ибо свет, исходящий из огромных брешей в крыше храма, казался отдаленным наблюдателям пожаром, охватившим центр города. Объятые ужасом солдаты распространили панику на ротозеев, иные стражники рубили и кололи жителей в безумной жажде бегства. Вскоре волнение стало всеобщим.

— Вон один хладнокровный, — заметил Убо.

Он показывал на высокого человека, что невозмутимо шел по направлению к храму, не обращая никакого внимания на творящийся вокруг хаос. Он стал подниматься по ступеням так, будто был у себя дома. Конан узнал длинный, черный стигийский халат, а мертвенные черты лица и бритый череп выдавали принадлежность пришельца к жреческой касте. Человек пересек каменную мостовую и, не глядя на разбойников, вошел в храм. Тот-Амон прибыл.

— Туда, — сказал Конан.

По-прежнему держа на плече бьющуюся женщину, он побежал по краю площади и нырнул в аллею между двумя домами. Своим безошибочным чутьем он вел их лабиринтом узких улочек, заспанные обитатели которых высовывались из дверей и окон и спрашивали друг друга, что происходит.

Вскоре они уже были в конюшне, где обнаружили Ауду бодрствующим, а лошадей оседланными и готовыми к скачке. Конан опустил Лейлу на землю.

— Ты уже готова поступать разумно?

Она молча кивнула.

— Что происходит? — спросил Ауда. — Паника по всему городу?

— Героические дела, — сообщил ему Убо. — Мы прикончили бога, но люди взволнованы, а потому нам не следует мешкать и дожидаться их благодарности.

Он вскочил в седло, и остальные последовали его примеру.

Из конюшни они поскакали к расположенным поблизости воротам, где их обступила стража.

— Кто вы? Чтобы покинуть город, вы должны дождаться утра, когда откроют ворота! Там что-то происходит, разве вы не слышали гонгов и не видели пламя? — Командир стражников поднял свой фонарь и принялся изучать их, в то время как двое часовых замахнулись на всадников своими секирами. — Мне не нравится ваш вид. Я уверен, что вы замешаны, что бы там ни происходило в городе. Я арестую вас. Слезайте с коней или будете убиты!

— Это невозможно! — зарычал Конан.

Он вытащил меч и зарубил командира. Ауда пронзил копьем грудь часового, а Чемик замахнулся топором на другого, но промахнулся, и стражник с воплями побежал в город.

Убо и Чемик соскочили с коней и бросились к воротам. Они попытались вытащить из гнезд запирающий брус, но сил их оказалось недостаточно. Конан выпрыгнул из седла и, подперев плечом тяжеленное бревно, ногами отжал створку достаточно широко для прохода. Они вновь вскочили на коней и поскакали в ночь.

Убо и Чемик ревели от хохота.

— Те горожане были бы огорчены, увидев, как мы благополучно смываемся, — кричал Убо, вытирая слезы тыльной стороной руки. — Мы всегда вносим возбуждение в их скучные жизни! Без нас Шахпур останется всего лишь унылым захолустьем.

Загобал и Беритус шли через площадь, теперь так же загроможденную телами —

некоторые лежали без движения, другие шевелились и стонали, — как в день гибельного празднества. Постепенно жители города отваживались вернуться на площадь, но робко, ибо окончательное спокойствие еще не наступило. Хотя от храма Аримана осталась лишь груда камней, оттуда по-прежнему доносились неземные стоны и не поддающиеся описанию шумы; между глыб появлялись странно окрашенные вспышки.

— Есть какие-то соображения, что здесь произошло? — спросил аквилонец.

— Те, которых я расспрашивал, — какие-то заговаривающиеся развалины, — сказал Загобал.

Измученный, он спал мертвым сном, когда Торгут-хан поднял тревогу, а потому потратил довольно много времени перед тем, как явиться на зов. Он решил, что, возможно, самое лучшее — позволить для разнообразия посражаться кому-нибудь другому. Когда, наконец, они с Беритусом прибыли на место происшествия, все уже было кончено.

— Люди говорят об ужасном божестве, — продолжил Загобал, — и гигантских женщинах из камня, борющихся с этим божеством, и паре десятков колдунов, устроивших целый спектакль, и каменном дожде, о сверкающих, горящих звездах, что падали с потолка, будто горшки с пылающей нефтью, что бросают со стен осажденных городов. Такое ощущение, будто половина стражи нажевалась черного лотоса и пострадала от массовой галлюцинации.

— Не первый раз странные дела исходят из этого храма, — заметил Беритус.

Когда он произносил эти слова, из развалин вылетел ослепительно сверкающий красный осколок, снова упал и разлетелся на тысячу крошечных мерцающих искр. Окружающая толпа зашумела.

Загобал увидел человека, что задумчиво сидел, уперев подбородок в кулак. По какой-то причине зеваки обходили его подальше. Тут Загобал понял почему. То был Торгут-хан.

— Я должен пойти побеседовать с нашим свинским вице-королем. Пойдем со мною. Он набросится на меня с руганью за медлительность и трусость, и я обязательно выйду из себя и вытащу кинжал. Будь так добр, сдерживай меня, ибо я бы предпочел, чтобы он сдох от рук королевских палачей.

— Тебе посчастливится, если ты сам избежишь этих рук, — сказал Беритус.

— Мои кони быстрее его коней, да и сам я не такой толстый.

Двое пошли туда, где на краю фонтана сидел Торгут-хан; его скрещенные ступни упирались в тело мертвой женщины. Он смотрел, как они приближаются, но, к удивлению Загобала, не выразил ни гнева, ни враждебности.

— А, командир, хорошо, что ты пришел. Нам нужно поговорить. — Вице-король поднял свою тушу и положил руку на плечо Загобала. — Бурная ночка, а?

— Более чем бурная, превосходнейший, — согласился Загобал. — И более чем жуткая, если верить хоть одному услышанному мною слову.

— Это было что-то невообразимое, — сообщил ему Торгут-хан, — и ты сейчас все от меня услышишь. Но прежде всего — самое главное. Храм разрушен, крипта его погребена под развалинами, и руины эти теперь — явное зло и нечестивое место, одержимое чернейшей магией, так что невозможно будет извлечь оттуда королевскую казну, а?

Он говорил тихим, заговорщицким голосом, речь его прерывалась хриплым хихиканьем.

— Ты здоров, превосходнейший? Какие могут быть сомнения, полгорода и тысяча или даже больше приезжих видели…

— Видели что? — рявкнул Торгут-хан, впрочем, по-прежнему понизив голос. — Не

расскажут ли они, что видели огромный стигийский обелиск из сундуков и мешков, который выплыл из ворот храма и взлетел в воздух? Очевидный обман зрения! Нет, сокровища, целые и невредимые, лежали в крипте до той ночи, когда крипта сия стала центром сил, что выше нашего понимания, и погибла, разорвавшись на части посредством собственного зла. Когда прибудут королевские казначеи, они должны услышать от нас именно это. Мы покажем им руины и оплачем невозможность сохранить королевские подати.

— Я понимаю, превосходнейший, — проговорил Загобал.

— Хорошо, хорошо, — зафыркал Торгут-хан, — теперь у нас нет столь острой нужды преследовать этих жалких бандитов, а? Но ты все равно должен выследить их. Возьми только своих наемных охотников за людьми. Не нужно, чтобы королевские казначеи гадали, чем занимается моя личная стража.

— Как пожелаешь, превосходнейший, — сказал Загобал, увидев в таком повороте событий еще более благоприятную возможность для себя самого.

— Ты должен отправиться немедленно, — сообщил Торгут-хан. — Я видел негодяев здесь этой ночью.

— Разве это возможно, превосходнейший? — изумился Загобал.

— Конечно, возможно. Все возможно в такие дни! — Он широким жестом обвел груду камней, из которых гигантским углом поднималась вверх пара желто-зеленых лучей. — Хочешь назвать меня лгуном? — Затем, уже нормальным голосом добавил: — Когда я привел туда моих стражников, то увидел черноволосого варвара, твою ускользающую добычу. С ним было еще трое или четверо. Я не настолько был объят ужасом, чтобы не рискнуть своим телом ради отплаты за честь. Я метнул копье в негодяя, но какие-то колдовские чары заставили острие пролететь мимо цели. После этого я слишком был захвачен сверхъестественными событиями, чтобы обращать внимание на варвара. Но я думаю, что он вполне мог убежать вместе со своими товарищами.

— Как же это, превосходнейший? — спросил Загобал.

— Когда я их заметил, они находились недалеко от входа, и я думаю, что они не замешкались в столь губительном месте.

«А ты ничего не сделал, — подумал Загобал. — Держу пари, ты убежал раньше них».

Он поклонился:

— Все будет, как ты желаешь, превосходнейший. Я обойду все ворота города и выясню, не пытался ли кто-то выбраться за стену. Если они до сих пор внутри, им не убежать. А если они сбежали, воспользовавшись замешательством, я пойду по их следу. Им не ускользнуть от меня снова, превосходнейший.

Торгут-хан улыбнулся и дружески похлопал командира по плечу. Он явно чувствовал облегчение.

— Отлично! Отлично! И еще, Загобал… — Он снова понизил голос. — Когда ты найдешь их, немедленно доставь ко мне, а? Только ко мне. Ни к кому другому. Мы допросим их сами. Нет нужды беспокоить королевских казначеев подобной мелочью, а?

— Никому, превосходнейший, — кивал Загобал.

— Тогда ступай, мой друг, ступай. Слови негодяев и доставь мне. У меня есть к ним несколько вопросов. Не относящихся к сокровищам, разумеется, поскольку они никогда не покидали город.

— Как скажешь, превосходнейший.

Загобал повернулся и пошел прочь. Беритус, что ожидал на благоразумном расстоянии,

присоединился к нему.

— Нет ничего гнуснее безмозглого дурака, считающего себя хитроумным, — сказал командир стражников.

— Не спорю, — согласился аквилонец.

— Боров считает, что ведет сложную игру. Он намерен оставить себе сокровища, не поделившись с королем, и при этом надеется сохранить свои титулы и почести.

— Величественный замысел, — сказал Беритус.

— Да, но он не тот человек, чтобы победить. Пойдем, аквилонец, буди своих людей и седлай свежих коней. Мы снова идем по проклятому следу, но на этот раз мы не отстанем от них, пока они не умрут и сокровища не окажутся в моих руках!

Глава пятнадцатая

Когда Убо и Чемик проснулись, то обнаружили, что Конан уже встал; пара зайцев лежала у его ног, ибо на рассвете он успел поохотиться. Пока два бандита зевали и почесывались, их атаман соорудил маленький костер из сухого дерева и старых верблюжьих лепешек, что почти не давали дыма. Каждому из своих товарищей он кинул по кролику.

— Это завтрак, — сообщил киммериец, — если вы расположены его приготовить.

Чемик поднял зверька за длинную заднюю лапу.

— Думаю, это займет меня до вечера. Мы скачем в наше старое укрытие?

— Да, но поедем длинным путем, самым извилистым маршрутом.

— А зачем это нужно? — спросил Убо, надрезая заячью лапу.

Он принялся умело свежевать тушку.

— Загобала и его охотников не было в храме прошлой ночью, не видел я их и в толпе на площади.

— Эта масса горожан с кроличьими сердцами бегала в такой панике, что я бы вряд ли заметил и короля Турана, будь он там со всей своей свитой, — сказал Чемик, разрубая зайца на четыре части и нанизывая их на палочки.

— Я бы заметил их, — уверил Конан. — Итак, можно не сомневаться, что они уже идут по нашим следам. Мы устроим им отличную охоту, а эти холмы нам известны настолько лучше, чем им, что запутаем мы их обязательно. Затем отправимся к нашему сокровищу.

— В этом есть смысл, — сказал Убо. — Мы сможем рассовать достаточно золота по нашим сумам, отправиться куда-нибудь, где нас никто не знает, и залечь там на какое-то время, да хоть на целый год. Затем вернемся с караваном и заберем остальное. Все будет просто, ведь теперь нас осталось только трое… — Он замолк, сообразив, что что-то здесь не так. — Трое? — Он посмотрел вокруг. — Где эта женщина? Где Ауда?

Чемик вскочил на ноги.

— Они взяли своих лошадей и сбежали! Девка и этот пустынный шельмец бросили нас! Они поехали заграбастать себе все сокровища! Атаман, как ты допустил?

— Сиди и готовь завтрак, — распорядился Конан. — Я голоден, а нам скоро пора ехать. Лейла выполняет мое поручение. Если вы проверите следы, то убедитесь, что она поскакала не в сторону укрытия. Ауда возвращается по нашему пути не для того, чтобы замести следы — а просто скачет подальше на запад. С такой раной он не сможет держаться нашей скорости, а потому пойдет более короткой дорогой и прибудет в укрытие примерно в то же время.

Постепенно заподозрившие неладное бандиты успокоились.

— Ты разбрасываешь для охотников за людьми фальшивые следы? — ухмыльнулся Чемик. — Мудро, атаман. А если они схватят ее — невелика потеря. Да и Ауда, хотя он и был верным товарищем. Но его рана замедляет бегство.

Наконец зайцы поджарились, и они съели их с плоскими лепешками, твердым сыром и сушеными финиками. Подкрепившись таким образом, они оседлали своих скакунов и продолжили бегство, забираясь поглубже в лабиринт безводных холмов, не видимые никем, кроме горных козлов и прочих местных тварей.

Торгут-хан вытер пот со лба. Он еще не чувствовал себя в полной безопасности, однако

проверяющие, похоже, были удовлетворены. Они прибыли после полудня, когда весь город гудел слухами о захватывающей катастрофе предшествующей ночи. Встречные ветры Вилайета действительно продлили их путь от столицы до Хоарезма, и только это спасло его. Они затребовали королевские подати, а он показал им разрушенный храм и рассказал душераздирающую историю о сверхъестественных событиях, что начались во время большого празднества и достигли высшей точки в нечестивой борьбе этой ночи.

Рассказывая, он рыдал и рвал на себе волосы, объяснял, что не только королевские подати погребены под развалинами проклятого храма, но и сам Торгут-хан потерпел сокрушительное разорение, целое состояние потратив на восстановление древнего храма, дабы создать настоящую твердыню для сокровищ его величества, кому он, Торгут-хан, с великой верностью служит, жизни своей не щадя.

Естественные подозрения казначеев рассеялись при виде разоренного храма. Подобно огромному вулкану, что после разрушительного извержения еще месяцы время от времени исходит дымом и лавой, руины храма обнаруживали последствия своей колдовской гибели. Временами там начинали светиться невероятные огни, ясно различимые даже при дневном свете. Каменные глыбы подлетали до уровня окружающих крыш и падали, разбиваясь вдребезги.

Совершенно ясно, объяснял Торгут-хан, что много лет пройдет, прежде чем можно будет заставить кого-то выкопать сокровища, которые, уверял он, по-прежнему лежат под развалинами. Похоже, на данный момент они вполне довольствовались этим.

Торгут-хан щелкнул пальцами, и юная рабыня наполнила вином драгоценный кубок. Он сделал глоток и задумался. Теперь, когда прямая угроза миновала, он снова обрел ясность в мыслях. Он понимал, что уверенность, овладевшаяим прошлой ночью, была просто манией, плодом воспаленного сознания. Сокровища действительно были похищены в день празднества. Тогда где они? Нет сомнения, что Загобал напал на след негодяев, но доложит ли он Торгут-хану, когда обнаружит сокровища?

Теперь вице-король целиком зависел от своего командующего стражей. Разумно ли это? Но что он еще может сделать? У него нет следопытов, что могли бы сравниться с теми, которых нанял Загобал. Все это выводило его из себя.

Он вздрогнул, когда что-то влетело в его окно и звякнуло на полу. Первым его чувством была ярость. Какой-то горожанин выражает на свой грубый манер неуважение к власти? Он уже был готов позвать стражу, когда увидел, что это было: плоский неровный кружок из свинца в три пальца шириной, с его личной печатью. Подобные были на каждом мешке и каждом сундуке, что хранились в крипте.

— Оставь меня, — приказал он рабыне.

Она поклонилась и моментально исчезла. Торгут-хан встал, вышел на середину комнаты, нагнулся, и подобрал печать. По краям ее болтались обрывки кожаных ремешков. Совершенно ясно, что этой печатью был скреплен один из кожаных мешков с серебром.

— Кто бы ты ни был там, на террасе, — сказал он, — иди сюда. Я желаю поговорить с тобой.

Через высокое окно в комнату влез человек. Он сложил руки на груди и поклонился.

— Приветствую тебя, могущественный вице-король Торгут-хан. Ты видишь перед собой покорного слугу Османа из Шангары.

— Говори быстрее, Осман из Шангары, ибо терпение мое на исходе. — Он показал печать. — Откуда у тебя это? Ты из банды негодяев, что похитила мои сокровища?

— Точнее, хозяин, я был шпионом Загобала. Он посадил меня в тюрьму, чтобы я сначала помог бежать варвару, а потом привел его и всех прочих обратно в Шахпур, дабы, объяснил Загобал, захватить их всех разом. Уверяю тебя, я не сомневался, что командир преданно служит тебе.

— Конечно. Итак, ты принимал участие в налете.

— Именно так.

— И ты знаешь, где находятся сокровища?

— Знаю.

— Так скажи мне.

— Это бесполезно. Они далеко в холмах к югу от города. Словами не объяснить ни где они лежат, ни как добраться до туда. Но я могу провести тебя к ним.

— Великолепно! — Настроение вице-короля резко улучшилось. — Ты сделаешь это немедленно.

— Да, мой господин, но прежде нужно решить некоторые вопросы. Загобал обещал щедро наградить меня за мою преданную и опасную службу. Однако я больше не считаю его человеком чести и подозреваю, что он плетет против тебя интриги, желая заграбастать себе все сокровища.

— Не суди об этом, — сказал Торгут-хан. — Не пристало таким, как ты, судить начальствующих. Но я не скуп. Отведи меня к сокровищам, и ты получишь пятидесятую часть.

— Мой повелитель добр, — проговорил Осман. — Но даже останься я с разбойниками, получил бы двадцатую часть.

— Тогда получишь десятую, будь ты проклят! — воскликнул Торгут-хан, чрезвычайно раздосадованный. — Это больше, чем ты смог бы украсть за всю свою гнусную жизнь!

Осман улыбнулся и низко поклонился:

— Я послушный слуга моего повелителя.

— Они разделились, — доложил Беритус. — Попытались скрыть свои следы, но недостаточно, чтобы одурачить моих охотников.

— А это не вызывает у тебя подозрений? — спросил Загобал. — Возможно, они заманивают нас в ловушку.

— Возможно, но они потеряли всех жителей пустыни, кроме одного, да и тот ранен. Несколько раз нам попадались пятна крови у следов коня, подкованного на пустынный манер. Это не конская кровь, Амбула может отличать по вкусу. Именно жители пустынь до этого заметали их следы, сильно затрудняя нашу задачу. Бандитов осталось не более пяти, и среди них женщина.

— Итак, — сказал Загобал, — четверо мужчин, причем один ранен.

— Да. Нас шестеро, и все первоклассные бойцы. Пусть строят засады. Среди них только киммериец способен оказать достойный отпор.

— Очень хорошо. Разделим твоих людей и погонимся за всеми?

— Нет. Женщина отправилась на юг. Раненый пустынник — на запад. Варвар и еще двое скачут вместе.

Мы последуем за варваром.

— Тогда вперед, — сказал Загобал, пришпоривая коня.

Конан и два его спутника три дня скакали по холмам головокружительным маршрутом, вновь и вновь пересекая собственную тропу. В некоторых местах они старательно скрывали свои следы. В других, наоборот, не делали никаких попыток. Иногда Конан вел их по каменным кручам, не оставляя никаких отметин, различимых обычным глазом. А другой раз они небрежно скакали прямо по песку, оставляя за собой глубокий, отчетливый след лошадиных копыт. Утром четвертого дня его товарищи взбунтовались.

— Клянусь Сетом! — закричал Чемик, сидя у костра. — Мы прошли путь, который не распутает и пустынный охотник с собаками! Пора отправляться в укрытие, атаман!

— Точно, — согласился Убо, потирая стертую задницу. — Не для того я стал разбойником, чтобы так корячиться.

— Как хотите, — сказал киммериец. — Мы отправляемся. По коням.

Ухмыляясь и алчно потирая руки, бандиты так и поступили.

Они скакали весь день и к вечеру прибыли в маленький каньон с холодным, питаемым ключами водоемом. Приближаясь, они увидели облаченного в халат человека, что сидел у пруда; рядом щипал траву его конь.

— Там Ауда! — воскликнул Чемик.

Он лягнул коня, погнав его рысью.

— Стой! — закричал ему Конан. — Мне не нравится…

Но Чемик, казалось, не слышал его.

— Ауда! — кричал он.

Его рот был открыт, когда туда влетела стрела, вонзилась в нёбо и на ширину ладони вышла из затылка.

Бандит падал с коня, а Конан уже действовал. Он птицей слетел с седла и перекатился в кусты. Стрелы преследовали его, но он был быстр и бесшумен, как пустынная змея.

Убо, что шагов на пятьдесят отстал от киммерийца, развернул коня и, низко пригнувшись, поскакал во весь опор.

— Забудьте про бандита! — послышался голос с аквилонским акцентом. — Он добежит до самого Хоарезма или даже дальше. Нам нужен варвар. Хватайте его лошадь.

Тело Конана действовало, будто хорошо смазанная машина, когда он полз среди валунов и кустов. Случайный зритель мог бы принять его за змею, ползущую на брюхе, но это было обманчивое впечатление, ибо лишь кончиками пальцев и ступнями он касался земли. Он знал, что преследующие его — исключительные ищейки, но Конан из Киммерии ускользал от пиктских охотников в их родных лесах. Даже в полупустыне он умудрялся находить укрытия.

— Тебе лучше сдаться, киммериец! — закричал Беритус. — Твой бедуин слегка позабавил нас, но он был ослаблен своей раной и долго не протянул. Иди, расскажи нам, где ты спрятал сокровища, и избавишь себя от долгих мучений.

Конан не давал сбить себя с толку. Хочет похваляться, ну и пусть. Темнело, а тьма поможет Конану больше, чем целая армия.

— Ты не надул меня своими тупыми маневрами и фальшивыми следами, киммериец, — продолжал Беритус. — Как только я понял, что вы затеяли, то поскакал сюда и принялся ждать. Я был здесь во время первой погони, когда вы убежали в Иранистан. Я мог еще тогда сообразить, что именно здесь вы собирались погрузить сокровища на верблюдов, но селяне забрали своих животных, а потому вы спрятали неправедное богатство и ускакали. Когда сюда приехал твой бедуин, я понял, что все именно так. Иди сюда, Конан. Игра кончилась.

Это начинает надоедать.

Может, он просто хвастлив, но Конан понимал, что, скорее всего, аквилонец старается отвлечь его внимание, пока приспешники стараются окружить его. Он пополз к нависающей скале; козырек скрывали заросли кустарника. Это было подходящее место, чтобы дождаться темноты. Он вполз в укрытие, и, когда глаза его привыкли к сумраку, увидел, что не одному ему пришлось по душе это место. Злобные глаза гадюки, кольцом свернувшейся в тени, уставились на него безо всякого радушия. Змея устремилась к нему, но он зубами сжал ее голову. И не выпускал, пока сильный хвост бился в агонии. Не одна минута прошла, прежде чем мертвая гадюка прекратила борьбу и Конан выпустил ее изо рта.

Выступ был недостаточно широк, чтобы послужить надежным укрытием. Но Конан весь сжался и совершенно скрылся из виду; густой кустарник завершал маскировку. Совсем рядом он услышал осторожные шаги, но по звуку понял, что охотник не заметил его логова. Он был уверен, что не оставил никаких признаков своего передвижения с того момента, как вылетел из седла. Ни один конь не может пройти, чтобы не оставить малейших следов, и очень немногие люди способны на большее, но Конан мог пробираться даже по мягкой земле и оставлять при этом не больше отметин, чем лунный свет.

— Мне это не нравится, — сказал Загобал. — Уже совершенно стемнело, а твои мнимые специалисты не отыскали единственного неуклюжего варвара, что скрывается не более чем в ста шагах отсюда.

Двое мужчин стояли у огня, а четверка Беритуса продолжала охоту на киммерийца.

— За всю свою жизнь я встретил лишь несколько подобных охотников, — признал Беритус. — Я сам осмотрел то место в кустах, куда он выпрыгнул из седла. Никаких признаков приземления. — Охотник за людьми покачал головой. — Должно быть, его обучали пикты. Но как же это возможно? Киммерийцы и пикты — смертельные враги.

— Обычные киммерийцы также не приезжают в Туран и не воруют сокровища, — сказал Загобал. — А этот приехал и украл.

Они повернулись к приближающемуся Урдосу из Кофа. Бородатое лицо великана было хмуро.

— Никаких следов, атаман. Как будто бы он…

Кофит не смог закончить фразу. Бледная тень мелькнула перед ним и тут же скрылась во тьме. Что-то блеснуло, послышался громкий хруст, и неописуемое удивление появилось на лице Урдоса. Мгновение он стоял неподвижно, а затем повалился вперед, уткнулся лицом в землю и застыл. Его позвоночник был разрублен.

— Барка! Амбула! Бахдур! — закричал Беритус. — Ко мне! Киммерийский пес убил Урдоса!

Конан пригнулся за скалой, ожидая. Он слышал шемита и по звуку обутых в сандалии ног знал, куда тот направляется… ясно, торопится к своему атаману, но шаги его очень осторожны. Шемиты хороши в седле, но этому пришлось спешиться, чтобы преследовать хитрого киммерийца.

Конан заметил ноги, что медленно продвигались перед ним, и прыгнул. Шемит попытался вытащить стрелу, но было слишком поздно. Сильная рука киммерийца сковала шемита, в то время как другая рука, вооруженная мечом, протаранила тело врага от бока до бока. Шемит издал изумленный вопль, и Конан опустил труп на землю, с хлюпающим звуком извлекая из тела свой меч. Он выпрямился, и в этот момент на него свалился Амбула из Пунта. Резко рванувшись в сторону, чтобы увернуться от первого удара копья, Конан не

смог не восхититься той ловкостью, с которой к нему подкрался смуглый человек. Острый слух северянина не распознал ни малейшего звука. Второй удар достиг бы цели, не отбей киммериец копье мечом. Это было вынужденное движение, ибо за ним последовал шум, которого так стремился избежать Конан.

— Беритус! — закричал Амбула. — Он здесь!

Вопль отвлек человека из Пунта, помешал его новой атаке. Конан сделал ложный выпад к голове противника, и Амбула поднял копье, чтобы отклонить удар. Клинок молниеносно изменил направление, сверкнул под оружием пунтабе, отхватив обе руки чуть ниже локтей. Не успел тот и вскрикнуть, как следующий удар отсек ему голову.

Конан даже не успел ощутить радость победы, как некий скрип заставил его развернуться на месте. Сквозь сумрак ночи увидел гирканийца, натягивающего свой лук не более чем в пятнадцати шагах. Прежде чем Конан успел пошевельнуться, за гирканийцем выросла какая-то масса и сверкнуло лезвие, перерезая тетиву, а заодно и горло стрелка единым взмахом острой как бритва стали.

— Я не понимаю, — сказал Убо, вытирая лезвие об одежду поверженного врага, — почему эти охотничьи псы считают, что только они умеют двигаться в темноте.

Он убрал кинжал в ножны.

— Во имя Крома, вот уж не думал, что когда-нибудь увижу твою мерзкую рожу!

— Амбула! — кричал Беритус. — Варка! Бахдур! — Ни звука не доносилось из окружающей тьмы. Он повернулся к Загобалу. — Я слышал сталь. Я слышал зов Амбулы. Теперь я не слышу ничего. Они мертвы.

Загобал раздраженно сплюнул.

— Покончено с твоей великой бандой охотников за людьми! Как ты себя чувствуешь, побежденный варваром, атаманом разбойников?

— Ему надо еще убить меня, — холодно сказал Беритус. — Что до людей, я всегда смогу набрать новых. Как бы то ни было, его я прикончу собственной рукой.

Он повернулся и пошел прочь.

— Куда ты идешь, трус? — крикнул Загобал.

Беритус не обернулся.

— Подальше от огня. У него теперь два лука.

Загобал чуть не упал, спеша покинуть круг света.

— Они там! — прошептал Убо.

Двое залегли за небольшим кряжем и пристально оглядывали сверху маленький каньон. Лица их были густо припорошены пылью, и, поскольку солнце вставало за ними, парочка, что оставалась внизу, в каньоне, обнаружить их не могла.

— Ты рискнешь пустить стрелу? Я не был лучником даже с двумя превосходными глазами.

— Нет, — сказал Конан. — Выстрелить я могу, но никто не способен с первого раза попасть из незнакомого лука. Случая попробовать этот мне не представилось.

— Тогда что мы будем делать? — спросил Убо. — Можем просто спуститься вниз и напасть на них, но ведь неизвестно, кто кого.

— Мы ждем, — сказал Конан.

— Ждем чего?

— Похоже, я слышу кого-то, — сообщил киммериец.

Вдалеке послышался стук копыт.

— Кто бы это мог быть? — удивился Убо.

— Смотри.

Люди внизу, явно встревоженные, тоже обернулись на звук. Затем первые всадники въехали в каньон. Они были облачены в тяжелые доспехи личной стражи Торгут-хана. Среди них был и Торгут-хан собственной персоной. Бок о бок с вице-королем скакал маленький человечек.

— Клянусь Сетом! — воскликнул Убо. — Это же тот негодяй. Осман!

— Точно, — проговорил Конан. — Я знал, что он не задержится в своем стремлении сыграть, как обычно, за всех против всех. Нам повезло, что они не оказались здесь раньше. Но эта жирная свинья Торгут-хан не приспособлен к быстрой езде, и я могу спорить, что Осман промахнулся разок-другой, ведя их сюда. Он плохо знает эту местность. Пойдем, это должно быть приятной картиной.

С этими словами Конан скользнул вниз по склону. Сбитый с толку Убо последовал за ним.

— Вице-король! — крикнул Загобал, взбешенный, но не потерявший самообладания. — Как ты попал сюда?

— Этот человек привел меня, — сказал Торгут-хан. — А теперь объяснись!

— Ты слушал Османа, так? Эта вероломная, мелкая свинья привела нас в засаду у дома колдуна. Какую игру он ведет на этот раз? Мы проследили бандитов до этого места и сражались с ними всю ночь. В конце концов только один из них остался в живых, хотя это и ненадолго. Я не сомневаюсь, что…

Резким взмахом руки Торгут-хан заставил его замолчать. Вице-король спешился и направился к Загобалу.

— Осман говорит, что знает, где спрятаны сокровища, — прошептал Торгут-хан. — Давай-ка выясним, правду ли он говорит, а потом обсудим дальнейшее.

Загобал поднял руку в приветствии.

— Очень хорошо. — Он повернулся к Беритусу. — Аквилонец, оставайся здесь со стражниками. Осман, ты идешь с нами.

Беритус пожал плечами, будто показывая, что его все это не касается. Осман, подобострастно улыбаясь и кланяясь, шагнул вперед.

— Соблаговолите последовать за мной, господа. Пока они шли, Загобал не спускал глаз с окружающих высот. Он знал, что с легкостью увернется от стрелы, летящей издалека. По-настоящему опасны лишь стрелы, падающие во время штурма или летящие из темноты или сзади. Ну а попади стрела в Торгут-хана, так кого это беспокоит?

Но никто не нападал на них, и они зашли в крошечный боковой каньон, где Осман вскарабкался на склон и раскидал несколько камней. Его трудами обнаружилась пещера, сама по себе прекрасно скрытая от глаз, и он величественно указал на вход:

— Зрите! Там, внутри, разрисованная пещера, где пребывают похищенные сокровища, от которых ты, вице-король, посулил мне десятую часть.

Загобал вытащил меч и приставил острие к подбородку Османа.

— Ты пойдешь первым, шакал. Я не забыл последнее место, куда ты привел меня.

Осман успокаивающе протянул руку:

— Ну конечно, хозяин, но помни… Теперь я под защитой Торгут-хана, а с ним полно вооруженных людей.

— Иди, — мрачно проговорил Загобал.

Осман пролез в щель, и наступила тишина. Затем они услышали дикий вопль.

— Что это? — воскликнул Торгут-хан.

— Они пропали! — стенал Осман. — Все сундуки и мешки, все до последней монеты — пропало!

— Что? — вскричал Загобал.

Двое влезли в отверстие и встали у входа. Утренний свет, проникающий снаружи, освещал пещеру с загадочно разрисованными стенами и потолком, но никаких сокровищ в ней не было.

— Вы же видите эти следы на полу! — в отчаянии кричал Осман. — Именно здесь мы все уложили! Но оно пропало! Верьте мне, хозяева! Я не лгу вам.

Он начал пятиться к выходу, когда Загобал подошел к нему с мечом в руке. Осман повернулся и кинулся наружу, командир стражников сразу за ним. Прежде чем коротышка успел сделать десять шагов вниз по склону, Загобал как тигр набросился на него.

— Ты надуваешь меня в последний раз! — закричал Загобал, полоснув Османа под обоими коленями, чтобы тот не смог убежать. — Я проклинаю тот день, когда вытащил тебя из темницы! — И он отрубил одну руку. — Я проклинаю мать, что родила тебя! — Отлетела вторая рука. — Вот тебе обещанная награда!

Мощный вертикальный удар вскрыл тело Османа от шеи до живота, обнажив кости и внутренности, но не нанеся смертельной раны. Осман визжал и бормотал нечто, лежащее за пределами связной речи.

За ними послышался раскатистый взрыв смеха. Загобал обернулся. Торгут-хан, как раз вылезающий из разрисованной пещеры, сделал то же самое. На склоне, что возвышался над ними, стоял Конан из Киммерии. Его меч был обнажен, и варвар насмешливо взирал на них.

— Не те ли это могущественные особы, что послали меня в темницу и собирались насладиться зрелищем моей казни на великом празднестве? — Он расхохотался. — Это просто дурачины, с которыми я забавлялся так много дней!

Загобал не мог больше оставаться на месте. С яростным воплем он бросился вверх по склону на киммерийца, который внес такой хаос в его продуманный план. Кривой и прямой клинки схлестнулись, зазвенели, вновь схлестнулись. Оба они являлись отменными фехтовальщиками, но Конан был потяжелее, да и взмах у него был пошире. Он стал наносить мелкие раны, потом раны поглубже, а сам оставался невредимым. Наконец низкий выпад опрокинул Загобала на землю, следующий удар заставил выронить меч из обессилевшей руки. Командир стражников закричал от ярости, а Конан спихнул его ногой со склона. Загобал скатился прямо на Османа; тот все еще был в сознании и завыл от новых мучений.

— Желаю вам двоим насладиться взаимной компанией, — сказал Конан. — Может, оба и доживете до полуночи, если прежде до вас не доберутся гиены.

— Азурой клянусь, Конан! — воскликнул изумленный Убо. — Ты человек, серьезно относящийся к мести!

— Вот именно. Где Торгут-хан?

— Он побежал вон туда. — Убо махнул в направлении водоема. — Ну ладно, а что же случилось с сокровищами?

— Когда мы выехали из шахтерской деревни и вы все направились к дому колдуна, — объяснил Конан, — я вернулся сюда, дабы убедиться, что Осман не пытается удрать с сокровищами. Его здесь не было, но я понимал, что он может появиться в любой момент. А потому я перенес все сокровища.

— Перенес? Куда?

— В пруд. Они все там, под водой. День и ночь мне пришлось перетаскивать сундуки и мешки, а потом еще убирать следы.

Убо в изумлении почесывал свою бритую голову.

— Мне никогда не нравилась мысль о тяжелой работе, но думаю, что сокровища стоят этого. Что мы предпримем теперь, атаман?

— Посмотрим, — ответил Конан. — Пойдем.

И они направились к другому наблюдательному пункту, на этот раз возвышающемуся над водоемом. Торгут-хан, все еще отдувающийся после бега, с воплями гнал солдат разыскивать грозного киммерийца. Люди бесцельно кружили на месте, сбитые с толку невразумительными приказами.

— Новые всадники скачут, — сообщил озадаченный Убо. — Это еще кто?

Через южное ущелье в каньон въехал еще один отряд наездников. То было суровое, потрепанное воинство, полная противоположность лощеным стражникам Торгут-хана.

— Подожди! — закричал Убо. — Не тот ли это командир, который решил, что может приказывать мне?

— Он самый, — сказал Конан. — Капитан Хоста из иранистанских мятежников. А вон и Идрис, юный посягатель на трон.

— Они-то как здесь очутились? — удивился Убо. Затем он увидел Лейлу, скачущую среди мятежников. — О, теперь понимаю.

— Я послал ее за ними, — сообщил Конан. — Я понимал, что вскоре предстоит схватка, с которой нам не справиться, поскольку Осман все еще бродит где-то. Торгут-хан остался последним, кем мог воспользоваться коротышка. Дай мне лук.

Убо протянул ему оружие, и Конан прицелился в солдата. Не знакомый с этим луком и его стрелами, первый раз промазал, вторая стрела пролетела уже ближе к цели, а третьей он выбил всадника из села. Тем временем внизу завязалась схватка. Солдаты и мятежники рубили и кололи друг друга, меч и копье несли смерть одинаково действенно. Мятежников было больше, солдаты превосходили амуницией и оружием.

— Это уж слишком, надеяться, что они все перебьют друг друга, — сказал Убо. — Почему ты помогаешь мятежникам?

— Потому что хочу уничтожить Торгут-хана, — объяснил Конан.

Выпустив последнюю стрелу, он побежал с холма и присоединился к сражающимся. Удар его меча освободил одно из седел, и Конан заменил седока.

Пробивая себе дорогу в массе сражающихся, он кричал:

— Торгут-хан! Покажись, ты, свинья!

Затем он увидел человека, неистово пытающегося удержать свою стражу между собой и этими неожиданными пришельцами. Конан пропахал себе путь, и под его бешеным напором конь Торгут-хана отпрянул в воду.

— Варвар! — закричал Торгут-хан. — Ты что, бессмертен?

— Нет, — сказал Конан, отбивая беспомощную защиту Торгут-хана. — Так же, как и ты!

Его меч пересек жирное тело вице-короля, одинаково рассекая доспехи, плоть и кость. С диким воплем Торгут-хан полетел из седла и поплыл лицом вниз по воде пруда, что поднималась, наполняясь телами. Последнее, что узрели очи Торгут-хана сквозь волнующуюся пелену его собственной крови, была огромная груда сундуков и мешков, покоящаяся на дне водоема.

Грохот и крики смолкли. Силы мятежников были истощены, но солдаты Торгут-хана уничтожены. Повсюду были раскиданы тела, и раненые стонали, лежа на земле или провисая в седлах.

— Убедитесь, что никто не сбежал! — приказал генерал Элтис, кузен претендента.

— Да! — закричал юный Идрис. — Мы не должны испортить отношения с Тураном. Для короля Торгут-хан и его стражники просто исчезнут!

Тут он заметил Конана и улыбнулся:

— Приветствую, капитан! Эта женщина сказала, будто у тебя есть что-то для нас.

— Да, есть, — ответил Конан. — Вам придется обшарить пруд, ибо все это там.

— Эй! — взвился перед Конаном Убо. — Ты же не собираешься позволить им забрать все, не так ли? Клянусь Сетом, мы заслужили свою долю.

Идрис взглянул на своего кузена:

— Генерал, не этот ли человек бросил мою службу, и не заслуживает ли он повешения?

— Это должное наказание, мой повелитель, — кивнул Элтис.

— Что? — возмутился Убо. — Ты называешь себя королем и вот так обходишься со мной, когда я доставил тебе все эти великие сокровища?

Идрис улыбнулся:

— Нет, ты в безопасности, пока находишься вне пределов моего королевства, но бандит, подобный тебе, должен быть благодарен за то, что ему позволено дышать, и не стоит беспокоить королей ради большей награды. — Он взглянул на Конана. — Но если сокровища таковы, как утверждала женщина, я дам тебе один сундук золота.

— Ваше величество, — запротестовал Элтис, — ты слишком великодушен. Горсти динаров таким негодяям будет более чем достаточно.

— Нет, не хочу, чтобы люди считали меня поступающим не по-королевски. Сундук золота.

— Как пожелаешь, — сказал Элтис, он выглядел обиженным.

— Мой повелитель! — позвал капитан Хоста. — Что мне делать вот с этим? — Он указал на круг всадников, наставивших копья на Беритуса Аквилонского. — Он не принимал участия в схватке, и он не туранец.

— Он один из ваших? — спросил Идрис.

— Это наемный пес Загобала, — сообщила Лейла, сдерживая коня. — Он привел свою свору шакалов, чтобы напасть на дом моего отца. А еще он шел за нами по пятам с тех пор, как мы забрали сокровища.

— Тогда убейте его, — сказал Идрис.

— Подожди! — крикнул Беритус. — Я требую для себя права отомстить!

— За что отомстить, пес? — презрительно осведомился Конан. — Я никогда не искал драки с тобой. Это ты принял плату от Загобала за мою голову. Я убил твоих людей, потому что они охотились за мной, а ни один человек не может поступить так и остаться в живых!

— Ты думаешь, это меня заботит? Я жажду мести за Венариум!

— Венариум? — переспросил Идрис. — Я слышал это название. Не та ли это великая битва, что разыгралась на далеком севере много лет назад?

— Не так уж и много, — с горечью произнес Беритус. — Король Аквилонии основал колонию на землях к северу от Бессонских Пределов, и мой род был среди поселенцев. Дикие племена с киммерийских холмов обрушились на нас и учинили великую резню. Вся моя семья была уничтожена.

— Твой король насадил свою колонию на родовых землях наших кланов! — воскликнул Конан. — То было наше право — выбить оттуда вторгшихся незаконно. Это была моя первая битва. Хотя я видел к тому времени всего пятнадцать зим, но сразил многих: аквилонцев, боссонцев и гундеров. Но это была битва, а не ловушка и не предательское нападение. Никто не может требовать мести за поражение в честном и открытом бою.

— Я тоже был мальчишкой, — сказал Беритус. — И когда битва кончилась, меня продали в рабство.

— Это ложь! — вскричал Конан. — Киммерийцы не держат рабов сами и не продают пленников торговцам. Когда побоище завершилось, мы вернулись на свои холмы и не взяли с собой ничего, кроме своих мертвых и раненых.

— С битвой все не кончилось, — сказал Беритус. — Еще месяцы после нее по стране ездили работорговцы, сгоняли уцелевших и отправляли их на невольничьи рынки. Большинство были женщины и дети, ибо не многие мужчины избежали смерти от рук черноволосых волков с севера. Я трудился как раб, но натура моя была слишком горда, чтобы обрабатывать землю. Я заработал себе свободу гладиаторскими боями, и с тех пор я всегда оставался воином и охотником. И никогда не покидала меня жажда мести киммерийцам. Я столь поспешно принял предложение Загобала, ибо узнал, что во главе разбойников один из тех. В свое время я переловил множество людей, но не было среди них представителей этой проклятой расы.

— Ага, и ты охотился за мной на свою голову.

— Все это глупо — разговоры о старых битвах и мести, — сказала Лейла. — Убейте его.

— Нет! — возразил Конан. — Он злобный шакал, ловит беглых рабов и доведенных до отчаяния людей, но не скажу, что он лишен храбрости. И он заслуживает справедливости. Доставай свою сталь, аквилонец. Мы с тобой повторим Венариум.

— Это безумие! — закричала Лейла. — Ты уже победил!

— Это замечательно! — воскликнул Идрис.

— Да, — сказал Элтис. — Возможно, они прикончат друг друга. Это сохранит нам сундук золота.

Мятежники расступились, образовав полукруг, ограниченный водоемом. Два северянина обнажили мечи и отбросили ножны. Потом они принялись медленно кружить друг против друга, каждый ища преимущества, прежде чем решиться на удар. Они были под стать друг другу размерами и весом; возможно, Беритус чуть помассивнее, а у Конана чуть подлиннее руки и ноги. Если не считать стального шлема и щитков на ладонях и предплечьях у Беритуса, оба были никак не защищены.

Несколько раз они обменялись ложными выпадами, прощупывая друг друга. Затем Беритус пошел в атаку и обрушил целый шквал ударов на голову и тело Конана. Киммериец был вынужден отступить, обороняясь без всякой возможности для контратаки. Охотник за людьми орудовал своим кривым мечом, проводя серии коротких, мощных бросков, и при этом предохранялся от ответных ударов своими защищенными предплечьями. Конан узнал этот стиль. Он был безупречен для поединков и идеально подходил для узкого пространства.

Конан отпрыгнул на шаг и обрушил на голову противника встречный шквал, стараясь заставить того прекратить свою атаку. Беритус парировал удары мечом или отбивал пластинами, закрывающими кисти. Одновременно оба они отскочили в стороны. Оба тяжело дышали и были залиты потом. Они изучили друг друга, и следующий обмен ударами должен был стать последним. В этой паузе сражающихся насмерть зрители хранили полную тишину.

Беритус был напряжен, вздулся каждый его мускул. Конан был почти расслаблен.

Затем оба прыгнули, и удары посыпались так быстро, что за ними невозможно было уследить. Сталь звенела о сталь, и непрерывный грохот был таков, будто все оружейники в мастерской одновременно стучали своими молотками.

Они наступали и отступали, пока не оказались в пруду; вода доходила им почти до колен. Лязганье стали стихло на долгие секунды, когда сцепились две рукояти; люди давили друг на друга, мускулы напряглись, и будто бы не из легких доносилось это шумное дыхание, а из раздуваемых мехов.

Затем наступил судорожный взрыв плоти и стали. Меч Конана пошел вниз, Беритус выкинул руку. Последовал звук металла, пронзающего плоть. Тут Конан, пошатнувшись, отступил на шаг; кровь струилась из четырех длинных, параллельных борозд, что оставили, глубоко разорвав кожу, шипованные костяшки пальцев Беритуса. Аквилонец наклонился вперед, стараясь повторить ужасный удар, но не дотянулся. Конан освободил наконец рукоять своего меча и, не убирая лезвия, пронзил аквилонца — гарда вплотную к животу, два фута окровавленной стали торчали из бока.

— Проклинаю тебя, киммерийская свинья, — вымолвил Беритус.

Затем он рухнул в кровавую воду. Конан подошел к трупу и вытащил меч. Он погрузил сверкающую сталь в пруд, дабы очистить клинок от крови и мяса.

— Кром, — воскликнул Конан, — однако он оказался достойным противником! Не будь он злобной, жестокой гиеной, я бы устроил ему отличное погребение.

— Великолепно! — закричал Идрис.

Элтис выглядел менее довольным, ибо сундук золота все-таки уплывал.

Остаток дня мятежники в поте лица доставали сокровища. Люди ныряли в смешавшуюся с кровью воду и привязывали к сундукам веревки; затем веревки приматывали к лукам седел и волокли сундуки к берегу. Другие мятежники выносили на плечах мешки с серебром.

— Это даже больше, чем описывала женщина, — в восторге проговорил Идрис. — Располагая такими сокровищами, я соберу под свои знамена весь северный Иранистан. Я скину узурпатора с трона!

Его люди громко захлопали.

— Конан, — продолжил Идрис, — ты сослужил мне добрую службу, хотя я и не имею искреннего желания вновь видеть тебя в границах моего королевства. Выбери сундук и возьми его. Он твой.

Конан выбрал сундук, взвалил его на плечо и отнес туда, где была привязана его лошадь. Убо съездил и отыскал животное после схватки с Беритусом. Теперь разбойник уныло сидел на земле.

— Итак, у нас единственный сундук, и мятежники все забирают себе. Что в этом хорошего?

— Могли бы не получить ничего, — сказал Конан. Кровь на его лице высохла, но щека выглядела так, будто по ней лапой прошелся тигр. — Ты когда нибудь воровал столько, сколько лежит в этом сундуке?

— Нет, за всю свою жизнь.

— Тогда не жалуйся. Мир полон золота, и волевой человек способен добыть его.

Через час все сокровища были погружены, и мятежники поскакали в сторону Иранистана. Своих мертвецов они забрали, но охотники за людьми и солдаты Торгут-хана

лежали там, где настигла их смерть. Вокруг рыскали шакалы и гиены, появился даже редкий степной лев. Воздух кишел стервятниками.

— Поехали, — сказал Конан.

Они привязали сундук к солдатской лошади, которую оставил им Идрис, и вскочили в седла. Они направились на другую сторону озерца, где Лейла беседовала с новоприбывшим.

— Я рад видеть тебя живым, Волволикус, — сказал Конан. — Вообще-то я не люблю колдунов, но ты был верным товарищем, хотя и вынашивал свои собственные замыслы насчет этого проклятого храма и чужеземных магов. Это существо умерло?

— Оно никогда не умрет, — ответил колдун, у которого не было коня, хотя он и прибыл в белоснежных одеяниях без единого пятнышка. Конан не был расположен спрашивать его о том, чем завершился поединок. — Но теперь божество не будет пытаться возродиться еще тысячу лет, а может, десять тысяч или сто.

— Значит, ко мне это больше не относится, — сказал киммериец. — Ты был в нашей шайке. Золота не так много, как мы взяли, но ты имеешь право на свою долю.

Колдун покачал головой:

— Мне не нужно золото. Я возведен в Первый Круг; подобным нет нужды касаться мирских забот.

— Тогда прощай, — сказал Конан и повернулся к Лейле: — Ты оказалась более чем знающей толк во всех этих делах прошедших дней. Поедешь с нами?

Она улыбнулась:

— Нет, это было славное приключение, но я остаюсь с отцом. Ему есть чему поучить меня, и я думаю, что твоя дикая жизнь скоро бы мне приелась. До свидания, киммериец.

— Прощайте, вы оба.

Конан махнул рукой, развернул коня и рысью поскакал вслед за Убо, который вел их груженую лошадь.

Они скакали несколько часов, пока не оставили за спиной холмы, оказавшись на краю пустыни, испещренной караванными путями, соединяющими редкие колодцы.

— Куда теперь, атаман? — спросил Убо.

Конан указал рукой прямо на запад:

— Там есть город, именуемый Замбула. Это злачное место, там приветствуют людей с золотом и не задают вопросов, откуда оно взялось. Если колодцы полные, мы будем там дней через десять-двенадцать.

Убо почесал подбородок:

— Звучит подходяще. В этом сундуке годовые доходы изрядного города. В таком месте, как ты описал, этого может хватить на месяц или даже больше! А затем мы сможем сколотить новую шайку, ибо злачные города всегда полны народом, жадным до золота и умеющим кое-что получше, чем работать за него в поте лица.

— Да, — сказал Конан. — В Замбулу!

Весело смеясь, двое поскакали прочь от холмов Турана. За ними кружили стервятники.